

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2012 – 1 (235)

**Научно-информационный бюллетень
Издается с 1992 года**

**Москва
2012**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. – М., 2012. – № 1 (235). – 172 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владислав Лекторский.</i> Как возможен диалог цивилизаций.....	4
<i>Р. Беккин.</i> Исламские налоги как инструмент решения социально-экономических проблем мусульманского населения России	16
<i>Хасан Дзуцев.</i> Ваххабизм в республиках Северного Кавказа: Реалии и последствия	22
<i>К. Ланда.</i> Дагестан и геополитические проблемы Юга России	30
<i>Расим Мусабеков.</i> Азербайджан между Турцией и Россией.....	40
<i>Ирина Звягельская.</i> Исламское возрождение в Центральной Азии.....	51
<i>А. Клименко.</i> Туркменистан как потенциальный участник ШОС и его влияние на ситуацию в Центральной Азии	62
<i>Елена Ионова.</i> Развитие российско-узбекских отношений.....	66
<i>Алексей Малащенко.</i> Режимы Центральной Азии: Обреченные на вечность и прозябание	72
<i>Александр Кадырбаев.</i> Уйгуры, казахи и киргизы – тюркские народы современного Китая	94
<i>Омар Нессар.</i> Афганистан в ловушке неопределенности	100
<i>Н. Мамедова.</i> Исламский фактор в развитии современного Ирана	112
<i>Г. Вайнштейн.</i> Будущее политики мультикультурализма в Европе	127
События в Северной Африке и на Ближнем Востоке: Причины и следствия (по материалам круглого стола, организованного ИМЭМО РАН)	144
<i>Владимир Карякин.</i> Информационно-сетевые войны и их роль в событиях на Ближнем Востоке	162

**КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!**

**Владислав Лекторский,
академик РАН (Институт философии РАН)
КАК ВОЗМОЖЕН ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Есть свойство и признак человеческого общения, без и вне которого рассуждать о диалоге цивилизаций просто нельзя. Это толерантность, или в русском переводе терпимость, выступающая как первоначальное, исходное условие любого плодотворного диалога.

Можно рассматривать диалог как один из способов проявления толерантности (мне самому приходилось писать именно в таком духе). Однако лучше все-таки различать толерантность и диалог: диалог предполагает толерантность, последняя же может и не сопровождаться диалогом. Почему это нужно и важно и какой практический смысл все это имеет, я постараюсь показать. Но с самого начала хочу подчеркнуть, что в понимании роли диалога цивилизаций в современном мире существует определенная неясность. Получило распространение, например, мнение о том, что именно этого рода диалог является универсальным способом решения тех сложных проблем, которые порождает современное социальное развитие, в частности процесс глобализации. Я думаю, что в действительности дело обстоит все же не совсем так. Во-первых, потому, что глобализация при некоторых обстоятельствах может и не нуждаться в диалоге такого рода. Тот тип глобализации, который сегодня реально разыгрывается, никакого межцивилизационного диалога не предполагает. Ибо в действительности происходит экспансия на все регионы мира системы рыночной экономики, современных информационных технологий и сопутствующей им массовой культуры. Та глобализация, которая является сегодня реальным фактом, ведет к нивелированию цивилизационных различий, к гомогенизации человечества в целом. Модерниза-

цию в свое время отождествляли с вестернизацией. Есть соблазн назвать современную глобализацию «американизацией» мира. Но в таком случае межцивилизационный диалог просто бессмысленен, ибо речь идет как раз о создании унифицированной, гомогенной цивилизации, а не о разных цивилизациях, которые могут вступать (или не вступать) в диалог друг с другом. Значит, когда мы говорим о возможности и даже о необходимости диалога цивилизаций, мы имеем в виду не ту глобализацию, которая реально совершается ныне, а ту, которая нам представляется желательной, т.е. глобализацию иного типа, не отменяющую цивилизационных различий, а напротив, их культивирующую. Иными словами, разговор о важности и нужности диалога цивилизаций сегодня предполагает в том числе и возможность изменения направления и характера глобализации.

Во-вторых, не следует думать, что даже в том случае, если глобализации будет придан иной, чем сегодня, т.е. более гуманный, характер и если будет практиковаться диалог разных цивилизаций, то мы с помощью этого диалога сможем решить все современные проблемы. В действительности многие из них не имеют готовых решений. Не содержится решение этих проблем и в наследи существующих сегодня разнообразных цивилизаций. Ибо с ними человечество никогда до сих пор не сталкивалось. Есть основания считать, что сегодня человечество стоит перед каким-то серьезным вызовом, когда возникает вопрос и о будущем человека, и о будущем общества и культуры.

Это прежде всего проблемы, являющиеся результатом новейшего этапа развития науки и техники, возникновения новых информационных технологий (телевидение, использование компьютера, коммуникация с помощью Интернета). Высокий темп обновления знаний, характерный для информационного общества, влечет быструю сменяемость социальных структур и институтов, воплощающих это знание, типов и способов коммуникации. Многие социальные процессы становятся чем-то эфемерным: существующим относительно небольшое время. Интеграция прошлого и будущего в единую цепь событий, образующая индивидуальную биографию и лежащая в основе личности, «Я», оказывается в некоторых случаях непростым делом. Все более усложняющаяся в современном глобализирующемся обществе цепь социальных и технологических опосредований между действием и его результатом делает сложным рациональное планирование действий не только на коллективном, но даже и на индивидуальном уровне. Но

дело не только в этом. Любое рациональное действие предполагает не только учет его возможных последствий, но также и соотнесение выбранных средств с существующими в обществе нормами поведения, с коллективными представлениями о дозволенном и недозволенном, с представлениями действующего субъекта о самом себе, о своей биографии, о принятых на себя в прошлом обязательствах, о принадлежности к той или иной коллективной общности, т.е. с тем, что называется индивидуальной идентичностью. Между тем современный западный мир, вступающий в информационное общество и втягивающий посредством процесса глобализации в это общество остальную часть мира, переживает кризис индивидуальной идентичности. Начинается кризис и ряда коллективных идентичностей.

Вот еще один современный вызов нашим представлениям о человеке. Это попытки с помощью воздействия на генную систему изменить саму человеческую телесность, создать более «совершенного» человека, наиболее приспособленного к выполнению тех или иных конкретных функций. Кажется, что современная наука открывает такие возможности. Появились энтузиасты, пропагандирующие новые способы экспериментирования над человеческим телом и связывающие с изменением человеческой телесности осуществление самых дерзновенных мечтаний, реализацию новой генно-технологической утопии. Возникающая в этой связи проблема связана даже не столько с возможностью или невозможностью такого рода экспериментов (как писал Н. Бердяев, особенность утопии не в том, что она не существует, а в том, что она может осуществиться), сколько с тем, что подобного рода вмешательство может привести к необратимым последствиям, сходным с результатами человеческого воздействия на природу, породившими современный экологический кризис: человек может перестать быть человеком. Известный теоретик Ф. Фукуяма пишет о «нашем постчеловеческом будущем». Между тем все существующие сегодня на Земле цивилизации с их представлениями о нравственности предполагают ту человеческую телесность, с теми присущими ей возможностями и ограничениями, с тем распределением способностей между индивидами, которая до сих пор считалась чем-то неотъемлемым от самого понимания человека.

Эти (а также многие другие) исключительно острые, притом не только теоретические, но и практические проблемы, конечно, не могут быть решены только с помощью диалога цивилизаций. Диалог в этом случае совершенно необходим, но это должен быть

прежде всего диалог между специалистами разных областей знания, между философами и учеными, между экспертами и обычными людьми. Определенную (но вряд ли решающую роль) в этом случае может сыграть и диалог цивилизаций. Роль последнего в данном случае, таким образом, ограничена.

Где же и каким образом диалог цивилизаций может быть полезен в решении тех проблем, с которыми сталкивается сегодня человечество? В этой связи хочу высказать два соображения.

1. Конечно, цивилизации сами по себе никакого диалога вести не могут. «Диалог цивилизаций» – это метафора. Могут вести диалог лишь конкретные представители разных цивилизаций. Это могут быть индивиды, социальные группы, сообщества, правительственные структуры.

2. Диалог, как правило, ведется не по поводу самих цивилизаций: их систем ценностей, взглядов на мир, религиозных убеждений. Дело в том, что эти смысловые установки как раз и конституируют идентичность цивилизаций и лежат в основе социальной идентичности каждого индивида, приобщенного к данной цивилизации. Поэтому если только цивилизация не распадается, не переживает кризиса собственной идентичности (что все-таки иногда происходит, особенно сегодня), то ядро цивилизации не обсуждается. По поводу этого ядра диалог невозможен. Это ясно видно на примере возможности диалога разных религий, которые исторически всегда входили в ядро конкретных цивилизаций, по крайней мере, с того времени, когда эти религии возникли. Представители разных религий могут вести диалог по поводу конкретных социальных проблем: как эти проблемы могут быть поняты и решены с позиций этих религий. Но они не будут вести диалога о религиозной догматике. Ведь каждая религия исходит из абсолютности и непререкаемости своих догматов. Можно дискутировать по поводу их толкования, чем и занимаются теологи. Но нельзя сомневаться в абсолютной истинности самих догматов. Если только допускается возможность взгляда на догматы с позиций другой религии, данная религия перестает существовать.

Диалог между цивилизациями возможен и может быть плодотворным в связи с решением конкретных практических проблем и связан как с пониманием этих проблем с позиций той или иной цивилизации, так и с предлагаемыми способами решения. Каждая цивилизация задает собственную перспективу в подходе к современным проблемам. Сравнение этих перспектив с точки зрения их плодотворности возможно и насущно необходимо. Об этом я под-

робнее скажу несколько позже. Но сейчас я хочу обратить внимание на то, что такого рода диалог предполагает, что само ядро разных цивилизаций, к которым принадлежат вступившие между собой в общение индивиды, этим диалогом не затрагивается. Иными словами, такого рода диалог предполагает вместе с тем межцивилизационную толерантность, т.е. терпимость, невмешательство в глубинные смысловые основы чужой цивилизации, бережное отношение к тому, что не похоже на то, к чему мы привыкли.

Итак, что же такое толерантность?

1. Первое понимание толерантности было первым и исторически. В некоторых отношениях оно считается классическим и дожило до наших дней. Оно связано с именами Бэйля и Локка, с классической либеральной традицией. Мне представляется важным и во многом проливающим свет на сам характер проблемы тот исторический факт, что она как философская была сформулирована в связи с проблемой веротерпимости и первоначально понята как своеобразное осмысление итогов Тридцатилетней войны, в ходе которой представители враждующих религиозных конфессий почти поголовно истребили друг друга.

Согласно этому пониманию, истина, основные моральные нормы, основные правила политического общежития могут быть неоспоримо и убедительно для всех установлены и обоснованы. В этих вопросах бессмысленно говорить о толерантности, так как доказательство, рациональное обоснование убедительны для всех. Однако люди не только разделяют истинные утверждения, но также и придерживаются различных мнений. Истинность некоторых из этих мнений может быть впоследствии установлена. Однако среди них есть такие, истинность которых никогда не может быть установлена бесспорно. Это прежде всего религиозные взгляды, метафизические утверждения, специфические ценности разных культур, особенные этнические верования и убеждения. Эти мнения принимаются людьми на внерациональных основаниях и связаны прежде всего с самоидентификацией: культурной, этнической, личной. Без самоидентификации нет личности, т.е. человека, самостоятельного в своих решениях и ответственного за свои поступки. Однако способы самоидентификации во многих случаях являются внерациональными и связаны с определенной, принимаемой человеком традицией, с тем местом, где он родился и живет, с культурой, к которой он принадлежит, с историей его страны, с его собственной биографией и т.д.

Что касается познавательных истин (в особенности истин науки), рационально обоснованных норм права и нравственности, то нельзя, конечно, терпимо относиться к тому, что им противоречит, и к действиям, которые их нарушают. Люди, нарушающие нормы морали и права, должны быть наказаны. Однако и в этом случае следует отдавать себе отчет в том, что истина не может быть навязана силой: силой физического принуждения или пропагандистского внушения. К принятию истинного утверждения человек может прийти лишь самостоятельно. Поэтому нужно вести борьбу с действиями, нарушающими разумно установленные правила общежития и вместе с тем проявлять в некоторых пределах терпимость к неразумным взглядам, создавая для тех, кто их придерживается, такие условия, в которых они могли бы сами прийти к признанию истинности того, что может быть бесспорно и универсально установлено.

Что же касается тех мнений, истинность которых не может быть доказана, которые принимаются на внерациональных основаниях (религиозные убеждения, метафизические утверждения, специфические ценности разных культур, этнические верования и т.д.), то не только их, но и соответствующую им практику вполне можно допустить в тех случаях, когда они не вступают в противоречия с основами цивилизованного общежития. В этом случае такого рода мнения и соответствующая им практика выступают как «особое дело» определенных культурных, этнических, социальных групп. Терпимость в данном случае обосновывается тем, что различия во взглядах, не относящихся к вопросам истины и основных моральных, правовых, политических норм, индифферентны к основным ценностям цивилизации и не препятствуют нормальному общежитию. Различные социальные, культурные, этнические группы могут иметь свои церкви, школы, культивировать свой язык, иметь свои обычаи. Недопустимо вмешиваться в эти дела со стороны (со стороны правительства, если речь идет, например, о существовании этнических меньшинств на территории большого государства, или со стороны одного государства по отношению к другому). Основным для нормальной жизни в обществе и для мирных взаимоотношений разных обществ и культур считается согласие в понимании основных моральных норм и того, что установлено в познании (в частности, в науке). Очень важно отметить, что с точки зрения данного понимания толерантности различия в специфических цивилизационных ценностях будут постепенно уменьшаться по мере развития человечества, так как

усиление взаимодействия разных цивилизаций и этносов, необходимость совместного решения практических проблем будут неизбежно вести к этому. Толерантность при таком ее понимании выступает как безразличие к существованию различных взглядов и практик, так как последние рассматриваются в качестве неважных перед лицом основных проблем, с которыми имеет дело общество.

2. Второе понимание толерантности исходит из того, что нельзя принять ту предпосылку, из которой исходит первый способ понимания, а именно: что существуют такие истины познания и нормы социального общежития, которые могут быть бесспорно и убедительно для всех установлены. Данное понимание опирается на результаты современных культурно-антропологических исследований, на некоторые результаты анализа истории науки, социального исследования научного познания, на некоторые современные концепции в философии науки. Согласно данному пониманию, религиозные, метафизические взгляды, специфические ценности той или иной цивилизации не являются чем-то второстепенным для деятельности человека и для развития общества, а определяют сам характер этой деятельности и способ развития той или иной цивилизации. Плюрализм этих взглядов, ценностей и способов поведения неустраним, так как связан с природой человека и его отношениями с реальным миром. Все цивилизации (и познавательные установки) равноправны, но в то же время и несоизмеримы. Не существует никакой привилегированной системы взглядов и ценностей.

Единственное исключение следует сделать для идеи о том, что все люди, независимо от расы, пола и национальности имеют равное право на физическое существование и культурное развитие (в отношении нарушения этих прав не может быть никакой терпимости). Но, будучи равноправными и заслуживающими уважения, разные системы взглядов (в том числе разные цивилизации), по сути дела, не могут взаимодействовать друг с другом, ибо замкнуты на себя, несоизмеримы друг с другом. Самоидентичность разных цивилизаций, культурных и социальных общностей основана на том, что они как бы не касаются друг друга, существуя, по сути дела, в разных мирах. Можно переходить из одного цивилизационного или познавательного мира в другой. Но нельзя одновременно жить в двух разных мирах. Толерантность в данном случае выступает как уважение к другому человеку или цивилизации, которые я не могу понимать и с которыми я не могу взаимодействовать. Однако против такого понимания толерантности и плюра-

лизма можно возразить. Эти возражения формулируются в третьем понимании.

3. Третье понимание. Во-первых, можно показать, что в действительности между разного рода системами ценностей и концептуальными каркасами существует реальное взаимодействие. Это просто факт истории культуры. При этом в результате этой критики одни из ценностей и концептуальных каркасов сходят со сцены, уступая место другим. Ибо не существует их принципиальной несоизмеримости. Между разными системами ценностей, разными традициями идет постоянное соревнование, в ходе которого они пытаются показать свою состоятельность, возможность с их помощью и на их основе справиться с решением различных технических, социальных и интеллектуальных проблем, с которыми сталкиваются люди. А при всем различии традиций и цивилизаций им все же приходится решать немало общих проблем. В результате соревнования происходит отбор тех норм, систем ценностей, интеллектуальных традиций, которые соответствуют требованиям постоянно меняющейся ситуации. Но нельзя силой навязывать свои убеждения другим людям или ценности одной цивилизации другим. В данном случае толерантность выступает как снисхождение к другой цивилизации.

Толерантность абсолютно необходима, если мы хотим избежать того столкновения цивилизаций, о котором писал С. Хантингтон. Вместе с тем как бы ни понимать и ни практиковать

толерантность (как индифферентность, как уважение, как снисхождение к другому), она все же сводится к невмешательству в иную цивилизацию и исключает взаимодействие с ней. Между тем сегодня взаимодействие цивилизаций жизненно необходимо. Верно, что одного этого взаимодействия недостаточно для решения всех тех проблем, которые возникают перед человечеством. Но верно и то, что это взаимодействие (диалог цивилизаций) жизненно необходимо.

Диалог (не только цивилизаций, но и культур, социальных групп, научных сообществ, индивидов) – это вообще нечто большее, чем толерантность. Ибо он предполагает не только терпеливое допущение иной позиции, иной системы ценностей и установок, но и желание чему-то научиться у другого.

И ведь исторически цивилизации учились друг у друга, пытаясь учесть чужой опыт и тем самым расширяя горизонт собственного опыта. Это бесспорный факт истории культуры. Между

прочим, самые интересные идеи в истории философии и науки возникали как раз при столкновении и взаимной критике разных концептуальных каркасов, разных интеллектуальных парадигм. Западноевропейская цивилизация возникла из синтеза двух других, очень разных и, казалось бы, даже несоизмеримых: иудео-христианской и античной. Христианские Отцы Церкви, разрабатывая систему религиозной догматики, вели плодотворный диалог с античной философией. Современная физика, будучи продуктом развития прежде всего европейской цивилизации, черпает некоторые принципиальные идеи из изучения индийской и китайской мифологии: речь идет не о синтезе мифологии и науки, а о переводе на язык науки некоторых идей, навеянных этой мифологией (как отмечал лауреат Нобелевской премии И. Пригожий, предлагаемая им картина мира близка представлениям древней китайской мифологии).

Как любил подчеркивать М. Бахтин, диалогична уже сама природа сознания. «Я» не похоже на лейбницевскую монаду, ибо не замкнуто на себя, а открыто другому человеку. Само отношение к себе как Я – элементарный акт саморефлексии – возможно только на основе того, как я отношусь к другому человеку, что я могу отнести к самому себе как к другому, т.е. мысленно или в воображении (как правило, не сознавая этого) встать на точку зрения другого. Каждый человек не только обладает самоидентичностью. Он может развивать эту самоидентичность, меняясь в существенных отношениях. Особенно остро эта проблема стоит сегодня. Развитие идентичности возможно только на основе постоянной коммуникации с другими, диалога с иными точками зрения, позициями, возможностью понять эти другие позиции.

Сегодня человечество оказалась в такой ситуации, когда явно осознаются недостаточность и односторонность того опыта отношений людей с природой и друг с другом, который был накоплен до сих пор, необходимость расширения этого опыта. А это предполагает также и взаимный учет опыта друг друга. Это, конечно, вовсе не означает, что чужой опыт просто некритически осваивается. Речь идет совсем о другом: о необходимости видеть в иной позиции, в другой системе ценностей, в чужой цивилизации не то, что враждебно моей собственной позиции, а то, что может помочь мне в решении проблем, которые являются не только моими собственными, но и проблемами других людей и других цивилизаций, других ценностных и интеллектуальных систем отсчета.

В этом диалоге не только отдельные люди, но и цивилизации могут и должны развиваться.

Взаимодействие с позициями, отличными от моих, сопоставление моей аргументации с аргументами в пользу иной точки зрения выступает как необходимое условие развития моих собственных взглядов. То же относится и к взаимодействию цивилизаций. В этом случае плюрализм выступает не как нечто мешающее существованию данной цивилизации, нечто глубоко ей чуждое, но как необходимое условие ее плодотворного развития и как механизм развития культуры в целом. Это уже не просто плюрализм, а полифония, как выражался Бахтин, т.е. диалог и глубинное взаимодействие разных позиций.

Диалог – это вообще более высокая форма развития как индивидуальной идентичности, так и идентичности той или иной цивилизации. Это нечто большее, чем простая толерантность. И это более высокая форма уважения к чужому, чем та, которая предполагается простой толерантностью. Сегодня, как я уже отметил, этот диалог не может затрагивать глубинного ядра цивилизации (так же, как и глубинного ядра личной индивидуальной идентичности). В отношении этого ядра поэтому можно и нужно практиковать толерантность. Но будущее человека и культуры, по моему глубокому убеждению, связано именно с диалогом, при этом таким, который будет затрагивать также и ядро идентичности. Ибо только диалог дает возможность не только сохранить, но и развить, т.е. в чем-то изменить идентичность. А современный этап развития человечества как раз и предполагает динамизацию всех социальных процессов, в том числе динамизацию идентичностей: как индивидуальной, так и коллективных (в частности, идентичности цивилизаций).

* * *

Что же означает межцивилизационный диалог в современных условиях? Я хочу подчеркнуть, что диалог – это особая форма коммуникации. Диалог означает, во-первых, что собеседники имеют разные позиции по какому-то вопросу. Во-вторых, он предполагает, что каждый из собеседников исходит из ценности рационального обсуждения, из того, что существуют аргументы в пользу его позиции и что они будут поняты собеседником, что можно и нужно в этом диалоге защищать свою позицию и вместе с тем учитывать точку зрения другого, и если эта иная точка зрения

в чем-то обнаружит преимущества, то можно и нужно изменить в этом пункте собственную позицию. В итоге диалога оба собеседника придут к некоей общей позиции по обсуждаемому вопросу. Иными словами, если не признается ценность рационального рассуждения, диалог невозможен.

Конечно, рациональность не является специфическим достоянием западной цивилизации. Индийская, китайская, арабская и другие цивилизации внесли неоценимый вклад в ее развитие. Так, например, в арабско-мусульманском мире всегда почиталась наука: алгебра, химия, медицина и др. Но нужно все-таки признать, что современные формы рациональности в том виде, в каком они практикуются сегодня наукой и техникой, связаны с развитием прежде всего западной цивилизации. В этом ее особый вклад в создание условий, в которых возможен межкультурный диалог. Мы не можем не признавать этот исторический факт.

Практически диалог цивилизаций возможен сегодня не по поводу самих цивилизаций (их ядерных оснований), а по поводу решения тех или иных конкретных социальных проблем. Представители разных цивилизаций имеют свои взгляды на эти проблемы, исходя из своих систем ценностей. Обмен этими взглядами, их сопоставление, рациональное обоснование их преимуществ могут быть очень плодотворными и вести к поиску общих решений тех проблем, которые являются общими для всех. Мне представляется, что сегодня предметом диалога цивилизаций могут и должны быть проблемы, от решения которых зависит ближайшее будущее человечества. Вот некоторые из них.

Это прежде всего создание нового мирового правового и политического порядка. Есть мнение о том, что западная цивилизация тяготеет исторически к демократии (и связанным с нею ценностям индивидуальной свободы и прав личности), в то время как восточные («традиционные») цивилизации больше ценят ответственность и обязанности и в связи с этим склонны в политическом плане к авторитаризму. Если это так, то, казалось бы, диалог цивилизаций по этим проблемам невозможен, ибо данные ценности входят в ядро соответствующих цивилизационных образований, а обсуждение этого рода ценностей, как я писал выше, невозможно на данном этапе развития человечества. Я думаю, что до недавних пор диалог между цивилизациями по этим вопросам был действительно невозможен. Но сегодня ситуация в ряде важных отношений другая. Ибо ныне речь идет об установлении такого рода отношений между разными странами, представляющими разные

цивилизации, при которых они могут сохранить свою идентичность. Но единственную возможность такого рода дает именно демократия в международных отношениях. Таким образом, ценности демократии хотя бы в этом отношении не могут не признаваться сегодня представителями разных цивилизаций. При этом нужно признать, что до конца не очень ясно, что такое ценности демократических отношений между странами (до сих пор демократия понималась как политическая система применительно к отдельной стране). Значит, предмет для диалога и обсуждения имеется. Между прочим, справиться с международным терроризмом без решения этого рода проблем вряд ли возможно. Можно предполагать, что по мере развития будет все больше происходить процесс конвергенции разных цивилизаций. А это значит, что те вопросы, в отношении которых современные цивилизации должны практиковать простую толерантность, во все большей степени будут предметом настоящего диалога.

Предметом диалога цивилизаций сегодня могут и должны быть экологические проблемы, касающиеся всех жителей Земли, проблемы взаимоотношений мирового центра и мировой периферии и ряд других.

Приведу пример такого рода диалога. В августе 2003 г. в Стамбуле проходил Всемирный философский конгресс. Его главная тема формулировалась так: «Человечество перед лицом глобальных проблем». Вопросы, связанные с глобализацией, были центральными и на пленарных, и на секционных заседаниях, и на многочисленных круглых столах. Вот некоторые темы этих обсуждений: неравенство и нищета; война, мир и насилие; глобализация и культурная идентичность; будущее демократии; роль средств массовой информации в современной культуре. На одном из заседаний обсуждается одна из этих острых и всех затрагивающих тем. Выступают три главных докладчика. Один из них живет в США, другой в Индии, третий в Южной Африке. Все трое ценят рациональную аргументацию и владеют ею, прекрасно знают современную литературу по данному вопросу, говорят по-английски. Но в подходе к теме каждый докладчик выражает позицию, связанную с ценностями именно его цивилизации. Поскольку эти позиции формулируются с помощью рациональной аргументации, они могут обсуждаться всеми участниками. Каждому понятна позиция других. Он сравнивает свою позицию с иными, обсуждает другие подходы. В дискуссию включаются другие участники конгресса. Конечно, в течение двухчасового заседания нельзя прийти

к общему решению, но все, кто выступал на этом обсуждении, и даже те, кто просто слушал дискуссию, получили новое представление и о самой проблеме, и о возможных способах ее решения.

Если практиковать такого рода диалог, глобализация будет выглядеть не как навязывание всем регионам Земли единственно возможной системы ценностей, а как создание такого мира, который един и в то же время состоит из многих уникальных цивилизаций.

«Человек в интеллектуальном и духовном пространствах», М., 2010 г., с. 23–37.

Р. Беккин,

востоковед (ИВ РАН)

ИСЛАМСКИЕ НАЛОГИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Духовные управления мусульман в России не случайно выступают за развитие вакфов¹ и практически игнорируют вопрос о закяте² – несмотря на то, что последний мог бы стать частью федерального религиозного налога (подобно тому, что существует в Германии).

Отсутствие интереса к закяту со стороны значительной части мусульманского духовенства объяснимо. Дело в том, что закят, в отличие от вакфа, не является таким же универсальным средством покрытия расходов религиозных организаций. Большинство мусульманских правоведов полагают, что использование средств от закята на строительство мечетей в регионе, где уже есть определенное их количество, недопустимо. Ученые полагают, что расходы на строительство мечети должны покрываться за счет государства, если, конечно, это государство мусульманское. Если же государство – немусульманское, то использовать большую часть закята на строительство мечетей также нежелательно.

---

¹ Вакф (или вакуф) – неотчуждаемое имущество, в соответствии с мусульманским правом, оказанное государством или частным лицом на религиозные или благотворительные цели.

² Закят – обязательная ежегодная выплата части имущества в пользу нуждающихся мусульман.

Вместе с тем не вызывает вопросов расходование средств от закята на образовательные, издательские и иные нужды, связанные с просвещением мусульман в вопросах веры. Важно не забывать при этом, что выплата закята носит в большинстве стран добровольный характер. В связи с этим возникает проблема соблюдения мусульманами одного из пяти столпов ислама – выплаты закята.

Еще в 70-е годы XX в. во многих мусульманских странах религиозным деятелям приходилось прилагать немало усилий, чтобы в буквальном смысле слова уговорить верующих платить данный налог. Сейчас желающих выполнить свой религиозный долг в мусульманском мире предостаточно. Причем мусульманину, намеревающемуся уплатить закят, совсем не обязательно выходить из дома: он может сделать это с помощью пластиковой карты через Интернет или посредством мобильного телефона. Во многом в связи с ростом количества физических и юридических лиц, выплачивающих закят, в мусульманском мире стала разрабатываться исламская финансовая отчетность.

Если говорить о культуре закята в России, то она также была утрачена в годы советской власти, как и культура вакфа. Еще в первые годы после революции в РСФСР выплачивался закят. В частности, за счет поступлений от данного очистительного налога в регионах компактного проживания мусульман (в Поволжье, на Северном Кавказе, в Средней Азии) для колхозов приобретали инвентарь. Однако в последующие годы закят в местах компактного проживания мусульман собираться перестал. На Кавказе в советские времена в села приезжали состоятельные мусульмане и просили местных жителей показать тех, «Кто совершает молитву». Им и передавали средства, собранные в качестве очистительного налога. На смену ему пришла нерегулярная садака, выплачиваемая благочестивыми мусульманами в дни религиозных праздников.

Вопрос о закяте должен был рано или поздно встать перед мусульманами России, поскольку в отличие от вакфа – это один из пяти столпов ислама. В феврале 2005 г. у мусульман Татарстана появилась возможность выплачивать закят через банки «Ак-Барс» и «Татфондбанк». Впрочем, указанные банки выполняют в данном случае лишь роль финансового посредника, и полученные средства вряд ли будут использоваться так же эффективно, как это имеет место в ряде мусульманских стран. Например, Египетский общественный банк Насера, вместо того чтобы просто распределять средства от закята среди нуждающихся, помогает им на льготных

условиях приобретать, например, сельскохозяйственный инвентарь. Банк также закупает по рыночным ценам продукцию у крестьян, позволяя им со временем из получателей закята стать теми, кто сам в состоянии выплачивать данный налог. В таких условиях очистительный налог действительно выступает в качестве эффективного орудия борьбы с бедностью.

В некоторых регионах России мусульманское духовенство пытается поставить на службу мусульманам другие религиозные налоги, не всегда понимая при этом их исконную шариатскую сущность. Так, в 1990-е годы в ряде районов Татарстана (Балтасинском, Арском и др.) имамы обращались к председателям колхозов с просьбой выделять часть картофеля на питание студентам мусульманских религиозных учебных заведений. Однако, по сути, в данном случае имеет место сбор садаки – единовременного благотворительного взноса, а не *'ушра*, или, как его называют в Татарстане, *гышара* (гышыра), – налога в размере 1/10 части урожая.

Развитию культуры закята в России, помимо прочего, препятствует отсутствие у населения необходимых знаний о данном очистительном налоге. Большинство верующих, как видно из вышеприведенного примера, не в состоянии отличить закят от других исламских институтов благотворительности. И религиозные деятели ничего с этим не могут сделать. Например, несколько лет назад в мечети г. Майкоп (Адыгея) имам велел установить два ящика – один для закята, другой – для садаки. Но поскольку прихожане не понимали разницы между ними, имаму пришлось отказаться от данной идеи.

Однако смешивание закята и садаки—это еще полбеда. В Москве и Московской области, например, в некоторых местных религиозных организациях мусульман (МРОМ) регулярные взносы верующих, идущие на покрытие административных расходов местных общин, нередко именуются закятом. Очевидно, со стороны руководства данных общин имеет место сознательная попытка сакрализировать характер взимаемых на нужды общины членских взносов и придать им «особый» статус. Подобные уловки, думается, дискредитируют не только мусульманское духовенство, но саму идею очистительного налога. Наблюдая, как средства, полученные в виде закята, идут не в пользу тех категорий, которые упомянуты в Коране, верующие теряют доверие к закяту как инструменту по эффективному перераспределению богатства в обществе в пользу нуждающихся членов общины.

Трактуя положения об очистительном налоге в своих интересах, морально нечистоплотные или просто безграмотные мусульманские служители культа в этом смысле мало чем отличаются от представителей вооруженных формирований, прикрывающихся исламской терминологией в своей противозаконной деятельности и именующих, в частности, дань, которой они облагают предпринимателей, закятом. Основное предназначение такого «закята» – финансирование джихада в том значении, в котором его понимают представители вооруженного подполья. Как отмечает российский этнограф А.А. Ярлыкапов, такой псевдозакят собирается с бизнесменов – уроженцев Северного Кавказа не только на их исторической родине, но и по всей стране.

В такой ситуации сложно сказать, кто более циничен: недочувшиеся боевики, выбивающие из состоятельных граждан деньги на джихад, или представители духовной «элиты», трактующие положения о закяте так, как им это удобно.

Так, в частности, в книге М.Э. Калимуллиной «Закят. Практическое руководство», в написании одной из глав которой, к сожалению, принимал участие автор этих строк, есть параграф «Закят как обязательные взносы членов местной религиозной организации», где, в частности, говорится следующее: «Каждый мусульманин является членом МРОМ, платит в нее необходимые и утвержденные собранием организации членские взносы и туда же отчисляет закятные средства, либо не платит, если относится к неимущим, и получает закятные средства из фонда организации. Подобная форма сбора является вполне приемлемой и видится эффективной для стран СНГ, и для России в частности».

Иными словами, автор не только констатирует практику смещения членских взносов с закятными средствами, но и характеризует ее как «вполне приемлемую». Может быть, здесь какая-то неточность в формулировках? Но следующая фраза в этом небольшом параграфе не оставляет никаких сомнений: «Таким образом, определенная доля закятных средств при этом отчисляется в вышестоящий орган, который распределяет эти средства на проекты, связанные с нуждами общин, входящих в данный орган». О том, какую долю может позволить взять себе «вышестоящий орган», управляющий проектом, автор предпочитает умолчать – равно как и о том, какое, собственно говоря, отношение подобная схема имеет к определенному в Священной Книге и Сунне порядку распределения закята. Вместе с тем было бы неверно утверждать, что духовные организации мусульман повсеместно демон-

стрируют неэффективность в вопросах сбора и распределения закята.

Заслуживает внимания опыт Республики Карелия, где сбором и распределением закята занимается Духовное управление мусульман Республики Карелия (ДУМ РК), имеющее общины в Петрозаводске, Костомукше и Кондопоге. Успех карельской общины в вопросах сбора и распределения закята объясняется во многом ее немногочисленностью. Члены общины хорошо знают тех, кто может выплачивать закят, и тех, кто нуждается в средствах. На плечи ДУМ РК, таким образом, ложится лишь техническая задача по сбору и распределению очистительного налога. Немаловажную роль играет и тот факт, что муфтий Республики Карелия Висам 'Али Бардвил пользуется уважением и доверием среди верующих. В своих публичных выступлениях он говорит, что готов отчитаться за каждую потраченную копейку из числа средств, поступивших в качестве закята. Любой платательщик закята и в самом деле может получить в ДУМ РК полную информацию о том, каким образом расходуются его средства, но для «людей с улицы» эти данные недоступны, что опять же не позволяет говорить о стопроцентной транспарентности системы по сбору и распределению очистительного налога в республике. Автором несколько раз направлялись в ДУМ РК запросы с просьбой предоставить сведения об объеме собранных и распределенных закятных средств, но они остались без ответа.

С учетом вышесказанного, нет ничего удивительного в том, что верующие испытывают больше доверия к специализированным мусульманским благотворительным организациям, чем к Духовным управлениям. В качестве примера можно привести интернет-ресурс Sadaka.ru. Целью создателей сайта было не перераспределение полученных средств на благотворительные цели, а помощь тем, кто нуждается в средствах, в поиске потенциальных спонсоров. На сайте в разделе «Им нужна помощь» вывешены объявления людей, обратившихся за поддержкой. Любой желающий может заполнить на сайте www.sadaka.ru специальную форму и оставить данные, по которым благотворители смогут связаться с ним.

В отличие от учредителей проекта Sadaka.ru благотворительный фонд «Солидарность» непосредственно занимается перераспределением средств спонсоров на благотворительные цели. На сайте фонда в разделе «Куда пошли ваши деньги» перечислены жертвователи (если они пожелали обнародовать свое имя), вне-

сенная сумма, адресат помощи и дата поступления денежных средств. Примечательно, что на том же сайте фонда есть раздел «Закят», где рассказывается о суммах, собранных волонтерами фонда в качестве закята или закята ал-фитр.

Как нам представляется, будущее мусульманской филантропии в России – за проектами типа Sadaka.ru или благотворительными фондами. Пока что они имеют дело преимущественно с садакой, но в перспективе возможно развитие на их базе системы по сбору и распределению закята, как это, например, имеет место в фонде «Солидарность». Говорить же в настоящее время о создании какой-либо централизованной системы по сбору и распределению закята во всероссийском масштабе под эгидой Совета муфтиев или других координирующих мусульманских структур в условиях отсутствия единого для мусульман Духовного управления, на наш взгляд, преждевременно. Первым шагом на этом пути должно стать не только совершенствование технической базы по закяту, в частности формирование баз данных получателей очистительного налога, но и укрепление доверия к мусульманским служителям культа.

Для того чтобы собирать и распределять закят в России, не требуется внесения поправок в нормативно-правовые акты. Однако необходимо в дальнейшем предусмотреть в законодательстве налоговые льготы в отношении регулярных плательщиков закята, в противном случае закят будет иметь характер нерегулярных благотворительных выплат, т.е. будет, как и прежде, подменяться садакой.

Пока же безграмотность многих закятплательщиков и отсутствие прозрачной системы по сбору и распределению закята являются серьезным препятствием на пути развития данного института в России. Изжить мифы, связанные с закятом, в головах людей крайне сложно. Насколько далеко зашли ложные представления об исламских налогах в обществе, видно на примере такого мусульманского налога, как закят ал-фитр. У некоторых мусульманских народов России (например, адыгейцев и кабардинцев) закят ал-фитр принято раздавать еще до окончания поста. При этом выплата закята ал-фита регулируется не только нормами мусульманского права, но и местными обычаями. Известен случай, когда одна из жительниц аула Хатукай (Республика Адыгея) при исчислении суммы закята ал-фита включала в число тех, за кого полагалось платить данный налог, помимо детей, своих коров, считая, что они – тоже живые существа, и за них также следует

выделять милостыню. А в другом адыгейском ауле, Кошехабль, закят ал-фитр распределяется в основном среди родных и близких плательщика.

К сожалению, зачастую местные суеверия и предрассудки, а не осознанная необходимость выполнять один из пяти столпов ислама лежит в основе выплаты нерегулярной милостыни многими мусульманами в России. Так, на Северном Кавказе садака выплачивается за умерших родственников, если они привиделись плательщику во сне. Остается лишь догадываться, кто приходит во сне к некоторым нашим мусульманским деятелям, если они позволяют себе столь бесцеремонно обращаться с закятом.

«Исламская экономическая модель и современность», М., 2010 г., с. 289–305.

Хасан Дзуцев,

доктор социологических наук
(Северо-Осетинский ЦСИ ИСПИ РАН)

ВАХХАБИЗМ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: РЕАЛИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Распространение религиозного течения ваххабизма в республиках Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) во многом связано с кризисом ислама. Как правило, в этот период цивилизация подрывает консервативные основы любой религии, в том числе мусульманства, и такого идейно-политического течения, как ваххабизм; ответная их реакция проявляется в виде самозащиты и приобретает острые формы. Можно прогнозировать, что ваххабизм будет быстро распространяться в мусульманском мире именно как признак кризиса образа жизни, быта и т.д., но не идеологии. Кризис хорошо просматривается среди автохтонных этносов республик СКФО, которые сплачиваются на основе образа жизни. Проблема в том, что религия переплелась с традициями, стала сутью данного народа, и если образ жизни начинает изменяться, то ломаются и принципы самой религии, ее идеология.

В странах, где ваххабизм получил распространение, цель та же – связать народы в некую целостность. Исходным материалом служили не территориальные границы, а этносы и субэтносы, с учетом, что этническая принадлежность не является сдерживающим фактором для распространения идей ваххабизма. Ислам предоставляет для этого широкие возможности. Одно из его основных

положений перешло из Средневековья: религия превыше этнической принадлежности. Ваххабизм, как никакой другой толк ислама, придерживается этого догмата.

Экономический кризис как один из главных факторов усиления межнациональной и межконфессиональной напряженности на Северном Кавказе создает благоприятную почву для дестабилизации политической жизни для распространения радикального ислама. Чрезвычайно актуальным является изучение масштабов и основных факторов распространения ваххабизма, являющегося мощным фактором повседневной жизни значительной части населения Северного Кавказа.

С этой целью в январе-феврале 2009 г. был проведен социологический опрос населения республик СКФО РФ, в результате которого были выявлены социальные слои, поддерживающие ваххабизм.

В ходе исследования решались задачи:

1) определение основных причин распространения ваххабизма на Северном Кавказе на фоне активизации фактора «спирали молчания»¹;

2) выявление отношения населения к запрету ваххабизма в Российской Федерации;

3) описание характера воздействия религиозных течений на социальное поведение людей, на социокультурную динамику общества, с учетом связи религиозных верований респондентов с их национальной принадлежностью. Объектом исследования являлись национальные республики Северного Кавказа – Адыгея (РА), Дагестан (РД), Ингушетия (РИ), Кабардино-Балкария (КБР), Карачаево-Черкесия (КЧР), Северная Осетия-Алания (РСО-А), Чеченская Республика (ЧР).

В наибольшей степени ваххабизм распространяется в мононациональных республиках СКФО с этнократической системой управления. Подавляющее большинство респондентов считают, что наибольшее распространение это течение получило в Чеченской Республике; по мнению русских и русскоязычных в КЧР и

---

¹ «Спираль молчания» – теория в политологии и массовых коммуникациях, предложенная немецким политологом Элизабет Ноэль-Нойман, утверждающая, что человек с меньшей вероятностью выскажет свое мнение на ту или иную тему, если чувствует, что находится в меньшинстве, так как боится возмездия или изоляции (игнорирования). Этот страх служит началом спирали и затем все увеличивается.

PCO-A (72,6 и 71,3% соответственно), в то время как чеченцы так не считают. На втором месте по степени распространения ваххабизма – Дагестан. В отличие от Чечни, респонденты в Дагестане независимо от национальной принадлежности считают, что по уровню распространенности ваххабизма республика стоит на втором месте после ЧР. На третьей позиции – Ингушетия, так считает население PCO-A (58,6% русских и русскоязычных и 50,9% осетин). Только население КБР по сравнению с ответами других жителей Северного Кавказа полагает, что у них в республике ваххабизм получает широкое распространение (32,2% кабардинцев и балкарцев, 29,4% русских и русскоязычных). Самый высокий процент затруднившихся или отказавшихся ответить на вопрос – среди населения Ингушетии (ингуши – 49,1%; русские и русскоязычные – 61,1%), Чечни (чеченцы – 44,3%; русские и русскоязычные – 37%), Карачаево-Черкесии (30,1%). Наблюдения интервьюеров свидетельствуют, что русское и русскоязычное население северокавказских республик более информировано и открыто в своих высказываниях.

Анализ ответов респондентов в зависимости от гендерной принадлежности, возраста, образования и места жительства особых изменений не выявил. В целом, на основе оценок населения можно сделать вывод, что ваххабизм получил широкое распространение в Чечне, Дагестане и Ингушетии.

Причин распространения ваххабизма на Северном Кавказе на фоне активизации фактора «спирали молчания», по мнению экспертов, несколько: ислам рассматривается как важнейший критерий реконструкции постсоветского пространства; радикализация ислама в республиках СКФО – это вызов официальным властям, которые должны не просто соответствовать нормам ислама, но возникать, формироваться из элиты, санкционированной религиозными авторитетами; требование перестройки не только социального, но и общественно-политического порядка на «исламских началах» (фундаментализм в данном контексте понимается как идеология, обосновывающая радикальную перестройку на основе ислама).

Ясно, что сам по себе ислам не является дестабилизирующим фактором. Политизация – радикализация ислама в политическом дискурсе является неизбежным следствием либерализации постсоветских авторитарных режимов, результатом воспроизводства традиционных социальных связей на фоне ослабления навязанной государственности, политической механики. Кризис совет-

ской, а затем и российской государственности обнажил социокультурные основания общественного порядка, где бы их властный статус оказался более гарантированным.

По мнению экспертов, ваххабизм там, где мусульманство является доминирующей конфессией, и во всех республиках СКФО имеет достаточно прочные позиции. Есть и такое мнение: сегодня в беспокойных республиках, таких как Чечня, Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, все просчеты в работе властных структур, террористические и сепаратистские настроения оправдывают наличием ваххабизма. Одни эксперты выражают надежду, что на Северном Кавказе уже не осталось людей (ваххабитов), исповедующих это реакционное течение. В то же время в СМИ, по их мнению, наблюдается тенденция говорить о ваххабитах и мусульманах в одном лице. Может, поэтому общество их воспринимает как взаимосвязанные понятия. Другая часть экспертов уверены, что ни в одной из республик Северного Кавказа ваххабизма как такового нет. Просто силовые ведомства оправдывают свое присутствие в некоторых северокавказских республиках, получая дополнительное финансирование на борьбу с так называемым «ваххабизмом».

Прямых последователей учения Ваххаба на Северном Кавказе нет, но есть те, кого можно назвать салафитами «ищущими чистоты». В 1980–1990-х годах возрождение переживали и православие, и ислам. Молодое поколение неофитов – новых приверженцев религиозного учения захотело очиститься от муфтиев, которых считало связанными с КГБ СССР. Отсутствие образованных наставников привело в ряде случаев к появлению настоящих салафитских сект, в которых исполнение норм шариата доводилось до абсурда и вступало в противоречие с Уголовным кодексом РФ. Те северокавказские мусульмане, кого сейчас принято называть ваххабитами (они же салафиты), действительно являются исламскими фундаменталистами. Но между ваххабизмом и терроризмом не следует ставить знак равенства. В России же эти понятия стали синонимами; возможно, правильнее использовать термин «фундаменталистский ислам». Но точных сведений, в силу закрытости данных сообществ, нет. Не исключено, что люди, исповедующие фундаментальный ислам, есть в Чечне, Ингушетии и Дагестане.

В северокавказских республиках около 70% населения находится в состоянии абсолютной бедности, что является одной из базовых причин такого явления, как ваххабизм. К этому можно добавить массовую безработицу, озлобленность народа, имущест-

венную дифференциацию, национальный и религиозный экстремизм, подогреваемые теми лидерами, которые оканчивают духовные учреждения в Саудовской Аравии (ваххабитского толка), в других странах Ближнего Востока и Египте.

На Северном Кавказе в 90-е годы XX в. были уничтожены все общественные институты, взамен до сих пор ничего не создано. В результате народ предоставлен сам себе. Люди разобщены по национальному, имущественному, религиозному признакам. Для настоящего времени характерна тенденция к созданию моноэтнических республик. У жителей создается впечатление: российское правительство плохо представляет ситуацию на Северном Кавказе, похоже, оно удивляется стремительному распространению радикального ислама, ваххабизма. По мнению эксперта из Кабардино-Балкарии, ситуация в республике будет осложняться, так как наблюдается интенсивное распространение ваххабизма. Никого не смущает, что во всех мусульманских республиках СКФО в людных местах столиц, районных центрах расплодилось огромное количество магазинов, которые продают печатную продукцию ваххабитского толка, мусульманскую одежду, атрибутику и т.д. Примечательно, что продавцами в этих точках являются мужчины, которые больше походят на ваххабитов. Обращает на себя внимание тот факт, что на российские деньги строятся новые города, похожие на города Ближнего Востока, т.е. искореняется идеология, связанная с истинно народным исламом. На это местная элита закрывает глаза, потому что заинтересована только в сохранении своей власти и вынуждена лавировать между центром и ваххабитами.

Широкое распространение ваххабизма в северокавказском регионе, на наш взгляд, во многом тесно коррелирует с формированием политических режимов в этих республиках. Данный тип власти можно было бы назвать дотационным авторитаризмом. Его основные характеристики заключаются в определенном способе обретения финансовой и политической власти. Эту связку можно пунктирно обозначить следующими штрихами:

- 1) способ дохода – трансферты и дотации из федерального центра;
- 2) основание власти – распределение этих средств;
- 3) пределы власти – способность к тиражированию лояльности в обмен на протекцию.

Социальная база радикализации ислама – социальные слои или этнонациональные общности, отделенные от потоков бюджет-

ных средств и имеющие альтернативные источники доходов. Рассматривая правящие слои в контексте данного вопроса, можно выделить три основные группы. Прежде всего, можно говорить о номенклатурной элите, сформировавшей свой идеологический и хозяйственно-правовой профиль в ходе распределения бюджетных средств. Выделяется бизнес-элита, сформировавшаяся во многом из номенклатуры, но дистанцировавшаяся от нее и обретающая иной хозяйственный профиль. Идеология национальных бизнес-элит в республиках Северного Кавказа – это синкретическое смещение патернализма (генезис капитала), национализма (республика как налоговый плацдарм для общероссийского льготного оперирования) и либерализма (открытость, прозрачность границ и пр.). Эта группа – существенное препятствие для радикализации ислама.

Важной нишей, по мнению экспертов, для радикального ислама представляется образованная среда, состоящая из людей экономически неадаптированных в той хозяйственно-экономической конфигурации, которую выстроили для себя успешные северокавказские диаспоры в России. Обрести свой внутренний властный статус эта элита может, только опираясь на радикально-исламскую риторику. Хозяйственной инфраструктурой для усиления этого слоя могут быть экономические связи с исламскими, арабскими странами, подготовленные в учебных заведениях Ирана, Иордании, Саудовской Аравии кадры, возвращающиеся на родину и оказывающиеся естественными конкурентами этнических бизнес-элит, ориентированных на Россию, или номенклатурных элит, доминируемых Москвой. Свое место в политической и духовной жизни альтернативные элиты смогут обрести только в определенном социально-экономическом контексте (сокращение тех социальных дивидендов, которые получают северокавказские общества от делового и политического «обращения» первых двух упомянутых нами национальных элит). Значительное расслоение, коррупция – вот выражение кризиса «национальной идеи» и почва исламизации. Потенциал таких элит прямо соотносится с количеством обучающихся в Турции, Иране и арабских странах в расчете на душу населения; этой точки зрения придерживаются как эксперты русской и русскоязычной национальностей, так и коренное население республик СКФО.

У граждан республик СКФО ваххабизм ассоциируется с чеченской войной, и на вопрос: «Как Вы относитесь к запрету религиозного течения ваххабизм в Российской Федерации?» подав-

ляющее большинство населения отвечает, что он несет угрозу социально-экономической и политической жизни в ареале их проживания. Самый высокий процент с нейтральным отношением – у респондентов Карачаево-Черкесии, а самый высокий процент затруднившихся ответить – среди жителей Адыгеи и Кабардино-Балкарии.

В обществе есть мнение: нужен жесткий контроль, должна проводиться профилактика со стороны государства. И если бы такая профилактика проводилась, мы смогли бы избежать очень многих негативных последствий и научиться снимать напряжение. Необходимо, особенно сельским населенным пунктам, провинциальным городам, предоставлять большую культурную и языковую автономию, возможность самовыражаться на родном языке, иметь свое печатное издание, т.е. нужна коммуникация, а не изоляция, в результате которой противоречия загоняются вглубь и люди становятся еще более замкнутыми. Необходимо не просто примирить одни народы с другими, а создать условия, в которых люди могли бы чувствовать себя комфортно.

Ваххабизм, по мнению экспертов, не всегда понимается правильно. Одни полагают, что надо к нему подходить очень тонко, осторожно. В обществе должны доминировать не запретные меры, а вестись большая разъяснительная работа. Запрещать необходимо только в тех случаях, если это связано с крайним экстремизмом, если движение неотвратимо несет агрессию, неприятие других религий. Другие эксперты придерживаются мнения, что ваххабизм не является синонимом терроризма, это государственная религия Саудовской Аравии, российские ваххабиты запятнали себя участием в террористических актах, сформировав негативный имидж ваххабизма.

В политическом прогнозировании мы считаем важным учесть отношение населения республик СКФО к шариату, который предполагает полную идентичность образа жизни и моральных норм Корану. С историко-социологической точки зрения шариат можно понимать как учение об исламском образе жизни, представляющее комплекс обязательных религиозно-правовых предписаний и норм, основанных на Коране и Сунне.

Как видим, число желающих жить в шариатском государстве невелико, только в двух республиках данная проблема значима и набирает весомый процент. Национализм на Северном Кавказе концентрируется вокруг ислама, а связь национализма и ислама носит более противоречивый характер. Идеология этнического

национализма и ислам подпитывали друг друга в ситуациях самоопределения в отношении России как определенно неисламского государства. В условиях самостоятельности возникает напряжение между исламом и национальной идеологией. Одним из проявлений этого противоречия является фрагментация сети исламских учреждений, явная тенденция к их разделению по этническому признаку. Но именно кризис национальных протогосударств будет иметь всплеск исламизма как свое следствие. Кризис этнической (шариатской) государственности и этнических солидарностей обостряет потребность в исламе как подлинном ресурсе солидарности и политической силы. Как нам кажется, с этих точек зрения можно объяснить установки населения в Карачаево-Черкесии, Ингушетии и отчасти Чечни.

Особенно разрушительными последствиями для социума стали попытки использования религии как альтернативы действующему позитивному праву, выдвижения концепции «верховенства шариата» как на территории Дагестана, так и Чеченской Республики и Ингушетии. Если лидеры вооруженных групп зывали к исламу в целях обрести политическую легитимность и верховенство, то со стороны невооруженного народа была наивная вера во всемогущество упрощенно понимаемого шариата, который способен почти моментально и радикальным образом покончить с преступностью и решить острые социальные проблемы.

Материалы исследования показали, что подавляющее большинство граждан республик СКФО соблюдают основные религиозные, обряды. Религия оказывает влияние на различные сферы социальной жизни общества. Часть взрослого населения Северного Кавказа считает себя принадлежащей к той или иной религиозной организации, хотя число регулярно читающих Библию (Коран) незначительно.

Существует определенная модель в отношении к религии, обусловленная возрастом, полом, образованием и местом проживания. Обычно пожилые люди религиознее тех, кто относится к более молодым возрастным группам. Женщины, как правило, чаще вовлекаются в лоно религиозных организаций, чем мужчины, сельские жители активнее соблюдают религиозные обряды, чем горожане. В целом, посещаемость религиозных храмов и открытое выражение религиозных чувств чаще встречаются среди состоятельных людей, чем среди бедных групп населения, богатые не упускают возможность продемонстрировать свое отношение к ре-

лигии публично: ремонтируют или строят религиозные храмы, передают им в дар ценные вещи.

Согласно материалам наших исследований, значение ислама и посещаемость мечетей заметно растут. Появление ваххабизма, делающего ставку на личную духовность, привлекает многих жителей, потому что их пугают негативные процессы, которые происходят в регионе. По мере того как подрывались традиционные социальные устои после 90-х годов XX в., люди начинали искать объяснение происходящему и утешение в религии. Религиозный фундаментализм на Северном Кавказе – результат социально-экономической и политической нестабильности в регионе. Лидеры ваххабизма призывают последователей к строгой приверженности принципам, верований, к буквальному пониманию основных терминов («реформаторство» или «обновление») и считают, что доктрины, возникающие в результате такого прочтения, должны применяться ко всем отраслям общественной жизни и выступать как оппозиция к модернизационным попыткам, которые происходят на Северном Кавказе.

*«СоцИс: Социологические исследования»,
М., 2011 г., № 8, с. 107–114.*

К. Ланда,
востоковед

ДАГЕСТАН И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮГА РОССИИ

Республика Дагестан после распада СССР стала субъектом Российской Федерации, который граничит с пятью государствами: с Казахстаном, Туркменией, Ираном по морю, с Азербайджаном и Грузией по суше. В связи с природно-географическим положением более масштабные взаимодействия у Дагестана развиваются с Азербайджаном. На современном этапе между Россией и Азербайджаном, благодаря адекватной каспийской политике (сначала В. Путина и Г. Алиева, а потом президентов Д. Медведева и И. Алиева), решены многие противоречия и преодолены разногласия как в политической, так и в экономической областях.

Как пишет профессор В.А. Михайлов, со времени приобретения независимости Азербайджаном в российско-азербайджанских отношениях последовательно сменилось несколько периодов,

и они отмечены резкими скачками. Можно говорить о трех этапах постсоветских отношений между государствами.

Первый этап – отношения с лидерами Народного фронта и президентом Абульфазом Эльчибеем. Тогда в контактах превалировали взаимная подозрительность, претензии и упреки (зачастую крайне эмоциональные, но необоснованные). Москва и Баку с трудом приучались жить по-новому. Много было, увы, испорчено субъективными факторами.

Второй этап – отношения с Гейдаром Алиевым, когда происходило медленное сближение (первые соглашения по Каспию, первые договоренности по Габалинской РЛС, вступление в СНГ), но в целом тональность отношений была прохладной. Этот период можно назвать периодом несбывшихся надежд.

Третий этап начался с приходом к власти Владимира Путина. Всплеск российской активности на постсоветском пространстве сближает страны и позволяет выстраивать политику стратегического партнерства. Сейчас мы являемся свидетелями продолжения этой линии. Азербайджан и Россия избавились от многих комплексов и иллюзий, научились по-новому реализму и прагматизму, преодолели трудности переходного периода собственного развития, сумели пройти сложный путь от политики эмоций к долгосрочному партнерству и проектам.

Придя к власти, Г. Алиев внес серьезные изменения в политический, в том числе и внешнеполитический, курс страны, Азербайджан вступил в СНГ, была скорректирована протурецкая ориентация политического курса и предприняты шаги к восстановлению связей с Россией в рамках диверсификации международных связей страны. Укреплению позиций Г. Алиева способствовало также подавление сепаратистских выступлений талышей на юге республики во главе с полковником А. Гумбатовым летом 1993 г. Можно сказать, что те силы, которые способствовали демонтажу всех связей, соединявших Азербайджан с Российским государством, исчерпали свои возможности. Они либо окончательно сошли с политической арены, либо отошли на задний план, освободив место для Г. Алиева и его команды. Но их заслуга состоит в том, что они подготовили условия для того, чтобы Азербайджан де-факто и де-юре стал независимым государством.

Азербайджанцы, живущие в России, являются неотъемлемой частью российского общества. Руководство РФ (и в частности Москвы) понимает, что необходимо общими усилиями ученых, политиков, представителей национальных общин создать такой

климат, чтобы любой гражданин страны независимо от его национальности, вероисповедания, языка, в России чувствовал себя полноправным человеком и гражданином. Российские азербайджанцы играют немаловажную роль в поддержке экономики своей непосредственной родины. Так, по данным ЦБ РФ, в 2006 г. объем денежных переводов из РФ в Азербайджан составил 440 млн. долл. По другим данным (Госкомстат Азербайджана), объем переводов из РФ достигает 720 млн. долл. в год. По оценкам, учитывающим возможности недекларируемого ввоза плюс безналичный перевод валюты, размер внешней «субсидии» со стороны российских азербайджанцев может достигать 2 млрд. долл.

На начальном этапе становления новых независимых государств Москва допустила много грубых, осознанных и неосознанных, явных и случайных, ошибок по отношению к государствам постсоветского пространства, особенно на кавказском направлении, как по отношению своих субъектов, так и по отношению к Азербайджану. России в то время было не до Каспийского региона, и она была слишком слаба. К тому же СССР в последние годы своего существования, а затем и Россия, закулисно поддерживав позиции и сторону Армении по Нагорному Карабаху, допустили грубые ошибки по отношению к Азербайджану. Этим воспользовались США; они развернули сотрудничество в экономической (через ТНК), политической и военной сферах и заняли прочные позиции в Азербайджане. В начале 2009 г. разгорелся еще один скандал о передаче российского оружия, дислоцированного в Гюмри (Армения), на 800 млн. долл. армянской стороне. Россия отрицала эти факты в заявлениях МИД и министра обороны Анатолия Сердюкова, что не удовлетворило официальный Баку, который помнил, что прежде Москва также сначала отрицала факт передачи вооружения Армении в 1994–1996 гг. на сумму в 1 млрд. долл. (эти факты подтвердил депутат Государственной думы генерал Лев Рохлин). Напомним, что Россия официально занимает нейтральную позицию в армяно-азербайджанском конфликте, и процесс мирного урегулирования карабахского конфликта протекает в рамках Минской группы ОБСЕ, в которую входит и Россия. Рецидивы таких сепаратных сделок в России еще будут, ибо в ее современной истории ни один чиновник высшего ранга не понес уголовную ответственность за политику в ущерб имиджу страны.

По предложению азербайджанских дипломатов 14 марта 2008 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «О положении на оккупированных территориях Азербайджана». В до-

кументе говорилось о необходимости «полного и безоговорочного вывода всех армянских сил со всех оккупированных территорий Азербайджанской Республики». 39 стран проголосовали «за», 7 – «против», а 100 – воздержались. Такое большое количество воздержавшихся объясняется тем, что против резолюции выступили все страны – сопредседатели Минской группы ОБСЕ (Россия, США, Франция). Подобная позиция Минской группы в очередной раз подтвердила сложившуюся в экспертных кругах оценку о нежелании международных посредников способствовать окончательному разрешению армяно-азербайджанского конфликта. Политика «двойных стандартов» объясняется сиюминутной политической конъюнктурой.

Из вышесказанного складывается впечатление, что Азербайджану нельзя надеяться ни на кого: ни на ООН с ОБСЕ, ни на посредников, ни на НАТО с США.

Тем не менее необходимо отдать должное обеим сторонам. Если говорить о влиянии карабахского конфликта на двусторонние отношения, то эта тема (участие РФ в МГ ОБСЕ, поддержка Кремлем военного равновесия в пользу Армении и другие аспекты, негативно влияющие на Баку) давно переведена в отдельный блок отношений, который не довлеет над той содержательной частью двусторонней политики.

Таким образом, несмотря на многие внутренние трудности, Азербайджану в последние годы удается гораздо успешнее, чем, например, Грузии, поддерживать хорошие отношения одновременно с Москвой и Вашингтоном. Это связано и с тем, что у Баку нет комплекса неполноценности перед Москвой в отличие от Тбилиси, и в Азербайджане там не рассматривают российское военное присутствие (Габалинская РЛС, проект «Касфор») как угрозу суверенитету.

К сожалению, Азербайджан не достиг того уровня сотрудничества, прежде всего в военной и политической сферах, который есть сегодня в отношениях между Россией и Арменией. В отличие от Армении Азербайджан не состоит в ЕврАзЭС и ОДКБ (структуре, которой российские дипломаты и военные отводят большую роль в обеспечении безопасности на постсоветском пространстве). Азербайджан – член ГУАМ, организации, заработавшей себе имидж своеобразного анти-СНГ и ставшей определенным противовесом российскому влиянию в ближнем зарубежье. Но эта близость к антироссийскому альянсу во многом диктуется пророссийской ориентацией Армении. В военном присутствии РФ в

Армении лидеры Азербайджана напрасно видят опасность эскалации армяно-азербайджанского противостояния. Насколько обоснованы (если обоснованы) подобные опасения – другой вопрос.

Азербайджан стремится активно использовать весьма значительный транзитный потенциал. Так называемый Кавказский транспортный коридор, который в значительной своей части проходит по территории республики, может превратить ее в центр международной торговли и реэкспорта. С российской стороны руководство Дагестана готово всячески способствовать развитию транспортных коммуникаций обоих государств, прекрасно понимая экономическую выгоду полноценного функционирования автомобильного и железнодорожного транспорта по территории республики. Естественно, в данном контексте все более возрастающее значение приобретает сотрудничество с западными странами в сфере коммуникаций. Баку получает от ЕС прединвестиционное техническое содействие в восстановлении системы трубопроводов. В этом плане наиболее важной инициативой является программа TRASECA, особенно если учесть, что железнодорожное сообщение республики с Россией резко сократилось.

Есть и другая – «тлеющая» проблема в отношениях России и Азербайджана, пока еще не вышедшая на межгосударственный уровень. Из года в год осложняется и накаляется социально-политическая ситуация в Северном Азербайджане, где компактно проживают с азербайджанцами соплеменники дагестанцев – аварцы, лезгины, цахуры и др. После распада СССР они стали разделенными народами и оказались в двух разных государствах. Их судьба, крайне мало обсуждаемая в азербайджанском публичном пространстве, редко становится предметом комментариев и со стороны российских официальных лиц. Однако для дагестанской общественности вопрос о соплеменниках, которые после распада СССР оказались за границей, – один из животрепещущих, если судить по количеству публикаций, посвященных этой проблеме, в региональных СМИ.

Основные проблемы «азербайджанских дагестанцев» в Азербайджане касаются сегодня трех сфер – языковой, политической и религиозной. Например, только в 20% школ Азербайджана, где учатся аварские дети, сейчас преподается аварский язык (два часа в неделю). Дагестан не может поставлять учебники по аварскому, лезгинскому, цахурскому языкам и другую литературу в Азербайджан, не имея межгосударственных договоров между Россией и Азербайджаном. Азербайджан преднамеренно растягивает

заключение этих договоров. В Закатальском районе ранее было два местных телеканала, на которых звучали хотя бы песни на аварском. Один из них, DM-TV, принадлежавший аварцу Мустафе Дибирову, был закрыт. На другом, АйгюнТВ, сейчас аварская музыка почти исчезла. Так же остро стоит вопрос подготовки учителей родного языка для районов, где проживают дагестанцы. В настоящее время филиал Дагестанского государственного университета (ДГУ), работавший в Баку, закрыт. В нем с 1998 г. действовал филиал факультета дагестанской филологии, готовивший преподавателей лезгинского и аварского языков.

Очень низким остается представительство аварцев во власти. В Закатальском районе, где проживает наиболее многочисленная в республике аварская община, ее представитель занимает лишь пост заместителя главы района по культуре, а глава района – выходец из Нахичевани. Можно сказать, что в этом отношении положение аварцев существенно хуже, чем других дагестанских народов, живущих в Азербайджане. (По высказыванию местной элиты, действия азербайджанских властей сравнимы с геноцидом этнических меньшинств на севере Азербайджана.) Неоднократные обращения местного населения к руководству Азербайджана и Дагестана результатов не дают.

Противоречия, не разрешенные на межгосударственном уровне, переходят во взаимоотношения между Дагестаном и Азербайджаном, хотя понятно, что без участия Москвы Дагестан не может реально влиять на ситуацию. Конституция России не позволяет субъекту Федерации самостоятельно вести переговоры по урегулированию межгосударственных отношений с другими государствами. Таким образом, при неспособности государства и его чиновников определять причины возникновения конфликтных ситуаций, иметь волю для их решения и способность использовать механизмы и государственные рычаги, на политической арене появляются общественные движения и организации, которые начинают по-своему «разруливать» трансграничные проблемы. Именно так лезгинское национальное движение «Садвал» начало свою деятельность на юге Дагестана.

После распада СССР проблема разъединения лезгинского народа по обоим берегам Самура стала более острой, чем проблема белаканских и закатальских аварцев Азербайджана. Граница, разделяющая дагестанских и азербайджанских лезгинов, – река Самур. Сами лезгины могли бы стать лидирующим этносом среди соседей, но их влияние резко ограничивается их разделенностью.

Здесь национальные движения имеют огромную силу и не смягчаются никакими урбанизированными центрами.

В силу этого на юге Дагестана завязывается узел межэтнических противоречий. Этот «этнический район» в регионе существует параллельно центральному (Баку), из-за вышеприведенных факторов ущемления их прав и свобод, и северному (Махачкала); связи с ними слабеют, так как неоднократное обращение за помощью к руководству Дагестана приводило к очередному витку преследования «обращенных» со стороны местных властей. По сути он склонен к самостоятельности и вполне может стать основой для формирования отдельной этнополитической конструкции, как предлагал «Садвал», или заразиться «багисским синдромом»¹ (что в конечном итоге одно и то же), чего пока старается не допустить и дагестанское, и азербайджанское руководство.

Идея лезгин о «прозрачности» границ на российско-азербайджанском промежутке по реке Самур и создании условий для развития общественно-политических, экономических, культурных связей между северными и южными лезгинами является наиболее приемлемой.

В сентябре 2010 г. Президент России Дмитрий Медведев посетил Баку с двухдневным официальным визитом. Президента в ходе визита сопровождали его помощник Сергей Приходько, вице-премьер Александр Хлопонин, глава МИД РФ Сергей Лавров, министр энергетики Сергей Шматко, руководители ряда регионов, включая Дагестан и Ингушетию, а также ряд представителей российского бизнеса, в том числе глава ОАО «Газпром» Алексей

---

¹ После подписания договора о делимитации границы между Казахстаном и Узбекистаном были определены 96% общей границы. Президенты Казахстана и Узбекистана заявили, что остается пока еще не решенной судьба 4% общей границы, куда относится и тот участок, где находится поселок Багис. Жители этого поселка сочли, что действия казахстанских властей, в частности казахстанской части межправительственной комиссии по делимитации границы, свидетельствуют о том, что Казахстан может уступить этот поселок, подавляющая часть населения которого является гражданами Казахстана, Республике Узбекистан. Поселок Багис объявил государственную независимость. Аул в 150 дворов с населением 1000 человек объявил себя независимым государством – Багисской Казахской Республикой, или Багисстаном, избрал органы власти, президента и парламент, ввел собственную валюту – точнее, валюты, в которые вошли российские рубли, казахстанский тенге, узбекский сум и киргизский сом. С вмешательством узбекской полиции в самый разгар инаугурационных торжеств 30 декабря 2001 г. Багисстан перестал существовать. За этой историей стоит острая проблема – проблема спорных территорий и разделенных народов.

Миллер. В рамках визита должны были быть подписаны соглашения о делимитации государственной границы, об использовании водных ресурсов пограничной реки Самур и по вопросам собственности на комплекс зданий посольства Азербайджана в Москве. Ожидалось подписание соглашения по факту передачи в полное подчинение Баку Самурского гидроузла, который является основным водозаборным сооружением на Самуре. Через него получает воду трехмиллионный мегаполис – Баку. Естественным водопотребителем реки является и Самурский природный комплекс, представляющий собой уникальный реликтовый лес с разнообразной флорой и фауной.

Ранее, 15–16 апреля 2010 г., в городе Хачмазе на севере Азербайджана были достигнуты договоренности по вопросам делимитации государственной границы и вододелению на пограничной реке Самур. Работа по делимитации российско-азербайджанской государственной границы на уровне межправительственной комиссии фактически завершена, сообщил тогда азербайджанский сопредседатель комиссии, заместитель министра иностранных дел Азербайджана Халаф Халафов. По словам Халафова, на переговорах с российской делегацией, возглавляемой послом по особым поручениям МИД, спецпредставителем Президента РФ Александром Головиным, были достигнуты договоренности, как по делимитации границы, так и по вододелению пограничной реки Самур. В частности, предусматривается совместное использование ресурсов воды реки Самур по принципу «50:50». Для управления водными ресурсами предполагается создание совместной комиссии.

Река Самур протяженностью 213 км берет свое начало на территории Дагестана близ селения Кусур в Рутульском районе. Сток ее на 96,4% формируется на территории Дагестана. Самур практически является внутренней рекой Дагестана и лишь на небольшом участке (38 км) протекает по границе с Азербайджаном. Протоколом Минводхоза СССР от 7 октября 1967 г. были установлены годовые лимиты, изначально приоритетные для Республики Азербайджан: Азербайджану – 800 млн. м³; Дагестану – 300 млн. м³; на экологический пропуск – 510 млн. м³. Вместе с тем в течение всего периода действия протокола, вплоть до настоящего времени, азербайджанская сторона постоянно нарушала договоренности, увеличивая водозабор в 1,5 раза по отношению к вышеуказанному лимиту. Фактические заборы воды из реки в среднем за 1990–2000 гг. составили: Азербайджан – 53%, Российская Феде-

рация – 9, экологический попуск – 38% годового стока. Плотиновый гидроузел на Самуре, обеспечивающий вододеление, построен в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 9 октября 1949 г. № 4321 на участке, выделенном под строительство распоряжением Совета Министров ДАССР от 11 марта 1952 г. № 125-р, и до настоящего времени эксплуатируется Азербайджанской Республикой, что позволяет ей полностью контролировать водные ресурсы Самура. Подобное распределение водных ресурсов не устраивает, по идее, российскую сторону и ущемляет ее законные интересы, однако почему-то руководство страны это мало волнует.

Детали сентябрьского визита подробно не раскрывались, что породило различные слухи вокруг него. По тем данным, которые удалось собрать из своих источников, в ходе переговоров проматриваются и более существенные уступки для российской политики в регионе.

Так, приводят и другие аргументы в пользу того, что некоторые силы в Кремле в последнее время в переговорах с Баку представляют скорее интересы Азербайджана, нежели российского Дагестана. В частности, это самовольный отвод российских пограничников сначала на середину моста, потом и на левый берег Самура, тогда как граница фактически проходила по правому берегу. Далее – сдача позиций по вопросам делимитации границы с Азербайджаном и необъяснимое нежелание федерального центра выделить финансовые средства на ввод в действие вышеуказанного водозаборного сооружения у села Куйсун, которое позволило бы полностью контролировать водные потоки Самура.

Эксперты усматривают в действиях федерального центра и другие признаки пораженчества или, что хуже, сдачу интересов Дагестана в обмен на эфемерную лояльность Азербайджана. Понимает ли Москва, что любые неправомерные уступки Азербайджану будут откликаться ущемлением прав азербайджанских дагестанцев?

В свое время президент России Д.А. Медведев принял решение и отложил этот вопрос до лучших времен, сказав: «Надо подумать». Это было лучше, чем пораженческие для российского Дагестана позиции, предложенные нашими топ-чиновниками из президентского окружения.

Отсутствие информации по встрече и непрозрачный характер принимаемых решений не позволяют нам пока сделать иного вывода, нежели как сдача интересов Дагестана – южного форпоста

России, который неоднократно в тяжелых для страны ситуациях доказывал свою приверженность идеям общероссийского патриотизма в угоду мнимой лояльности потенциального члена НАТО. Сегодня ясно одно, что приграничное с Азербайджаном население России становится жертвой большой политики.

Как в таких условиях поведет себя руководство Дагестана? Ведь имеется печальный опыт президента Муху Алиева, когда опытный дагестанский руководитель на очередных переговорах президентов России и Азербайджана (Баку, 29 июля 2009 г.) выступил категорически против такого раздела Самура и лимитации государственной границы, которая планировалась в ущерб Дагестану. (Муху Алиев соглашался разделить водозабор Самура: 70% на 30% в пользу Дагестана, и то с оговоркой, что его народ не поймет, когда Москва и Баку предлагали раздел «50:50».) Обращаясь к руководителю Администрации Президента РФ Сергею Нарышкину (как организатору встречи) и министру иностранных дел Сергею Лаврову (с ним разговор на повышенных тонах состоялся и в Москве), он утверждал, что предложенная ими линия «антидагестанская и антигосударственная», и с ней он согласиться никак не может. Будет ли так же отстаивать интересы России нынешний президент Дагестана Магомедсалам Магомедов, выступив против политики Москвы и Баку, учитывая близкие связи между семьями президентов Дагестана и Азербайджана, – неизвестно.

Понятно одно: несмотря на все имеющиеся проблемы и разногласия по обе стороны государственной границы, их необходимо решить за столом переговоров, в интересах народов России и Азербайджана, в первую очередь, в интересах людей, проживающих в регионе. (Дагестанцы надеются, что это произойдет не за счет ущемления интересов российского Дагестана и дагестанцев, проживающих в Азербайджане.) Мы не должны терять наши позиции в Азербайджане, ибо Россия рискует ослабить влияние на Каспийский регион. Вопрос возврата Азербайджана в фарватер российской внешней политики на Каспии остается актуальным.

«Вопросы национальных и федеративных отношений», М., 2011 г., с. 193–204.

Расим Мусабеков,
доктор философских наук (Азербайджан)
АЗЕРБАЙДЖАН МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И РОССИЕЙ

На протяжении многих столетий геополитику Южного Кавказа определяло соперничество между Турцией, Ираном и Россией. В XIX–XX вв. свое присутствие здесь обозначили и иные акторы. Сначала Великобритания, обладавшая в эпоху расцвета империи глобальным влиянием. А после распада Советского Союза – США и Европейский союз. Влияние Ирана, принимая во внимание его международную изоляцию и специфичность политико-идеологического режима, в настоящее время ослаблено. Поэтому при анализе региональных векторов стратегического притяжения и отталкивания на Южном Кавказе прежде всего следует рассматривать Турцию и Россию. По причинам национального, исторического, геополитического и культурного свойства наибольшее воздействие этих полей напряжения ощущает Азербайджан.

Последние два столетия Азербайджан входил в состав Российской империи и Советского Союза, испытал их огромное культурное и цивилизационное влияние. И царская администрация, и советские чиновники всячески ограничивали контакты Азербайджана с близкородственной Турцией. Коренным образом ситуация изменилась после восстановления государственной независимости в начале 1990-х годов. Анкара первой из зарубежных стран объявила о признании этого акта, открыла дипломатическое представительство в Баку и начала активно развивать отношения с Азербайджаном по всем направлениям.

Процесс этот, начавшийся еще при первой постсоветской администрации президента Аяза Муталибова, приобрел всеобъемлющий характер в недолгий период правления Народного фронта Азербайджана (НФА) и президентства Абульфаза Эльчибея. В условиях провозглашенного курса на тюркизацию Азербайджана Турция была объявлена единственным союзником и эталонным образцом государственного строительства. Во всех учреждениях и структурах появились турецкие советники. Все связанное с бывшим СССР и Россией рассматривалось как наследие колониального прошлого, подлежащее слому и устранению. Президент Эльчибей публично назвал себя «солдатом Ататюрка» и демонстративно дистанцировался от всего русского. Азербайджан первым из новых независимых государств добился вывода со своей территории частей бывшей советской, а ныне российской армии, авиа-

ции и флота. Торгово-экономические отношения резко пошли на спад. Баку не ратифицировал договор о Содружестве Независимых Государств и заморозил свое участие в нем. Непродолжительное правление Эльчибея и НФА на рубеже 1992–1993 гг. стало периодом безраздельного преобладания Анкары и стремительного ослабления влияния Москвы.

Запад в лице Соединенных Штатов и Евросоюза был тогда озабочен тем, чтобы без осложнений завершить вывод советских вооруженных сил из стран бывшего Варшавского договора, и не торопился вторгаться в сферу исключительного влияния России – постсоветское пространство, включавшее и Азербайджан. Что же касается Ирана, то правительство НФА и президент Эльчибей не скрывали негативного отношения к исламистскому режиму в Тегеране как угнетателю более чем 20 млн. южных азербайджанцев.

В результате острого политического кризиса летом 1993 г. правительство НФА пало, Абульфаз Эльчибей покинул пост и к власти был призван многоопытный и авторитетный политик Гейдар Алиев. Он отказался от односторонней ориентации на Анкару и заложил основы современной многовекторной внешней политики Азербайджана. Страна вернулась в СНГ, и даже на время (до 1999 г.) стала членом созданной под эгидой Москвы Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Был подписан «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой». После длительных переговоров удалось урегулировать условия использования Москвой Габалинской РЛС, являющейся важным компонентом стратегической системы слежения и раннего оповещения.

Однако известная еще со времени работы в Политбюро ЦК КПСС неприязнь к Гейдару Алиеву президента России Бориса Ельцина препятствовала укреплению доверия между ними, а это отрицательно сказывалось и на российско-азербайджанских отношениях. Тем более что в армяно-азербайджанском конфликте вокруг Нагорного Карабаха Москва негласно взяла сторону Еревана, оказывая армянам экономическую и военную поддержку. В результате Азербайджан так и не вернулся в сферу влияния России, а стал шаг за шагом сближаться с Евросоюзом и США. Президенту Алиеву также удалось несколько оживить диалог с Ираном.

Доверительные и тесные личные контакты Гейдара Алиева с турецким коллегой Сулейманом Демирелем способствовали тому, что партнерство Баку с Анкарой сохранило приоритетный харак-

тер. Формула азербайджано-турецких отношений нашла свое выражение в высказывании президента Алиева: «Одна нация – два государства». При этом Баку настойчиво проводил линию на равноправие без деления на «старшего и младшего брата». От услуг турецких советников вскоре отказались, в том числе и в армии. В крупном консорциуме на Каспийском шельфе Азербайджана «Азери–Чираг–Гюнешли» (нефть) и «Шахдениз» (газ) Турция, как и Россия, получила скромную 10%-ную долю, а основным акционером и оператором проектов стала англо-американская ВР.

Завершение президентской каденции Сулеймана Демиреля и его преемника Ахмета Недждета Сезера, установление в Турции долговременного правления умеренных исламистов из Партии справедливости и развития (ПСР), возглавляемой президентом Абдуллой Гюлем и премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом, наложило отпечаток на турецко-азербайджанские отношения. На уровне первых руководителей в них стало меньше доверительности, личной теплоты и больше прагматизма. Турецкие государственники-националисты в высших эшелонах власти и в армии, безусловно, больше подходили в качестве партнеров для светски ориентированного азербайджанского руководства, чем пусть умеренные, но исламисты из ПСР.

Обратная эволюция произошла в отношениях с высшим руководством России. Бориса Ельцина сменил выходец из советских спецслужб Владимир Путин, не скрывавший пиетета к президенту Гейдару Алиеву, в прошлом генералу КГБ и члену Политбюро ЦК КПСС. Хорошие личные контакты установились впоследствии и между новыми президентами Азербайджана и России Ильхамом Алиевым и Дмитрием Медведевым. Оба примерно одного возраста, хорошо образованны, современны и нацелены на модернизацию своих стран с опорой на жесткую властную вертикаль.

Личностный фактор во взаимоотношениях Баку, Москвы и Анкары играл важную роль, но еще более значимым обстоятельством стало изменение положения самого Азербайджана. С начала 2000-х годов страна стала получать большие нефтяные доходы, что позволило достичь фантастических темпов роста экономики, резкого повышения жизненного уровня населения. Азербайджан, нуждавшийся во внешней финансовой и технической помощи, в политической и дипломатической поддержке, в рекомендациях и советах, трансформировался в стабильное, уверенное в себе, быстроразвивающееся государство. Такое повышение экономического

и геополитического веса отразилось на отношениях со всеми внешнеполитическими партнерами, включая Турцию и Россию.

Баку и Анкара: Диалектика отношений

Стратегическое партнерство с Анкарой сохранилось. А после того, как в августе 2008 г. Турция дистанцировалась от грузино-российской войны, Баку даже посчитал, что негласных военно-политических гарантий Анкары недостаточно, и настоял в 2010 г. на заключении «Договора о стратегическом партнерстве и взаимопомощи между Азербайджаном и Турцией». Статья 2 документа гласит, что в случае вооруженной атаки или агрессии третьего государства или группы государств каждая из сторон окажет другой помощь с использованием всех возможностей. Статья 3 предусматривает тесное сотрудничество в оборонной и военно-технической политике. Также предусмотрены совместные действия по устранению угроз и вызовов национальной безопасности. В соответствии с совместным заявлением, принятым президентами и ратифицированным парламентами, создан Совет стратегического сотрудничества высокого уровня между Азербайджаном и Турцией.

Торгово-экономические, транспортно-коммуникационные отношения Баку и Анкары развиваются по восходящей линии. Вопреки скептическим прогнозам, успешно реализованы проекты стратегического нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан (мощность 50 млн. т в год с перспективой расширения); газопровода Баку–Эрзерум. Идут работы по соединению железнодорожных путей посредством нового строительства, а также реконструкции линии Баку–Тбилиси–Карс. В стадии разработки проекты газопроводов ITGI (Interconnector Turkey–Greece–Italy), TAP (Трансадриатический газопровод) и Nabucco.

Турция делит первое-второе места с Россией в импорте Азербайджана, является первым зарубежным инвестором в нефтяной сектор его экономики. Многие тысячи бизнесменов из Турции открыли здесь свои малые и средние предприятия. В свою очередь, Азербайджан, используя солидные финансовые ресурсы, все чаще выступает в качестве крупного инвестора на территории Турции посредством Государственной нефтяной кампании (SOCAR). Достаточно и частных азербайджанских инвестиций.

Единственный зарубежный телеканал, который транслируется в Азербайджане на национальном метровом диапазоне, – это

турецкий государственный ТРТ-1. По плотности сети и охвату обучающихся турецкие учебные заведения (вузы, лицеи, детские сады) занимают в Азербайджане второе место после аналогичных заведений с русским языком обучения, но в отличие от них демонстрируют устойчивую тенденцию к росту. Тысячи студентов поступают в университеты Турции – по правительственной программе и самостоятельно.

Азербайджан и Турция тесно взаимодействуют в политической и военной сферах. Анкара безоговорочно выступает на стороне Азербайджана в споре с Арменией по поводу Нагорного Карабаха, а Баку неизменно поддерживает Турцию в вопросе так называемого армянского геноцида. Стороны координируют усилия на уровне правительственных учреждений, общественных институтов, а также зарубежных диаспор. На регулярной основе встречаются главы государств, правительств, парламентов, министры и военные. Азербайджанские офицеры обучаются в турецких академиях. Налаживается тесная кооперация в производстве вооружений. Анкара и Баку – наиболее активные проводники политики сближения и интеграции тюркских государств и народов. Азербайджанский представитель долгое время возглавлял организацию культурного сотрудничества ТЮРКСОЙ. В Баку расположена резиденция Парламентской ассамблеи тюркских государств.

Однако тесное стратегическое партнерство Азербайджана и Турции не исключает и определенного расхождения интересов. Так, Баку вежливо, но решительно отклонил намерения Анкары стать эксклюзивным продавцом азербайджанского газа на рынках третьих стран. Упорный торг идет о цене поставляемого Турцией газа (около 6 млрд. куб. м в рамках первой фазы проекта «Шахдениз» и столько же по второй фазе) и его транзите в третьи страны. Хотя после встречи министра энергетики и природных ресурсов Турции Танера Йылдыза с министром промышленности и энергетики Азербайджана Натиком Алиевым в конце апреля 2011 г. объявлено о достижении окончательной договоренности, подписание документов откладывается.

Турция (кстати, как и Иран) в одностороннем порядке отменила визовый режим для граждан Азербайджана. Однако Баку не спешит отвечать соседям взаимностью. Газеты Стамбула и Анкары утверждают, что именно в связи с разногласиями по этому вопросу, а также из-за того, что не до конца подготовлен текст соглашений по газу, откладывается очередной визит турецкого премьера Эрдогана в Баку.

Есть расхождения и по ряду международных вопросов. Так, Баку не признал независимость Косова и солидаризировался с Сербией, тогда как Анкара безоговорочно и одной из первых встала на сторону албанцев-косоваров. Баку поддержал Соединенные Штаты в Ираке, выделил небольшой военный контингент в состав коалиции, Турция же демонстративно отказала Вашингтону даже в пропуске войск через свою территорию.

Ввиду нерешенности проблемы Нагорного Карабаха Баку так и не пошел на признание Республики Северный Кипр. Обращает на себя внимание, как по мере ухудшения отношений Турции с Израилем Азербайджан и Казахстан становятся привилегированными союзниками Тель-Авива среди мусульманских стран. Наконец, Азербайджан в отличие от той же Грузии не форсирует вопрос интеграции в НАТО, важным членом которой является Турция.

Настоящим испытанием на прочность азербайджано-турецкого партнерства стало подписание в 2010 г. Цюрихских протоколов, предполагающих нормализацию отношений Турции и Армении. США, выступившие в роли вдохновителя и спонсора этих документов, так и не убедили азербайджанское руководство, что процесс нормализации армяно-турецких отношений и карабахское урегулирование могут протекать раздельно. Баку настоял на своем. Анкара заявила, что границы с Арменией откроются лишь после того, как армянские силы приступят к освобождению оккупированных азербайджанских территорий.

Общественное мнение Турции также заняло сторону Азербайджана. Недавний опрос, проведенный турецким фондом экономических и социальных исследований (TESEV) в 81 регионе страны, показал, что и сегодня за открытие границы с Арменией 39%, а против – 44% респондентов. Как выяснилось, официальная Анкара располагает более скромными возможностями для воздействия на политические силы и общественное мнение в Азербайджане, чем Баку в Турции.

У правящей ПСР нет авторитетных партий-партнеров в Азербайджане. В целом все последние годы Турция осмотрительно дистанцировалась от внутривнутриполитической жизни братской страны. Оценки официальных турецких наблюдателей на выборах в Азербайджане, как правило, ближе к лояльным для местных властей выводам представителей стран СНГ, чем к критической позиции наблюдателей из США и ЕС.

Приведенные выше расхождения интересов Турции и Азербайджана, некоторые трудности во взаимоотношениях руководителей не могут поколебать стратегическое партнерство этих государств, фундамент которого составляет этническая и религиозная близость, чувство единения, связывающее народы. По данным социологического опроса, проведенного в текущем году Фондом политических, экономических и социальных исследований (SETA), с явной симпатией жители Турции относятся не к союзникам по НАТО, а к азербайджанцам, которым доверяют 82% опрошенных. Аналогичное отношение наблюдается и в Азербайджане. Согласно данным мониторинга общественного мнения, который на протяжении многих лет регулярно проводился под руководством автора статьи социологической службой Puls-R, от 80 до 90% респондентов называют Турцию самой дружественной Азербайджану страной.

Баку и Москва: Извилистое сближение

Согласно данным того же мониторинга, Россия постоянно занимает второе место в списке наиболее дружественных Азербайджану стран. Но показатели существенно скромней, чем у Турции, они колеблются по годам в интервале от 17 до 25%. Одновременно 10–15% респондентов числят Российскую Федерацию среди недружественных Азербайджану государств. Разброс симпатий и антипатий – продукт истории и отношений, сложившихся после восстановления независимости.

Нахождение на протяжении почти двух веков в составе единого государства связало Азербайджан с Россией тысячами уз. При распаде СССР многие из них разрушились, особенно в сфере промышленной кооперации, но и сегодня стороны являются друг для друга важными внешнеэкономическими партнерами. Двусторонний товарооборот составил в 2010 г. 1,8 млрд. долл. (спад из-за кризиса по сравнению с рекордными 2,4 млрд. долл. в 2009 г.). Импорт из России составил 1,56 млрд. долл. (первое место среди внешнеторговых партнеров Азербайджана), а экспорт из Азербайджана в Россию – 385,6 млн. (увеличение на 23,8%). Поставки газа из Азербайджана в Россию, которые в текущем году превысят 1 млрд. м³, позволят несколько выровнять торговый дисбаланс. В 2011 г. объем товарооборота должен достигнуть 2,7 млрд. долл.

В Азербайджане остается самая крупная русская община на Южном Кавказе, которая насчитывает порядка 160–170 тыс. чело-

век. В свою очередь, число азербайджанцев, проживающих в России на временной и постоянной основе, достигло 1 млн., а по неофициальным оценкам – 2 млн. человек. Среди них есть крупные предприниматели, обладающие многомиллионным состоянием.

В Азербайджане сохранен самый крупный на Южном Кавказе ареал русского языка и культуры. Более 200 средних школ, большинство вузов имеют русские отделения или полностью ведут обучение на русском языке. В российских вузах обучается около 6 тыс. граждан Азербайджана, из которых 800–900 человек – по государственным программам, а остальные самостоятельно. В Азербайджане издаются десятки газет и журналов на русском языке, функционируют Русский драматический театр, Русский культурный центр и т.д.

В отличие от экономических и культурных связей, в политической и военной сферах между Баку и Москвой имеются проблемы и существенные расхождения интересов. Отчасти они были порождены тем, что в силу имперского и советского прошлого Россия относилась к суверенитету Азербайджана, как и других стран СНГ, как к чему-то неполноценному. Новые независимые государства, естественно, стремились развивать экономические и военно-политические отношения с мировыми и региональными державами, что воспринималось Москвой как проявление неблагодарности и нелояльности. В Баку и других столицах новых независимых государств такая реакция Москвы выглядела как проявление высокомерия, диктата и вызывала отторжение.

Дополнительным раздражителем явилось то обстоятельство, что в конфликте вокруг Нагорного Карабаха Москва поддержала Ереван, оказав ему не только политическую, экономическую, но и военную мощь. Впоследствии Россия несколько выправила дисбаланс, взяв на себя посредническую миссию по прекращению военных действий и мирному урегулированию конфликта. Однако союзнические отношения между Москвой и Ереваном, наличие российской военной базы на территории Армении продолжали вызывать подозрения в Азербайджане, недоверие по поводу истинных намерений Москвы и беспристрастности ее посредничества.

Первоначально между Азербайджаном и Россией имелись существенные расхождения относительно Каспия. Москва категорически возражала против намерения Баку приступить при содействии западных компаний к разработке морских месторождений и прокладке трубопроводов, позволяющих транспортировать энергоресурсы, минуя ее территорию. Однако и в этом вопросе удалось

найти компромисс. Российскому концерну «ЛУКОЙЛ» была выделена 10%-ная доля в крупномасштабных проектах «Азери–Чираг–Гюнешли» и «Шахдениз». В настоящее время Россия, Казахстан и Азербайджан договорились о размежевании национальных секторов на основе так называемой модифицированной средней линии и заняли консолидированную позицию по вопросу статуса Каспия.

Позитивные перемены произошли и в процессе карабахского урегулирования. Из-за разрыва отношений между Грузией и Россией российская военная база в Гюмри оказалась отрезана от коммуникаций. Для сохранения позиций на Южном Кавказе и открытия коридора с Арменией Москве нужно сдвинуть процесс урегулирования с мертвой точки и тем самым укрепить свои геополитические позиции. После подписания Майендорфской декларации Россия взяла на себя функции главного модератора переговорного процесса с участием лидеров Армении и Азербайджана по карабахскому урегулированию. За последние три года при непосредственном участии Дмитрия Медведева состоялись восемь встреч в трехстороннем формате. Москва декларирует готовность предпринять решительные усилия с тем, чтобы добиться одобрения конфликтующими сторонами так называемых Мадридских принципов и принять решение о начале работы над рамочным мирным соглашением.

Однако главная задача, которую решают все державы – сопредседатели Минской группы ОБСЕ и в первую очередь российское руководство, заключается в предотвращении новой войны между Азербайджаном и Арменией. Ведь при нынешнем уровне вооружения сторон она не только может стать разрушительной и кровопролитной, но и грозит вылиться в широкомасштабный региональный конфликт с риском вовлечь в противостояние Россию и Турцию, чего, как очевидно, совершенно не желают как в Анкаре, так и в Москве.

* * *

Гигантские геополитические сдвиги, произошедшие в результате распада СССР и роспуска Варшавского пакта, существенно изменили атмосферу между Анкарой и Москвой, а также отношение обеих столиц к восстановившим государственную независимость республикам Южного Кавказа. Блокового противостояния, в котором Турции отводилась роль прифронтового госу-

дарства, нет уже два десятилетия. Между высшим руководством обеих держав идет интенсивный доверительный диалог, стремительно растет объем торгово-экономических отношений, гуманитарных контактов.

Россия стала главным торговым партнером Турции, а Турция – пятым по значению торговым партнером России. Турция закупает в России до четверти всей потребляемой нефти и более половины природного газа. Растут взаимные инвестиции. Миллионы российских туристов ежегодно заполняют морские курорты Анталы, Бодрума. Все это дало основание Дмитрию Медведеву заявить, что «Россия и Турция – стратегические партнеры». В свою очередь, Реджеп Тайип Эрдоган наделил «российско-турецкий диалог способностью положительно отразиться на мире и безопасности в регионе».

Обе державы, оказавшиеся на периферии постиндустриального развития, в равной мере ощущают эгоизм самодовольного Запада. Они сталкиваются со схожими во многом проблемами, которые связаны с догоняющим характером модернизации и развития экономики, двойственным евразийским положением, т.е. одновременной принадлежностью к разным культурным и геополитическим матрицам. И перед Турцией, и перед Россией стоит задача укрепления демократических институтов и нейтрализации этнического сепаратизма.

И Москва, и Анкара недовольны тем, что Соединенные Штаты и ведущие западные страны рассматривают их в качестве инструмента своей глобальной политики и не очень склонны считаться с их национальными интересами и устремлениями. Восстановление Россией и Турцией своей былой роли в качестве великих государств не входит в планы либерального Запада. Кампания признания так называемого армянского геноцида, косвенная поддержка курдского сепаратизма и намеренное задерживание Турции у порога Евросоюза вполне укладываются в эту схему. Да и Россию в Брюсселе не особо жалуют.

Для полновесного стратегического партнерства России и Турции чрезвычайно важно найти развязку существующих региональных проблем, которые, если оставить их без внимания, могут обостриться и не только подвергнуть риску мир и безопасность в регионе, но и вовлечь Москву и Анкару в опасное противостояние. Это самый негодный сценарий развития российско-турецких отношений, так как в соперничестве, к которому Москву и Анкару

подспудно подталкивают ЕС и США, их силы будут не умножаться, а подвергнутся эрозии.

В Турции есть понимание этого. Накануне запланированных на 12 июня 2011 г. парламентских выборов премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган, возглавляющий правящую Партию справедливости и развития, обнародовал предвыборную программу. Примечательно, что в ней есть раздел, озаглавленный «Турция – Россия и Кавказ», т.е. Анкара рассматривает отношения со странами и народами Кавказа (как Северного, так и Южного) в увязке с Россией. Отмечается, что развитие турецко-российских отношений привело к формированию основы для нового сотрудничества на Кавказе, в Центральной Азии и других регионах.

За крепнувшим российско-турецким стратегическим партнерством без особого энтузиазма наблюдают из Тбилиси и с нескрываемым беспокойством, даже неприязнью, – из Еревана. Ведь вся внешняя, а отчасти и экономическая политика этих стран построена на использовании противоречий и соперничества Запада и России, Турции и России. Они научились ловко извлекать дивиденды. Как только противоречия ослабевают, снижается значение «форпостов» и «маяков демократии». Иное отношение к углубляющемуся турецко-российскому сотрудничеству у Баку. В отличие от соседей по Южному Кавказу Азербайджан ничего не выигрывал от российско-турецкого соперничества, а напротив, терял. Являясь в силу этнического, исторического, культурного и религиозного факторов естественным союзником Анкары, Баку в этой связи сталкивался с подозрительным, а иногда и репрессивным отношением Москвы. Российско-турецкое потепление избавляет Баку от трудного выбора между двумя необходимыми партнерами, может создать условия для продвижения в урегулировании застарелых конфликтов, и в первую очередь карабахского.

Азербайджану в качестве страны, располагающей значительными природными и финансовыми ресурсами и имеющей выгодное географическое положение, есть что предложить Турции и России. Для реализации собственных масштабных проектов Баку нуждается в мире, сотрудничестве и нормальной конкуренции, основанной на диверсификации, экономической привлекательности и эффективности. Прокладка стратегических нефте- и газопроводов через Грузию и Турцию избавила Азербайджан от односторонней зависимости от России. Но теперь использование построенной еще в советское время трубопроводной системы, связывающей Азербайджан с Россией и Ираном, позволяет диверси-

фицировать направления поставок энергоносителей к взаимной выгоде всех сторон. Значительные финансовые ресурсы от экспорта, знание и умение ориентироваться на турецком и российском рынке дают азербайджанскому бизнесу большие преимущества при организации и реализации масштабных трехсторонних проектов в сфере транспортировки и переработки углеводородного сырья, нефтехимии, а также в туристическом бизнесе, в области транспорта и связи.

Партнерство России и Турции не означает раздела Южного Кавказа на сферы влияния. В условиях глобализации такие планы, даже если они приходят в чьи-то головы, обречены на провал. «Закрывать» регион от мира не в силах ни Россия, ни Турция. Но вместе они способны предотвратить превращение Южного Кавказа в геополитическое ристалище нерегиональных сил.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2011 г., Т. 9, № 3, май-июнь, с. 194–204.*

Ирина Звягельская,
востоковед
**ИСЛАМСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Вопрос о взаимоотношениях государства и религиозных институтов в процессе строительства национального государства является для получивших сравнительно недавно независимость центральноазиатских республик весьма актуальным. Распространение и бытование ислама имели свои особенности в кочевой и оседлой частях региона. Как известно, для кочевников была характерна более поверхностная форма исламизации, в то время как на территории современного Узбекистана существовали очаги исламской учености, проповедовали известные духовные авторитеты.

Рост интереса к исламу и исламским традициям непосредственно связан с поисками национальной идентичности, с зарождением и оформлением местных национализмов. Национализм как понятие относится к сообществам, объединенным общей культурой и отличающимся в культурном отношении от других сообществ. Если в эпоху СССР во всех республиках, в том числе в республиках Центральной Азии, общегосударственная культурная идентичность базировалась на русской культуре (при сохранении

и даже развитии местных культур), то после получения независимости ее место закономерно заняла культура титульного этноса.

Хотя возникновение национализмов имеет общие детерминанты, тем не менее формирующиеся национализмы даже в одном регионе бывают противоположными, различными. Российский исследователь С.Н. Абашин, акцентирующий свое внимание на различиях и асимметрии среднеазиатских национализмов, относит к их общим истокам следующее: изначальное восприятие государственности как «национальной»; описание нации в этнических терминах, связанных с советской марксистской традицией и «теорией этноса»; особое внимание к проблемам национального языка; интерес к историческим корням и древней истории и т.д. Все это позволяет квалифицировать среднеазиатские национализмы как этнонационализмы. Однако в действительности дело обстоит не так просто. По мнению автора, узбекский национализм в силу исторических причин особое внимание уделяет государству, для которого «языковые и культурные различия могут представлять угрозу. Единственным инструментом сохранения государства являются игнорирование этих различий и одновременно активная политика ассимиляции и интеграции мелких групп в единую общность». В отличие от узбекского национализма «гипертрофированное внимание таджикского национализма к языку, культуре и истории компенсирует его небольшой интерес к маленькому и слабому государству».

В данном случае особую значимость приобретают не столько различия, сколько общие черты среднеазиатских национализмов, а именно присущий им этнонационализм. На постсоветском пространстве в силу особенностей исторического развития утверждается именно этот тип национализма. Этнический национализм, ставший принципом становления постсоветских государств, порождает трудности для других этнических групп, не способных вписаться в меняющиеся общественные отношения и культурную парадигму и в силу этого обреченных на маргинализацию.

Поиски национальной идентичности, утверждение самобытности и права на самостоятельное развитие приводили к тому, что главным маркером идентичности становились ценности традиционного ареала, где религиозные настроения были особенно сильны и где превалировало консервативное сознание. Как писал российский ученый Сергей Панарин, «ареал первой цивилизации – это пространство модернизации; в нем получили развитие свободно

устанавливаемые социальные связи, либеральные ценности, индивидуализм, светское мировосприятие, космополитические образцы культуры. Ареал второй – пространство традиции; в нем сильны наследственные социальные связи, патриархальные ценности, коллективизм, религиозное мировосприятие, этнические и субэтнические образцы культуры».

Естественно, первый ареал не мог быть источником национального своеобразия, скорее напротив, в нем ценились универсальные ценности, в то время как ареал традиции с характерным для него мифологизированным сознанием, особой ролью религии и обрядности использовался в качестве мерила самобытности.

Не меньше, чем поиски идентичности, ретрадиционализация общества, ставшая результатом трудного процесса трансформации, способствовала повышению роли религиозного компонента. Традиционные общества консервативны, и их консерватизм выступает в качестве системообразующего элемента, сплачивающего и обеспечивающего функционирование этого общества. Модернизированные социальные группы, национальная творческая и техническая интеллигенция не могли противостоять надвигавшемуся традиционализму, который в эпоху кризиса воспринимался как единственная надежная альтернатива распадающейся реальности.

Тесные и закрытые кланово-семейные связи, обеспечивавшие определенный социальный комфорт и возможность выживания, не могут не приходиться в противоречие с задачами модернизации и создания современных обществ. Надо признать, что при советской власти процессы модернизации шли достаточно быстро. Появление широкого слоя образованных людей, новые производства и технологии, относительно высокая социальная мобильность, вовлечение молодежи в новые формы общественной жизни, обеспечивающие общественное признание, наконец, общий атеистический настрой, снижавший интерес к религии до уровня традиции, – все это в комплексе способствовало глубоким изменениям. Достаточно сравнить те части среднеазиатских этносов, которые оказались, например, на территории Афганистана (узбеки, таджики), с их соплеменниками в Узбекистане и Таджикистане. Однако при этом традиционное общество вовсе не было разрушено. Оно продолжало существовать, адаптируясь к новому строю, мимикрируя под советские структуры.

Вхождение в рыночную экономику оказалось для центральноазиатских обществ достаточно болезненным. И потому что рынок означал куда большую неопределенность и риск, чем регули-

руемая экономика «социалистического периода», и потому что он явился в весьма специфическом обличье с деформированными формами, которые подверглись еще более удручающей эволюции под воздействием клановости, nepoтизма, бюрократического рвения.

В новой псевдорыночной среде традиционное общество консервирует привычную систему ценностей. Накопленное богатство не реинвестируется, но, сообразуясь с общественными требованиями и представлениями, начинает косвенно перераспределяться между членами коллектива (дорогостоящие праздники, подарки и т.п.).

Социальная неопределенность и огромный разрыв в доходах, новые риски и угрозы для индивидуума, привыкшего к патерналистскому государству, – все эти факторы оказывают определяющее воздействие на социально-политическую ситуацию в регионе в целом и в отдельных государствах в частности. Они определяют обращение к религии как к единственному надежному утешению и защите от несправедливости.

Усиление ислама, заметное во всех новых независимых государствах Центральной Азии, было обусловлено и внешним влиянием. К нему относится открытость внешнему мусульманскому миру: распространение религиозной литературы, организация хаджа, возможность восприятия новых элементов обрядности, появление различного рода миссионеров. На общественном уровне исламизация общества (поверхностная, не предусматривающая глубокого погружения в религию) выражается во все более очевидной популярности религиозной обрядности: увеличение числа исламских свадеб, празднование исламских праздников, ношение хиджабов и т.п. Немаловажную роль играет исламский бизнес, который в новых экономических условиях нашел свою нишу. Производство исламской одежды, предметов культа, внедрение исламской моды находят много потребителей, в том числе и в среде молодежи, не отличающейся религиозностью, но готовой следовать традиционным образцам, тем более если это поощряется в обществе.

Все большее распространение получают хиджабы как всем заметные маркеры принадлежности к исламу. На душанбинских улицах в толпе можно встретить много молодых девушек в мусульманских платках (в советское время горожанки предпочитали ходить с непокрытой головой или завязывали пестрый платок, не закрывавший полностью волос). В Киргизии Министерство обра-

зования было вынуждено отказаться от намерения запретить школьницам носить хиджабы. 19 февраля 2009 г. министерство издало приказ, в соответствии с которым все школы должны были внести изменения в уставы, прописав там обязательное ношение школьной формы, а также запрет на элементы одежды, которые выражают религиозную принадлежность учащихся. Позиция ведомства изменилась после многочисленных протестов со стороны граждан – его руководители, чтобы не нагнетать страсти, заявили, что речь шла всего лишь о рекомендации.

Важнейшим элементом повышения общественного внимания к исламу стало образование. В первые годы независимости отрезанное от мусульманского мира население Средней Азии весьма неразборчиво относилось к хлынувшему потоку литературы, среди которой было немало сочинений радикалов, к получению грантов на образование. В середине 90-х годов мне довелось побывать в Йемене. В Хадрамауте я с удивлением узнала, что в одном из средневековых городов в местном медресе учатся два гражданина Узбекистана, государства с богатейшей исламской традицией. Чему и как учатся – неизвестно. Активную работу среди таджикских беженцев в Афганистане вели исламские фонды Пакистана. Детям предоставлялась возможность получить бесплатное духовное образование. Потом они приехали, получив дипломы, в Таджикистан и стали проповедовать в соответствующем полученному образованию духе. В 1992–2008 гг. 2200 молодых людей из Таджикистана поступили в различные учебные заведения исламских стран, из них лишь 650 человек были направлены на учебу официально. Неудивительно, что власти крайне настроенно относятся к такого рода волонтерам.

Не менее опасной с точки зрения поддержания общественной стабильности становится появление нелегальных исламских школ на территории государств Центральной Азии. В частности, мне приходилось слышать от моих киргизских коллег, что в последние годы незарегистрированные медресе активно привлекают молодежь. Проконтролировать, чему и как там учат, практически невозможно.

В начале 1990-х годов в Центральной Азии стали появляться исламские политические организации радикального толка, в становлении которых немалую роль сыграли внешние силы. В Узбекистане в этот период возникло несколько религиозных групп и течений: «Адолат», «Ислом лашкарлари», «Таблих», «Товба», «Нур» и др. Действовали они в основном в Ферганской долине:

Наманганской, Андижанской и Ферганской областях. В Таджикистане к началу 90-х годов включилась в политическую жизнь Партия исламского возрождения Таджикистана, ставшая главной силой оппозиции, развязавшей гражданскую войну.

1. Исламское движение Узбекистана (ИДУ) было создано в 1996 г. Оно ставило задачу вооруженным путем осуществить свержение существующего светского режима и построить в стране исламское государство. К концу 1990-х годов ИДУ все в большей мере стало ориентироваться на использование насильственных, террористических методов борьбы. ИДУ сохранило те черты, которые были характерны еще для первых исламистских организаций Ферганской долины (в частности, «Адолат»), что неудивительно, так как ИДУ и было создано теми, кто стоял у их истоков. Среди этих черт можно назвать:

- исламский салафитский пуританизм, заповеди строгого соблюдения верующими норм ислама;

- претензии на то, чтобы еще до захвата власти в стране фактически попытаться выполнять властные функции в отдельных районах, показав населению, что исламисты способны искоренить преступления и коррупцию;

- проповедь идеалов социальной справедливости и равенства;

- создание в стране исламского режима, основанного на господстве шариата.

Лишившись возможности продолжать участие в вооруженной борьбе в охваченной гражданской войной Таджикистане после достигнутого там национального примирения, боевики ИДУ переместились на базы в Афганистане, но несколько раз использовали таджикскую территорию для вторжения в Киргизстан и далее в Узбекистан, где пытались развернуть боевые действия. В 1999 г. они вступили в столкновение с правительственными войсками на юге Киргизстана и в Сурхандарьинской области Узбекистана. 17 февраля 1999 г. ИДУ провело серию взрывов в Ташкенте.

Новая попытка прорыва боевиков ИДУ в Узбекистан была осуществлена осенью 2000 г. и преследовала цель – прорваться в Ферганскую долину, где, по расчетам лидеров движения, их должны были поддержать местные сторонники создания исламского государства. Боевики намерены были установить контроль над одним-двумя районами и, используя их как плацдарм, продолжить вооруженную борьбу. В самой долине заранее были заготовлены склады с оружием и боеприпасами. Попытка прорыва провали-

лась, но в 2001 г. возникла реальная угроза развертывания широкомасштабных партизанских действий исламистов против Узбекистана. В Афганистане талибы, союзники ИДУ, разгромив группировку генерала Дустума, вышли на границу с Узбекистаном. Пользуясь этим, ИДУ создало на севере Афганистана несколько лагерей подготовки боевиков.

Во время операции сил международной коалиции в Афганистане боевики ИДУ приняли участие в боевых действиях на стороне «Талибана». Многие лидеры движения и боевики были уничтожены. Оно утратило возможности базирования в Афганистане в пограничных с Центральной Азией районах, и остатки его отрядов переместились в Пакистан.

2. Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) была создана в 1990 г. Во время гражданской войны партия была запрещена и вернулась к политической деятельности только после национального примирения в Таджикистане. Она принимает участие в избирательной борьбе и выдвигает своих представителей в народные кандидаты. Оставаясь оппозиционной, ПИВТ в то же время находит с правящей элитой общий язык. Это, безусловно, является залогом ее политического выживания, но одновременно ограничивает ее оппозиционность (привлекательную для молодежи), заставляет сужать повестку дня. В руководство партии пришли прагматичные современные лидеры. Эти люди, оставаясь исламистами по своим убеждениям, в то же время нацелены на продолжение модернизации страны и на ее ускорение. Сохраняя связи с ведущими мусульманскими государствами и, очевидно, получая помощь и финансирование из исламских фондов – гранты, литературу, места в учебных заведениях и стипендии, – ПИВТ одновременно ориентируется на западные государства, развивает отношения с ОБСЕ. Эта задача облегчена тем, что еще в ходе переговоров по национальному примирению в Таджикистане ПИВТ оказалась в центре внимания западных правительств. Она была поставлена в новый международный контекст, не замыкавший ее исключительно на мусульманский мир. Более того, ПИВТ дала пример умеренных исламистов, которые сейчас рассматриваются и на Западе и в России как противоядие радикалам и экстремистам. Партия стала восприниматься как вполне уважаемый и ответственный партнер, что не может не отражаться и на отношениях международных акторов с режимом Э. Рахмона. На выборах в феврале 2005 г. Партия исламского возрождения надеялась получить в новом Маджлисе Оли (парламенте) не менее семи мест,

однако в нынешнем парламенте, как и в предыдущем, ПИВТ представлена только двумя депутатами (всего в двухпалатном парламенте Таджикистана – 99 членов).

ПИВТ не полностью оправдывает ожидания своего электората, и более нетерпеливое молодое поколение, фактически не знавшее ужасов гражданской войны и готовое немедленно и более решительно бороться за справедливость, может составить дополнительный резерв для радикальной «Хизб ут-Тахрир». Кроме того, и в самой партии сталкиваются противоположные тенденции, которые будут иметь решающее значение для ее будущего. Стремление модернизировать партию вызывает различную реакцию в рядах ее сторонников. Для социально успешной ее части – это залог сохранения ПИВТ на политической арене Таджикистана. Для старшего поколения и для людей традиционных взглядов новые веяния вряд ли приемлемы.

3. «Хизб ут-Тахрир аль-ислами» начала действовать в регионе в 1990-е годы. Она ставила в качестве главной задачи создание исламского халифата. При этом партия декларировала свою приверженность мирным, политическим методам борьбы и сосредоточила внимание на пропаганде своих идей и создании разветвленной организационной инфраструктуры. На фоне постепенной трансформации ИДУ в чисто террористическую организацию в Центрально-Азиатском регионе постепенно росли позиции ХТИ.

«Хизб ут-Тахрир аль-ислами» была создана в Палестине в начале 50-х годов. Провозглашенные ею цели борьбы с сионизмом вряд ли могли кого-то всерьез заинтересовать в Центральной Азии, но, попав на иную почву, ХТИ мутировала, хотя и сохранила принципиальное положение своей программы – создание исламского халифата. ХТИ одновременно является и транснациональной партией, и сообществом крайне слабо связанных между собой в организационном плане, практически автономных национальных организаций. Все они объединены одной идейно-политической платформой: ХТИ гораздо в большей степени, чем ИДУ, является идеологической партией.

Идея халифата не воспринимается сторонниками ХТИ в Центральной Азии как исключительно абстрактная. Исламисты не признают национальной и клановой замкнутости, для них не нужно таможен, границ, сильных правительств. Для людей, уставших от противоборства кланов, которых государственные границы отторгли от родных и близких, лишили привычных занятий, лозунг единого мусульманского пространства может восприниматься как

реальная и желаемая альтернатива. Не отпугнула население даже излишняя привязка ХТИ к политическим реалиям ближневосточного региона. Если первоначально ХТИ находила сторонников среди населения Узбекистана, Таджикистана и Киргизстана (по имеющимся данным, в двух последних республиках среди ее сторонников преобладали узбеки), то в последние годы ее влияние стало распространяться и на южные области Казахстана.

В Таджикистане ХТИ стала серьезным соперником ПИВТ. Тахрировцы привлекают новых членов, обещая решить социальные проблемы. Они делают упор на молодежь, интеллигенцию, женщин, которые после идеологической подготовки становятся активными проводниками их идей. Особое внимание уделяется тем, кто учился в мусульманских учебных заведениях. «Хизб ут-Тахрир» противостоит самой идее светской власти, которую везде должен заменить халифат. Она выступает против капитализма, демократии, толерантности, диалога культур и т.п. Залогом влияния тахрировцев является созданная ими патронажная сеть. Такие патронажные и клановые сети особенно характерны для Центральной Азии, играя важную роль в общественной и политической жизни. Привычная зависимость от общины, клана, семьи и выстраиваемая по этим линиям система лояльности крепко удерживают адептов. В финансировании ХТИ, безусловно, участвуют иностранные спонсоры, но существуют и местные источники финансирования. В последнее время ХТИ все чаще обвиняют в экстремизме. Ее деятельность в Центральной Азии запрещена.

4. «Акрамия» – радикальная исламистская организация, получившая широкую известность после подавления властями Узбекистана мятежа в одном из городов Ферганской долины – Андижане 13–14 мая 2005 г. Он был спровоцирован арестом бизнесменов-акрамитов. По мнению узбекистанского исламоведа Б. Бабаджанова, «Акрамия» возникла в контексте религиозного ренессанса конца 80-х – начала 90-х годов, который затронул все слои общества, в том числе молодых интеллектуалов из маргинальных слоев с техническим или гуманитарным образованием. Их духовные поиски и созревание приходятся на перестроечное и постперестроечное время «идеологического брожения». Именно в этой среде (прежде всего в маргинальной ее части) феномен «возврата к религии отцов» обрел особые черты. Эта среда породила «Акрамию» и подобные ей группы («Мааритфатчилар» в Маргеланской области, «Махдитские группы» в Ургуте и др.). «Акрамию» и подобные организации Бабаджанов относит к разряду ма-

леньких религиозных общин, своеобразных социорелигиозных мутантов.

Можно согласиться с тем, что «Акрамия» и другие перечисленные организации выполняют социорелигиозные функции. Однако непонятно, почему их надо относить к числу мутантов. Они достаточно органично встроены в традиционный сектор и помогают своим членам решать социальные и экономические проблемы. Они – своего рода альтернатива государственным органам, которые оказываются недостаточно эффективными в этой сфере. По мнению российских экспертов, в настоящее время в Центральной Азии сформировано новое поколение радикальных исламских организаций, особенностями которого являются:

- а) активное ведение исламской агитации в сети Интернет;
- б) вербовка представителей властных структур республик регионов;
- в) акцент на работе в традиционных структурах (махалья) с формированием местных базовых ячеек – халька, состоящих из пяти–шести человек;
- г) пропаганда идей социального равенства («исламский социализм»).

Представители исламских партий начинают принимать участие в политической борьбе, используя легальные каналы выборов. В списках партий, которые принимали участие в парламентских выборах (декабрь 2007 г.), значились члены запрещенной в Киргизстане организации «Хизб ут-Тахрир». Накануне выборов, 16 декабря, в Бишкеке и других крупных городах разбрасывались листовки с призывом к созданию исламского государства и поддержке на выборах партии «Эркин Киргизстан», в которой вторым номером стоял омбудсмен Турсунбай Баркир уулу. Он в свое время стал на защиту партии «Хизб ут-Тахрир», утверждая, что «хизбуты» отвергают насилие, не используют вооруженную борьбу для достижения своих программных целей. По его словам, деятельность этой организации – всего лишь форма свободы слова.

«На севере Киргизии исламистов представляют в основном люди, которые в свое время проходили спецподготовку в Пакистане, а также выпускники западных вузов. На юге и в зоне, прилегающей к Ферганской долине, больше чувствуется влияние радикальных узбекских организаций. Однако, вне сомнения, и то и другое крыло исламского движения в Киргизии могут откликнуться на финансовую помощь со стороны третьих стран, которые за-

интересованы в том, чтобы через него дестабилизировать ситуацию в стране», – отмечал киргизский политолог Турат Акимов.

На бытовом уровне процессы реисламизации выглядят все более заметно. В комплексе они могут даже привести к выводу о том, что государства Центральной Азии обречены в перспективе к расширению влияния политического ислама, появлению новых форм его взаимодействия со светской властью. Опросы общественного мнения показывают, что все больше молодых людей даже в бывших кочевых обществах (в Киргизии, например) идентифицируют себя как мусульман, а уже потом как граждан Киргизии.

Действительно, коль скоро ислам остается важнейшим фактором национальной идентичности, нет оснований ожидать ослабления его влияния на все стороны жизни. Он освящает консерватизм традиционного общества, способного оказать воздействие на темпы проведения реформ, выбор политического пути развития, идеологические ориентиры. Какую бы стратегию в отношении ислама ни избирала власть – осознанно или вынужденно, – она не может игнорировать того обстоятельства, что рост политического ислама в большинстве случаев является своего рода протестом против бедности, безработицы, отсутствия социальных гарантий, демонстрацией единения. В условиях обнищания масс, растущего социально-экономического неравенства, все большего авторитаризма властей, коррупции и сужения легальных каналов выражения протестных настроений деятельность исламистских группировок остается важнейшим средством социального протеста.

Вместе с тем нет оснований представлять себе государства Центральной Азии как обреченные на появление теократических режимов, а общества как исключительно отсталые и традиционные. Прежде всего, все они разные, несмотря на сходство отдельных элементов истории и культуры. Нельзя игнорировать уровень модернизации (различный в различных государствах) – формирование научных сообществ, возможность получения хорошего образования, в том числе за границей, развитие производств, появление НПО и оппозиционных политических партий и прессы. Проблема в том, что приметы модерна нередко носят анклавный характер, мало затрагивая основную часть аграрного населения – тот самый ареал традиции, силу общественного влияния которого еще предстоит оценить.

«Исламский фактор в истории и современности», М., 2011 г., с. 475–484.

А. Клименко,
кандидат военных наук (ИДВ РАН)
**ТУРКМЕНИСТАН КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ
УЧАСТНИК ШОС И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА СИТУАЦИЮ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Туркменистан граничит с Казахстаном на севере, Узбекистаном – на севере и востоке, Ираном и Афганистаном – на юге. На западе омывается Каспийским морем. По своему географическому положению, гуманитарным и экономическим связям с другими среднеазиатскими государствами, а также при наличии общей границы с Ираном Туркменистан логично вписался бы в ШОС. Точных данных о численности вооруженных сил и степени обеспеченности армии вооружением и боевой техникой не имеется. Сухопутные войска, по данным из различных источников, насчитывают около 15 тыс. человек, на вооружении которых имеется до 540 танков, 1,3 тыс. боевых бронированных машин, 520 ед. различных артиллерийских систем советского производства. Создаются ВМС (береговая охрана). ВВС и ПВО насчитывают около 3 тыс. человек личного состава. После распада СССР Туркмении досталась крупнейшая в Центральной Азии авиагруппировка, дислоцированная на двух крупных базах – под Ашхабадом и в г. Мары, насчитывающая около 300 вертолетов и самолетов различных систем. Военные самолеты и вертолеты прошли капитальный ремонт на заводах в Грузии в счет ее госдолга перед Туркменией за полученный природный газ.

Флот Туркмении на Каспийском море подчинен командованию пограничных войск. При этом, учитывая значительную протяженность границы, пограничные войска Туркмении имеют особый статус. В 2000 г. туркменская сторона в одностороннем порядке прекратила действие договора с Россией о совместной охране государственной границы и статусе российских военнослужащих на территории Туркмении. В том же году российские пограничники покинули страну, и обустройством туркменской границы, в том числе и на Каспии, занялись американские и европейские специалисты. В рамках программ содействия управлению границами и предотвращения распространения наркотиков в Центральной Азии на афганско-туркменской границе при участии США был открыт второй контрольно-пропускной пункт «Имамназар». Правительство Соединенных Штатов вложило в проект 1,8 млн. долл., вклад ООН составил 650 тыс. долл.

Туркмения также принимает участие в программах ОБСЕ по безопасности границ и пограничного режима. В рамках этой программы центр ОБСЕ в Ашхабаде проводит обучение туркменских спецслужб и правоохранительных органов. Руководство республики считает, что ее нейтральный статус не противоречит участию в программах НАТО. Вместе с тем следует заметить, что во всех внешнеполитических шагах Ашхабад руководствуется основополагающим принципом постоянного нейтралитета и, соответственно, весь комплекс обязательств, принятый страной, исходит из этого статуса.

Несмотря на то что Туркменистан расположен в нестабильном регионе и окружен такими проблемными соседями, как Иран, Афганистан и частично Узбекистан, расходы на оборону здесь минимальны. В 2006 г. они составили чуть более 80 млн. долл. Если по показателю удельного веса оборонных расходов в ВВП первое место в СНГ занимает Узбекистан, то Туркменистан – последнее. Ашхабад не склонен входить в какие-либо политические альянсы. Скорее всего, республика будет в большей мере привержена развитию международных политико-экономических отношений.

Туркменистан остается активным участником диалога по статусу Каспийского моря. В рамках ООН его представители поддерживают все позитивные инициативы, направленные на обеспечение региональной безопасности. Республика участвует в международных программах по борьбе с терроризмом и распространением наркотиков.

Существующая между Россией и Туркменистаном межгосударственная договорная правовая база позволяет поддерживать всеобъемлющее сотрудничество практически во всех сферах двусторонних отношений и контактов. Однако в течение довольно продолжительного периода времени заложенный в ней потенциал использовался ограниченно. Внушительный объем уровня торгового оборота между двумя странами обеспечивался, в основном, за счет поставок туркменского газа. Но есть масса направлений экономического, научно-технического, культурного сотрудничества, где взаимная заинтересованность России и Туркменистана также могла бы приносить ощутимую пользу обеим сторонам, равно как и способствовать региональной интеграции. И лишь в последнее время можно проследить определенную тенденцию к расширению бизнес-контактов Туркменистана и с Россией, и с другими странами СНГ.

Как заявил президент Туркменистана Г. Бердымухамедов на состоявшемся в 2007 г. в Ашхабаде заседании Совета глав правительств СНГ, сегодня требуются новые идеи, нестандартные подходы, которые обеспечат Содружеству в целом и каждой стране в отдельности адекватное реагирование на все вызовы времени. Они позволят выработать эффективную модель сотрудничества, нацеленную на формирование единого евразийского торгово-экономического, энергетического, информационно-коммуникационного и транспортного пространства. При этом Туркменистан выдвинул ряд инициатив по созданию новых транспортных коридоров по маршруту Север–Юг, что сулит большую экономическую выгоду всем странам-участницам.

Встраиванию Туркменистана в интеграционные процессы (не только в формате СНГ, но и в форматах ЕврАзЭС и, возможно, ШОС) может способствовать новая экономическая стратегия Г. Бердымухамедова. Она предусматривает широкое привлечение иностранных инвестиций в освоение богатейших месторождений туркменского шельфа Каспия и других нефтегазоносных районов страны, а также долгосрочные соглашения о сотрудничестве в газовой сфере, заключенные в 2007 г. с Россией и другими участниками ШОС – Китаем, Казахстаном и Узбекистаном. Принято решение о начале строительства туркмено-китайской магистрали, достигнута договоренность о развитии газотранспортной системы Средняя Азия–Центр. В равной степени это касается и тех усилий, что предпринимаются Туркменистаном в области продвижения других транснациональных проектов – газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия, строительства Прикаспийского газопровода и реконструкции действующей газотранспортной системы.

Таким образом, последовательно, шаг за шагом осуществляя свои планы в области создания многовариантной системы газопроводов, межгосударственных ЛЭП, автомобильных и железнодорожных коммуникаций по направлению Север–Юг и Запад–Восток, страна становится обладательницей ключевых энергетических и транспортных путей, одинаково привлекательных для Европы и Азии.

По предварительным прогнозам, создание транспортного коридора Север–Юг, который соединит прикаспийские государства с Россией и обеспечит выход к Персидскому заливу всем заинтересованным в этом странам, позволит перевозить ежегодно миллионы тонн грузов, что принесет немалую прибыль всем

участникам проекта. Этот коммуникационный проект получил «путевку в жизнь» на саммите глав прикаспийских государств, состоявшемся осенью 2007 г. в Тегеране, где Туркменистан, Иран и Казахстан подписали Соглашение о строительстве железной дороги.

Однако нельзя не замечать намерений Туркмении диверсифицировать свои международные экономические связи. Например, президент Туркменистана, поясняя энергетическую политику своей страны, отметил, что Ашхабад развивает и другие маршруты транспортировки углеводородов, а потому рассматривает вопрос об участии в строительстве Транскаспийского газопровода по дну Каспийского моря, минуя территорию России. Такие заявления туркменского лидера получили широкое освещение в СМИ США и ЕС, которые заинтересованы в участии Ашхабада в строительстве Транскаспийского газопровода, снижающем значение соглашения, достигнутого ранее в треугольнике Москва–Ашхабад–Астана по этому вопросу. В случае же реального участия в указанном проекте Туркменистана интересам государств ШОС, и прежде всего России, будет нанесен заметный ущерб:

Туркменистан – крупнейший в Центральной Азии экспортер газа, поставляющий его по трубам российского «Газпрома» в основном в Украину и в незначительных объемах – по собственной трубе в Иран. По итогам 2006 г. добыча природного газа составила около 70 млрд. м³, нефти – 10 млн. т. В 2007 г. эти цифры доведены до 80 млрд. м³ и 10,4 млн. т соответственно. Основным объемом природного газа поставляется на экспорт. Самым крупным его покупателем остается российский «Газпром», другим покупателем является Иран. В целом, Туркмения вместе с Россией, Казахстаном и Узбекистаном является одним из основных поставщиков энергоресурсов в страны СНГ и далее зарубежье. По существующему газопроводу Средняя Азия–Центр, запущенному еще в 1967 г., пропускается около 50 млрд. м³ газа в год. Однако Туркмения совместно с Россией и Казахстаном намеревается реконструировать газопроводную систему Средняя Азия–Центр, увеличив ее мощность на 20 млрд. м³ газа.

Однако, несмотря на то что Ашхабад сегодня проявляет внимание к западным транспортно-энергетическим проектам, нельзя не видеть того, что при принятии окончательного решения Ашхабад не может не учитывать плотной вовлеченности в совместные энергетические проекты не только с Россией, но и с Китаем и с другими членами ШОС (в том числе через проект совместного

Китайско-центральноазиатского газопровода). Наконец, Туркмения находится в окружении тесно взаимодействующих с Россией государств, а потому действовать вопреки их интересам ей просто невыгодно.

России, со своей стороны, требуется проводить взвешенную и разностороннюю политику по отношению к Туркмении, в том числе покупая у нее газ по реальным ценам, активно внедряясь в развитие экономики и социальную жизнь этой страны, а также контактируя с Ашхабадом в военной и военно-технической областях. Совместно с другими участниками ШОС следует шире вовлекать Ашхабад в интересующие его многосторонние проекты, в первую очередь энергетические и коммуникационные, подключая к работе в формате этой организации. Положительным сигналом является приглашение президента Туркмении в качестве гостя на Ташкентский саммит 2010 г. Глубокий анализ аспектов, влияющих на выбор возможных вариантов развития событий вокруг этой страны, должен быть в сфере интересов российских политических и научных кругов.

*«Мировые державы в Центральной Азии»,
М., 2011 г., с. 140–145.*

Елена Ионова,

кандидат исторических наук (ИМЭМО РАН)

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-УЗБЕКСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Узбекистан занимает особое место в системе отношений России со странами Центральной Азии. С одной стороны, республика является важным экономическим партнером РФ, с другой – Ташкент всегда занимал особую позицию по ряду политических вопросов и был непростым союзником для Москвы. В настоящее время наблюдается очередное сближение двух стран, как представляется, во многом обусловленное внешними факторами. События, которые происходят в государствах Северной Африки и Ближнего Востока, и особенно действия Соединенных Штатов и их союзников в этом регионе, не могли остаться без внимания в странах Центральной Азии, которые давно вошли в орбиту интересов Запада как важный и перспективный источник энергоресурсов.

Экономические отношения России и Узбекистана, значение которых никогда не подвергалось сомнению ни одной из сторон, объективно являются основой укрепления и развития двустороннего сотрудничества. Узбекистан по-прежнему занимает четвертое место в товарообороте России со странами СНГ после Украины, Белоруссии и Казахстана, а РФ остается для Узбекистана самым крупным торговым партнером. Хотя абсолютные цифры товарооборота двух стран не так велики (в 2010 г. он составил 3,4 млрд. долл., а по итогам первого квартала текущего года – 1,3 млрд. долл.), на долю России приходится более 22% всей внешней торговли республики.

Согласно узбекским источникам, по итогам первого квартала текущего года, товарооборот двух стран увеличился почти на 56% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Это было достигнуто за счет увеличения на 78% узбекского экспорта в РФ (в основном – путем наращивания поставок газа, автомобилей и текстиля), а также роста на 30% российского импорта в республику. Узбекистан поставляет в Россию природный газ, сельскохозяйственную продукцию, транспортные и коммуникационные услуги, текстиль, автомобили. Из России импортируются цветные и черные металлы, механическое и электрооборудование, древесина и продукция деревообрабатывающей промышленности.

Следует отметить, что рынок Узбекистана привлекателен для российского капитала, несмотря на ряд особенностей, обусловленных спецификой «узбекской модели» рыночной экономики. В частности, неполнота рыночных реформ проявляется в ограниченном обращении в стране иностранной валюты. Кроме того, такие факторы, как растущее перенаселение, бедность, низкий уровень жизни ведут к усилению социальной напряженности в республике. Безработица способствует оттоку населения (Узбекистан занимает первое место по количеству иностранных граждан, прибывающих в Россию в поисках работы).

В то же время настойчивое стремление руководства РУ к диверсификации экономики создает благоприятные предпосылки для инвестиционного сотрудничества. Определенные успехи в этом направлении нашли отражение в изменении номенклатуры экспорта: наряду с традиционными товарами – хлопком, пряжей, тканями, цветными металлами, продукцией химической и сельскохозяйственной отраслей, в ней все более значимое место занимают продукты нефтепереработки, машины и оборудование. Страна занимает шестое место в мире по добыче урана, а Навоийский гор-

но-обогащительный комбинат с объемом добычи 2,4 т урана в год входит в десятку крупнейших уранодобывающих компаний мира. Ежегодно в республике добывается около 90 т золота, и по этому показателю РУ занимает девятое место в мире. Узбекистан по-прежнему входит в число ведущих мировых экспортеров и производителей хлопка. По мнению независимых экспертов, основными факторами роста экономики республики в 2010 г. стали высокие мировые цены на золото и газ, что компенсировало снижение цен на хлопок. В целом финансово-экономический кризис существенно не повлиял на макроэкономические показатели республики (во многом это было связано с устойчивостью банковского сектора, который, не осуществляя заимствований на внешнем рынке, активно кредитовал субъекты малого и среднего бизнеса).

Достаточно развитая промышленная база и отсутствие значительных потерь от мирового финансово-экономического кризиса выгодно отличают Узбекистан от других центральноазиатских стран и создают благоприятные предпосылки для развития экономического сотрудничества с Россией. В настоящее время в республике зарегистрировано 843 совместных российско-узбекских предприятия; в России действуют 385 СП, созданных с участием узбекских партнеров. Российские компании «Газпром», «Лукойл», «Союзнефтегаз», «Стройтрансгаз», «Волгабурмаш» реализуют целый ряд проектов в области развития инфраструктуры топливно-энергетического комплекса, геологоразведки и освоения месторождений.

В частности, сейчас в стадии оформления находится сделка по привлечению российской «Лукойл» кредита в размере 500 млн. долл. от Азиатского банка развития, Исламского банка и ряда зарубежных коммерческих банков для финансирования инвестиционной программы по дальнейшей разработке газового месторождения Кандым и увеличения добычи газа на месторождении Хаузак (Эти месторождения осваиваются в рамках подписанного в 2004 г. соглашения о разделе продукции; первый газовый промысел «Хаузак», проектный объем добычи которого составляет 12 млрд. м³ газа в год, российская компания ввела в эксплуатацию в 2007 г.)

По итогам визита Д. Медведева в Ташкент в июне 2011 г. наметились перспективы развития военно-технического сотрудничества двух стран и усиления участия России в повышении оборонного потенциала Узбекистана. В частности, в ходе визита в Ташкент директора Федеральной службы по военно-техническому

сотрудничеству РФ М. Дмитриева были рассмотрены возможности расширения взаимодействия по таким направлениям, как поставки российской стороной современного военного оборудования, ремонт и модернизация вооружений, военной техники и военно-технического имущества, технологическое оснащение предприятий военно-промышленного комплекса. В настоящее время как Москва, так и Ташкент демонстрируют единство взглядов по основным вопросам, связанным с обеспечением региональной безопасности, и многостороннему экономическому сотрудничеству в рамках ШОС. Это относится в первую очередь к афганской проблеме. Руководители обеих стран выступают за мирное урегулирование вопросов, связанных с террористической и наркотической угрозами, исходящими из Афганистана, с привлечением к данному процессу руководства этой страны.

Как заявил на последнем саммите ШОС в Астане И. Каримов, «только через достижение компромисса между противоборствующими сторонами, вовлечение в этот процесс самих афганцев, а также социально-экономическое возрождение Афганистана с помощью мирового сообщества можно найти выход из тупикового положения». Стоит вспомнить, что несколько лет назад И. Каримов выступил с инициативой создания контактной группы «шесть плюс три» (шесть соседей Афганистана плюс США, Россия и НАТО) без участия афганской стороны. Тогда эта инициатива не нашла поддержки ни в Вашингтоне, ни в Москве.

По экономическому направлению деятельности ШОС стороны считают приоритетным развитие транспортных коммуникаций и инфраструктуры – строительство и модернизацию автомобильных, железнодорожных и воздушных путей сообщения, а также создание современных логистических центров. В этой связи Узбекистан активно поддержал предложение КНР о создании Банка развития ШОС, которое предполагает формирование многостороннего механизма финансирования приоритетных социально-экономических и инфраструктурных проектов. К их числу президент РУ относит в первую очередь осуществление проекта строительства транспортного коридора Центральная Азия–Персидский залив, межгосударственное соглашение о котором было подписано в апреле 2011 г. в Ашхабаде. Он должен обеспечить кратчайший наземный путь, который свяжет пространство ШОС с портами Персидского залива.

В то же время долгие годы взаимоотношения Москвы и Ташкента осложняет ряд вопросов, по которым их позиции су-

щественно расходятся. Это и привело к выходу Узбекистана из ЕврАзЭС в 2008 г. В качестве одной из причин такого шага И. Каримов называл несогласие с условиями присоединения государств – членов ЕврАзЭС к Таможенному союзу России, Белоруссии и Казахстана. Кроме того, большое недовольство Ташкента по-прежнему вызывают планы строительства с участием России крупных гидроэлектростанций – 347-метровой плотины Рогунской ГЭС в Таджикистане и каскада Камбаратинских ГЭС в Киргизии. Как считали некоторые российские аналитики, именно «водный фактор» стал главной причиной выхода Узбекистана из ЕврАзЭС.

По мнению российского эксперта А. Куртова, этот шаг Узбекистана был вызван тем, что в рамках ЕврАзЭС республике не удалось добиться понимания своей позиции по вопросу использования водных ресурсов региона. «Ташкент неоднократно на разных форумах обращался с предложением урегулировать водную проблему. Его позиция заключалась в отказе от строительства гигантских гидроэнергетических сооружений на трансграничных реках, к которым он требовал отнести Амударью, Сырдарью и их притоки», – подчеркнул эксперт.

В 2009 г. Узбекистан объявил о выходе из Объединенной энергетической системы (ОЭС) Центральной Азии. Это произошло после очередного несанкционированного отбора Таджикистаном электроэнергии. Созданная при Советском Союзе, ОЭС не учитывала границы между соседними республиками. В результате энергосистема Таджикистана состояла из двух частей, соединенных между собой через электрические сети Узбекистана. Поэтому некоторые области Узбекистана обеспечивались электроэнергией Нурекской ГЭС, расположенной в Таджикистане, а электроснабжение отдельных районов Таджикистана осуществлялось за счет ряда узбекских ГЭС. Взаимообмен электроэнергией происходил согласно ежегодно заключаемым контрактам. Такая система порождала постоянные взаимные претензии и конфликты между странами региона, которые до сих пор не могут найти взаимоприемлемого решения проблем использования энергетического потенциала трансграничных рек. Обращения Узбекистана в международные организации, в частности в ЕС, также не дали результата.

За годы независимого существования у Узбекистана накопилось много претензий по совместному использованию гидроресурсов к соседям по региону и прежде всего к Таджикистану.

В частности, Ташкент обвинял Душанбе в нарушении основных принципов и режима работы взаимосвязанной энергетической системы, в том числе нарушении графиков согласованных межгосударственных перетоков электроэнергии (что приводило к крупным системным авариям в ОЭС и обесточиванию узбекских территорий); несанкционированном отборе электроэнергии у Узбекистана; росте задолженности за поставляемую Ташкентом электроэнергию.

В итоге, руководство РУ приняло решение о создании собственной системы энергоснабжения, независимой от ОЭС, действующей на основе двусторонних соглашений с государствами региона. Новая энергосеть в первую очередь обеспечила независимое снабжение электричеством Ферганской долины на границе с Киргизией и Сурхандарьинской области, а затем и других регионов республики. Это позволило, как заявляли официальные представители Узбекистана, «предотвратить непредусмотренные режимными факторами отключения потребителей республики при авариях в соседних энергосистемах».

Однако, по сути дела, полного выхода Узбекистана из существующей в ЦА энергосистемы не произошло: не прерывалась параллельная работа с энергосистемами Казахстана, Киргизии и даже некоторых районов Таджикистана. От узбекской системы была изолирована лишь таджикская республиканская электросеть.

В этих условиях в очередной раз озвученное Москвой намерение финансировать создание гидроэнергетических сооружений в Таджикистане было воспринято Ташкентом как угроза национальной энергетике в связи с возможными последствиями реализации этого проекта, о которых неоднократно заявляло руководство республики. Следует отметить, что Узбекистан в этом вопросе пользуется полной поддержкой Казахстана. Характерно, что именно «водная проблем» стала в последнее время важным фактором сближения Узбекистана и Казахстана, имеющего сходные проблемы с соседней Киргизией (обе страны расположены в нижнем течении Сырдарьи и Амударьи). Ташкент и Астана настаивают на проведении международной экспертизы проектов строительства новых гидроэнергетических сооружений в регионе с точки зрения регулирования стока вод, а также их экологической и техногенной безопасности. Они также считают необходимым ускорение выработки взаимоприемлемого механизма совместного использования водно-энергетических ресурсов Центрально-Азиатского региона.

Позиция Ташкента в водно-энергетической сфере находит понимание и в Туркмении, которая еще в 2003 г. вышла из ОЭС.

Судя по всему, на последней узбекско-российской встрече в верхах интересующим Ташкент водным проблемам было уделено должное внимание. Как свидетельствует официальный сайт посольства Узбекистана в Москве, стороны отметили «необходимость при строительстве гидротехнических сооружений на трансграничных реках региона согласования с соседними странами и проведения международной экспертизы этих проектов». Однако, как это будет увязано с обещанием России помочь Таджикистану и Киргизии в строительстве Рогунской и Камбаратинской ГЭС – покажет будущее.

*«Россия и новые государства Евразии»,
М., 2011 г., № 3, с. 80–85.*

Алексей Малашенко,
доктор исторических наук
**РЕЖИМЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ОБРЕЧЕННЫЕ НА ВЕЧНОСТЬ И ПРОЗЯБАНИЕ**

Установившиеся в Центральной Азии режимы за 20 лет существования прошли проверку на прочность. Речь идет даже не о режимах, а об одном, авторитарном режиме – в разных модификациях. Центральноазиатский авторитаризм пережил серьезные испытания – общественно-политическими потрясениями, исламским радикализмом, внутренней междоусобицей. Напомним выступления в Намангане узбекской исламской организации «Адоллат» (1991), теракты в Ташкенте (1999), восстание в Андижане (2005), обвинение Назарбаева в коррупции – «казахгейт», чуть не обрушивший его легитимность за рубежом (1999–2000), длительную острейшую борьбу внутри «большой семьи» в Казахстане, попытку государственного переворота в Туркменистане (2006), революции в 2005 и 2010 гг. в Киргизстане.

Но повсюду авторитаризм доказал свою политическую состоятельность, устоял и обеспечил относительную стабильность в государствах. Ни в одной из стран Центральной Азии никому не удалось выдвинуть ему реальную и понятную обществу альтернативу. В некоторых странах имело место внутривнутриполитическое (в том числе внутриаэлитное) противостояние, но оно не могло закончиться успехом «либеральных» сил, поскольку они просто-

напросто отсутствуют на политической карте региона. Но даже если бы каким-то чудом в какой-нибудь стране Центральной Азии у власти оказались политики, склонные к либерализму и демократии, в конце концов им все равно пришлось бы использовать все те же старые схемы удержания власти.

Центральноазиатский авторитаризм привычно подразделяют на жесткий и мягкий. К жесткому относят узбекский и туркменский режимы (при Туркменбаши этот режим не без основания именовался «неототалитарным»). К мягкому – казахстанский, киргизстанский и таджикистанский. Отличие второго типа авторитаризма от первого состоит в наличии относительной свободы прессы и неправительственных организаций. Многопартийность, которая номинально присутствует везде, кроме Туркменистана, не является признаком, позволяющим разделить режимы на мягкие и жесткие. В Узбекистане, Казахстане, Таджикистане многопартийность носит чисто декоративный характер, о чем наглядно свидетельствуют результаты выборов.

Мягкий и жесткий варианты – это разновидности одной формы правления, а мягкость повсеместно трансформируется в жесткость. Тенденция ужесточения режима характерна и для «мягкого» авторитаризма Киргизстана и Казахстана, и для авторитарного правления, которое установилось после гражданской войны (1992–1996) в Таджикистане.

На чем основана центральноазиатская «вертикаль власти», построенная задолго до российской модели, провозглашенной Путиным? Прежде всего, отметим, что эту вертикаль вообще не надо было выстраивать: она существовала здесь всегда и не прерывалась. Из общей картины выпадает Таджикистан, где в 1992–1997 гг. шла кровавая гражданская война. Однако обе противостоящие стороны боролись отнюдь не за демократию, а за право выстроить собственную – национальную, светскую или исламскую – вертикаль власти. Наконец, это была война между регионами за установление своего контроля над страной. В то же время центральноазиатским правителям нужно было, во-первых, всячески укреплять властную вертикаль, чтобы избавляться от конкурентов, во-вторых, адаптировать ее к местной традиции, а в-третьих, формально придать ей демократическое обличье.

Все это и было успешно проделано местными кланами, оказавшимися у власти после распада Советского Союза. Успех был предопределен тем, что казахстанский президент Нурсултан Назарбаев, узбекистанский – Ислам Каримов и туркменистанский –

Сапармурат Ниязов в качестве первых секретарей ЦК местных компартий пришли к власти еще в советское время (Назарбаев и Каримов заняли высший партийный пост в 1989 г., Ниязов – в 1985-м, а в 1990-м стал председателем Верховного Совета Туркменской ССР). В Туркменистане полномочия первого президента Сапармурата Ниязова прекратились в 2006 г. лишь в связи с его кончиной, а сущность и принципы управления при его преемнике Гурбангулы Бердымухамедове остались неизменными. В 1990-м президентом Киргизстана стал Аскар Акаев, совершивший прыжок в президентское кресло с должности главы Академии наук Киргизии. С одной стороны, приход на высший пост ученого оказался неожиданностью, но с другой – по мере пребывания у власти Акаев также стал проявлять авторитарные наклонности.

Едва ли можно было ожидать, что сразу после обрушения коммунистического строя начнется обустройство политического пространства по демократическому образцу. Новым президентам не пришлось завоевывать власть – они унаследовали ее, как и соответствующий аппарат, в том числе силовой, от советских структур, а в дальнейшем всю энергию тратили на удержание властных полномочий. Оказавшись во главе независимых государств, центральноазиатские лидеры методически закрепляли собственную монополию на власть путем подавления конкурентов, заключения с ними соглашений, а также выступая посредниками между соперничающими кланами.

В Узбекистане сложился устойчивый межклановый консенсус (между ташкентцами, самаркандцами и бухарцами), из которого был, правда, исключен ферганский клан. Ислам Каримов блестяще манипулировал и манипулирует амбициями своих сторонников, контролирует ситуацию в собственной семье. Это особенно важно, поскольку внутрисемейные отношения, амбиции близких родственников вождя, а также раздражение, которое они вызывают у людей, оказывают значительное влияние на общую политическую ситуацию. Еще в 1990-е Каримов полностью устранил с политического поля светскую оппозицию – движение «Бирлик» и партию «Эрк». Лидер «Эрк», известный узбекский интеллектуал Мухаммад Салих, был, по существу, единственным оппозиционным деятелем, который пользовался уважением в обществе и был способен всерьез конкурировать с Каримовым. (На президентских выборах 1991 г., по официальным данным, Салих получил 12,7% голосов, по предварительной, впоследствии не повторявшейся информации Ташкентского радио – 33, а по сведе-

ниям его сторонников. – свыше 50%.) Угроза Каримову исходила, особенно в 1990-е годы, от исламистской оппозиции, которая поначалу была представлена движением «Адолат», а затем Исламским движением Узбекистана (ИДУ) и «Хизб ут-Тахрир аль-ислами» (ХТИ, Исламской партией освобождения). Потенциал исламистов остается сравнительно высоким и сегодня, но в целом Каримов, используя крайне жесткие меры против ИДУ и ХТИ, держит ситуацию под контролем.

В Казахстане президент действовал так же жестко, но допускал существование оппозиционных групп. «Он и его советники... начав экспериментировать с политическими реформами, быстро обнаружили, насколько трудно ввести в рамки устремления общества». За критиками Назарбаева стояли небольшие партии, так что в стране сложился своеобразный политический плюрализм, ограниченный президентской волей. Назарбаев «зачищал» элиту не спеша, зато целенаправленно, удаляя из нее своих соперников, многие из которых пользовались немалым влиянием в обществе. В разное время ему оппонировали такие влиятельные фигуры, как Акежан Кажегельдин (премьер-министр в 1994–1997 гг.; в 1999-м покинул страну), Галымжан Жакиянов (аким Павлодарской области; осужден в 2002 г.), Мухтар Аблязов (бывший министр энергетики, индустрии и торговли; в 2000 г. осужден на семь лет), Жармахан Туякбай (спикер парламента в 1999–2004). Назарбаев одержал победу в тяжелейшей внутрисемейной борьбе, которая закончилась бегством из страны его зятя, мужа старшей дочери Дариги – Рахата Алиева. Заметим, что и сама Дарига некоторое время позиционировала себя как самостоятельный политик с далеко идущими претензиями.

Действия узбекистанского и казахстанского президентов отличались друг от друга тем, что первый уничтожал в зародыше рост любого политического авторитета, в то время как второй давал возможность конкурентам проявить себя не только на административной стезе, но также в сфере «высокой политики». Постепенная концентрация власти и постоянное противоборство с оппонентами формировали основные черты мягкого авторитаризма, который оставлял оппозиции некоторую возможность для идейного и даже политического самовыражения.

Ниязов был практически «обречен» на победу. Организованной оппозиции в Туркменистане не существовало вовсе, попытки ее создать беспощадно пресекались, противники президента оказывались в тюрьме или эмигрировали, а трения между ним и

его соратниками происходили на личностном уровне. Противники президента, например, премьер Назар Сууюнов, министр иностранных дел Авды Кулиев, решались выступить против него, лишь оказавшись за пределами Туркменистана. Общество оставалось крайне пассивным. Лишь однажды оппонент Ниязова отважился на действия внутри страны: в 2002 г. бывший министр иностранных Борис Шихмурадов со своими малочисленными соратниками предпринял попытку государственного переворота. Попытка провалилась, сам Шихмурадов попал в тюрьму, и судьба его неизвестна. У Туркменбаши не было проблем и с семьей. Ни его сын Мурад, ни дочь политикой никогда не интересовались. Не сложилась в Туркменистане и исламская оппозиция. Так что преемник Ниязова Бердымухамедов унаследовал полностью подконтрольную систему, которую он лишь слегка «подкорректировал», келейно и безболезненно устранив из политики потенциальных конкурентов – спикера межлиса Овезгельды Атаева и руководителя службы охраны президента Акмурада Рэджепова.

Отличия Таджикистана и Киргизстана в том, что здесь вертикаль власти изначально не была столь прочна, как в Узбекистане или Казахстане. Но предпосылки к авторитаризму в этих странах также присутствовали изначально, так что применительно к ним можно говорить об «отложенном» или «откладывавшемся» авторитаризме. Авторитаристская тенденция проявлялась и крепла всякий раз, когда для нее возникали минимально необходимые возможности. Разразившаяся в Таджикистане гражданская война длительное время препятствовала установлению консолидированного, прочного режима. Однако после ее завершения в 1996 г. пришедший к власти Эмомали Рахмонов (отказавшийся от русского правописания своей фамилии и ставший Рахмоном) начал действовать примерно так же, как и его центральноазиатские коллеги, т.е. приступил к строительству авторитарной системы. Положение Рахмонова осложнялось тем, что в 1996–1997 гг. ему пришлось неоднократно подавлять военные мятежи, а порой и идти на уступки мятежникам. На его жизнь дважды покушались – в 1997 и 2001 гг. В послевоенных условиях давление на бывших противников из Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) было чревато новым обострением ситуации. К тому же крайне тяжелое экономическое положение грозило локальными волнениями (их ожидали, например, в 2007–2008). Поэтому Рахмонов проводил политику «кнута и пряника», предоставляя одним участникам ОТО возможности для бизнеса, других (в крайне редких случаях) до-

пуская к политической деятельности, но одновременно лишая возможности участвовать в принятии ключевых решений. Количество депутатов от оппозиции в итоге было сведено к минимуму, парламент стал полностью ручным. К 2006 г. Рахмону удалось «зачислить» политическое пространство, внести изменения в Конституцию, в соответствии с которыми он получал право занимать пост президента еще два семилетних срока. В том же году он одержал победу на выборах, собрав 79,3% голосов. Для Рахмона ослабление жесткости оборачивается ослаблением власти. Тем более что в стране остались силы, которые, почувствовав слабинку, способны открыто оппонировать президенту. В 2009–2010 гг. Рахмон провел ряд военных акций по подавлению недовольства в стране, направленные на ослабление оппозиционеров, прежде всего исламистских. Зато сравнительно гладко обстоят дела в рахмоновской семье, где трения если и возникают, то ограничиваются сугубо материальными вопросами, так что глава семьи может быстро и безболезненно их разрешить.

Наиболее сложным путем авторитаризм складывается в Киргизстане – единственном государстве региона, где успели возникнуть некоторые элементы демократии. В значительной степени это было обусловлено личностью первого президента страны Аскара Акаева, уникального «полуноменклатурного» политика, советского интеллигента, который, придя к власти, действительно был настроен на либеральный лад. (В 1991 г. Киргизия была единственной советской республикой Средней Азии, отказавшейся признать ГКЧП, а ее тогдашний министр внутренних дел Феликс Кулов даже предпринял меры, чтобы избежать возможного военного вторжения на территорию республики.) В стране действовала, по выражению Акаева, «зубастая и порой весьма агрессивная оппозиция». Однако и киргизстанский авторитаризм, изначально мягкий, постепенно становился более ригидным. Подобно остальным президентам, Аскар Акаев выводил из политической игры своих оппонентов, однако использовал при этом преимущественно приемы дворцовой дипломатии. Мягкий авторитаризм Акаева привел к революции 2005 г., итогом которой стал очередной мягкий авторитаризм во главе с новым президентом Курманбеком Бакиевым. Бакиевский авторитаризм за пять лет хотя и «очерствел», но не смог обрести достаточно сил, в результате чего в 2010 г. режим Бакиева пал в ходе «второй киргизской революции». К тому же Бакиев все более опирался на южный регион республики (члены бакиевской семьи – выходцы с Юга), вследствие чего его авто-

ритаризм имел «географические» ограничения, а выступление против него в значительной степени носило характер противостояния между Севером и Югом. Таким образом, в Киргизстане авторитаризм так и остался непрочным – он дважды рождался и дважды

же обрушивался. Как пишет отечественный исследователь А. Верховский, «проблема неустойчивости мягкого авторитарного режима может решаться двумя способами. Первый вариант – восстановление демократических институтов... Второй вариант – переход в режим жесткого авторитаризма...». В Киргизстане не случилось ни того ни другого. Общей чертой обоих киргизстанских авторитаризмов стала неспособность президентов контролировать амбиции членов семейного клана. Хотя причины обеих революций крылись в социально-экономических проблемах, главным внешним раздражителем для общества были именно президентские родственники, особенно бакиевские, которые, по распространенному в Киргизстане выражению, «приватизировали страну».

Словом, в четырех из пяти центральноазиатских государств авторитаризм сумел подавить (или полностью уничтожить) оппозицию; избавившись от конкурентов, его лидеры получили полную свободу действий. Кровавая гражданская война в Таджикистане, а позднее две революции в Киргизстане, особенно последняя, приведшая к погромам в Оше и Джалал-Абаде, стали для правящих режимов в Центральной Азии серьезнейшим аргументом в пользу авторитарного правления. В 2010 г. и политики, и эксперты видели главную причину кровавых событий в Киргизстане именно в слабости власти, а в самой стране многие считают, что очередная «твердая рука» может помочь найти выход из тупика.

Будучи полновластными правителями, центральноазиатские авторитаристы заявляют о приверженности идеалам демократии. Туркменбаши: «Мы идем к созданию демократического светского государства, в котором будут гарантированы все права и свободы человека...». И. Каримов: «Мы строим гражданское общество. Это значит, что по мере становления нашей государственности многообразные функции управления будут передаваться самому народу, общественным органам самоуправления»; он же: «Формирование демократического государства с сильными социальными гарантиями – наша цель». Один из приближенных к власти узбекских аналитиков утверждает, что «с приобретением государственной независимости страны Центральной Азии выбрали либерально-демократическую модель политической культуры». Такое мнение

полностью разделяет его коллега из Таджикистана, также входящий в административно-интеллектуальную элиту: «Несмотря на то что в политических системах Центральной Азии просматриваются некоторые авторитарные элементы, практически во всех государствах региона де-юре существуют многопартийные системы и провозглашается приверженность демократическим принципам».

Формальные атрибуты демократии нужны центрально-азиатским авторитаристам для того, чтобы продемонстрировать США и Европе, что они «десоветизировались», готовы к постепенному восприятию общечеловеческих ценностей и включены в процесс глобализации, неизбежность которой они осознают. Местные правители полагают, что таким образом они могут в большей степени расположить к себе Америку и Европу, в частности, добиться получения инвестиций и кредитов. При этом европейцы и американцы на самом деле отдают себе отчет в том, что им предлагается имитация демократичности, а то и просто обман, но готовы вежливо «обманываться». Они все чаще «прощают» своим центральноазиатским партнерам их авторитаризм (здесь показательно то, что Запад практически предал забвению андижанскую трагедию), принимая местные режимы такими, какие они есть, и выстраивают с ними отношения, исходя из собственных прагматических интересов.

Кое-какие внешние признаки демократии в странах Центральной Азии действительно присутствуют. Везде, кроме Туркменистана, существует по несколько партий, действуют неправительственные организации. В Казахстане, Киргизстане (при Акаеве и Бакиеве) и даже в Таджикистане действуют оппозиционные партии, хотя они и не имеют сколько-нибудь серьезного влияния. Отмечены даже элементы свободы выражения, однако, за исключением Киргизстана, свобода слова ограничена формальной, а иногда и неформальной цензурой. Говоря о демократии, руководители центральноазиатских стран исходят из того, что на их территориях она имеет специфический характер: во-первых, демократия должна соответствовать национальным, религиозным (некоторые говорят: цивилизационным) особенностям общества, а во-вторых, является пусть и важным, но не главным приоритетом. Главный – стабильность и безопасность. Как говорил Туркменбаши, «демократия в чистом лозунговом виде, искусственно привитая на неподготовленной почве, родит охлократию. Мы бы не хотели получить ее взамен стабильности».

Тем временем в самом центральноазиатском обществе либерально-демократические ценности воспринимаются двояко. С одной стороны, они ассоциируются с благополучием, в котором живут далекие, неведомые страны Запада. Интернет, кинофильмы, телевидение «из тарелок», рассказы тех, кто побывал в Европе и Штатах, особенно молодых людей, создают позитивное представление о западном мире. К тому же, в отличие от большинства российских обывателей, у жителей Центральной Азии, которые не имеют опыта демократических реформ, демократия не связывается с внезапным обеднением людей, политической нестабильностью. С другой стороны, демократические ценности воспринимаются как нечто далекое, недостижимое и уже потому чуждое. Тем не менее это «иное» в глазах значительной части населения, особенно молодежи, имеет свою привлекательность, и власть с этим считается.

Неподготовленность Центральной Азии к восприятию либерально-демократических ценностей и к формированию гражданского общества является важнейшим аргументом защитников авторитарной системы. По словам казахстанского исследователя Юрия Булуктаева, «одна из главных проблем, тормозивших выход на авансцену гражданских инициатив, заключалась в том, что в стране еще не сформировался реальный субъект гражданского общества, т.е. личность, обладающая инициативой и достаточной экономической самостоятельностью, осознавшая свои гражданские, политические, социальные права, способная активно защищать собственные интересы на конституционно-правовой основе».

Авторитарным правителям в Центральной Азии важно показать соответствие, преемственность своего правления национальной и религиозной традиции, которая провозглашается одним из главнейших регуляторов социальных отношений, служит консолидации общества и лежит в основе национальной идеи. Это соответствие для глав центральноазиатских государств важнее соответствия демократическим образцам: более того, необходимость действовать в рамках национальных традиций служит оправданием перед Западом крайне медленного продвижения к демократии, практически отсутствия всякого движения в этом направлении. В поисках национальной идеи в этой части постсоветского пространства обращаются ко временам расцвета некогда существовавших здесь центральноазиатских династий, а также к реальным или мифическим фигурам истории. Для Узбекистана это хан Тимур (1336–1405), для Таджикистана – правившая в IX–X вв. дина-

ствия Саманидов, для Киргизстана – мифический батыр Манас, давший название знаменитому киргизскому эпосу, для Казахстана – создатель казахского протогосударства хан Аблай (XVIII в.). Характерно высказывание одного из официальных узбекских ученых: «Подобно Великому Темуру, мы тоже охвачены стремлением построить государство великого будущего». Поскольку в истории Туркменистана не удалось отыскать ни устойчивой государственности, ни великого вождя, в качестве символа величия и славы страны Сапармурат Ниязов предложил самого себя. Он принял титул Туркменбаши («Отец туркмен») и выступил в качестве автора новейшего туркменского «эпоса» «Рухнама».

В сфере практической политики приверженность авторитаристов традиции выражается в первую очередь в утверждении доминирующей роли государства (т.е. их собственной) во всех сферах жизни, а также приверженности семье, авлуду (большой семье), роду, клану. Приверженность традиции обеспечивает патернализм, на котором строятся отношения государства и общества, государства и личности. Всячески превозносится традиционная организация людей по месту жительства – община, городская махалля. «Все мы выросли в махалле, – говорит Ислам Каримов. – Мы должны сделать все возможное, чтобы авторитет махалли поднять на подобающую высоту, мы должны рассматривать этот вопрос не только как экономический, не только как социальный, а как политический, воспитательный, если хотите, как духовный вопрос». В Узбекистане, Таджикистане деревенская община и махалля рассматриваются как скрепы общества и опора стабильности. В Туркменистане власть поддерживает племенные традиции, а заодно и иерархию племен, самым многочисленным и сильным из которых являются текинцы. И первый, и второй президенты являются выходцами из этого племени.

В куда более урбанизированном и экономически продвинутом Казахстане традиции отводится меньшая роль. Начиная с 1930-х годов традиционные связи здесь подвергались систематической деформации и разрушению, а в советское время половину населения составляли славяне. Однако в южных, более исламизированных районах страны окрепли и сохраняются нормы традиционного устройства общества. Существуют разногласия относительно роли традиционных структур в сегодняшней организации общества, причем иной раз противоречия присутствуют во взглядах одного и того же автора. К примеру, Акежан Кажегельдин. Бывший премьер-министр Казахстана (1994–1997), считает, что

«система жузов (исторически сложившихся регионально-клановых объединений Казахстана) как уклад жизни надуманна. Нет такого уклада. Осталось родственно-территориальное деление казахов». Тремя строками ниже читаем: «Нет особого уклада жизни. Был период, когда военно-родовые союзы формировались таким образом. Он проявляется в жизни и сейчас». Безусловно, сегодня жузовая система – это архаика, но что-то от нее все-таки осталось. Каждый казах знает, к какому жузу он принадлежит, также о своей клановой и родовой принадлежности никогда не забывает ни узбек, ни таджик, ни киргиз. И это обстоятельство не может игнорировать ни один президент, который должен выступать в качестве посредника и поддерживать баланс между разными клановыми группами. Традиционные родовые связи – один из факторов, учитываемый при назначении на административные должности самых разных уровней.

Все президенты заявляют о своей приверженности к исламу. Особенно это характерно для Узбекистана и Таджикистана, где уровень религиозности населения наиболее высок. В других странах обращение власти к исламу носит преимущественно ритуальный характер, а также объясняется желанием развивать отношения с богатыми единоверцами (Турцией, Малайзией, странами Персидского залива). Еще одной причиной подчеркнутого внимания к исламу со стороны власти является его политизация, рост популярности исламских оппозиционеров.

В целом авторитаризм в Центральной Азии вписался в традицию и научился ею манипулировать, используя ее как политический инструмент и источник официальной идеологии. За 20 лет авторитарные режимы Центральной Азии получили тройную легитимизацию:

- 1) «силовую», поскольку доказали свою силу и эффективность;
- 2) юридическую, поскольку приняли конституции и, демонстрируя приверженность внешним атрибутам демократии, неоднократно побеждали на выборах;
- 3) традиционалистскую, поскольку подтвердили приверженность ценностям и общественному устройству, понятным и привычным для большинства сограждан. Кроме того, режимы смогли обеспечить стабильность – важнейшее условие жизни любой нации.

Однако, обеспечив прочность собственной власти и относительную устойчивость режимов, авторитарные правители

Центральной Азии не смогли ни модернизировать экономику, ни качественно улучшить жизнь людей. Обещания превратить Туркменистан в Кувейт, Таджикистан и Киргизстан – в Швейцарию, которые в 1990-е годы раздавали президенты и их советники, не оправдались. Даже обещание Туркменбаши, что к 2000 г. каждая семья будет иметь телефон, дом, корову, осталось невыполненным. Все меньше людей верят в «светлое будущее». За исключением Казахстана, остальные страны региона продолжают жить в изнуряющей бедности. Несколько лучше положение в Узбекистане и в Туркменистане, где колоссальные, по местным масштабам, доходы от продажи газа позволяют обеспечивать скромные социальные льготы для населения. Киргизстан и Таджикистан находятся в состоянии хронического кризиса. Политическая устойчивость режимов оборачивается стагнацией, отдача от проводимых реформ крайне незначительна. Авторитарная власть в ее центральноазиатском варианте не способна найти выход из тяжелейшей ситуации. Потребность в политическом переустройстве становится все более очевидной.

Думается, верхи, во всяком случае какая-то часть элиты, это осознают, но ни за что не пойдут на перемены, связанные с риском потери собственного влияния. Они не умеют жить в условиях политической конкуренции, которая обязательно возникнет при «смягчении» режима. Пытаясь решить экономические вопросы, оставляя неизменной сферу политики, авторитарные правители заводят свои страны в тупик. Немалую роль играет здесь их «свита», которая часто сознательно дезинформирует «хозяина», сообщая ему о якобы постоянном улучшении экономического положения. Известен, например, такой забавный эпизод, когда перед посещением одним центральноазиатским президентом городского рынка торговцам приказали понизить цены на товары, переписав ценники. Сформировавшееся вокруг авторитарного правителя, выстроенное по кланово-семейному признаку, зацикленное на собственных корыстных интересах окружение не приспособлено к более свободной, конкурентной среде, требующей иных навыков и более высокого уровня профессионализма. Неслучайно многие квалифицированные кадры покидают свои страны, поскольку не могут найти себе должного применения в существующей авторитарной системе.

На словах все режимы объявляют главной задачей не только экономическую модернизацию и внедрение передовых технологий, но также и совершенствование политического устройства.

При этом не говорится о том, что любое развитие – экономическое, а тем более политическое – неизбежно влечет за собой изменения сложившегося положения вещей, ибо главной ценностью всегда признается стабильность. Развитие должно происходить как бы само по себе, не нарушая установившийся распорядок жизни. Модернизация без коренных перемен – идеал авторитаристской идеологии, ярким выражением которого является тезис о «консервативной модернизации», сформулированный в России в 2009 г.

Возникают два вопроса: движутся ли куда-то эти режимы? И если да, то куда именно?

Первый вопрос связан с идеей транзита центральноазиатских стран, их перехода от советского бытия в политике, экономике, культуре и появления новой идентичности. В начале 1990-х конечная цель транзита казалась очевидной – создание национального государства. Из-за сложности стоящих перед ним задач государство виделось неизбежно авторитарным (без «твердой руки» не обойтись), но все-таки с некоторыми формальными атрибутами демократии – парламентами, многопартийностью, выборами – и крайне туманными перспективами последующей эволюции в либеральном направлении. Однако уже в первое десятилетие существования этих государств авторитаризм пресек «либеральные» поползновения. (Транзит в либеральную неизвестность режимам был решительно ни к чему.) Авторитарные режимы на самом деле пытались проводить экономические и финансовые реформы, способствовать созданию малого и среднего бизнеса. Все это означало социально-экономический, но отнюдь не политический транзит, попытку усовершенствования собственной авторитарной системы. Здесь нужно отметить качественные отличия центральноазиатского авторитаризма, отягощенного советским тоталитарным наследием, от авторитаризма, к примеру, стран Восточной Азии, где экономические реформы постепенно приводили к политическим переменам. Казахстанский политолог К. Сыроежкин задается вопросом: «Каким образом авторитарный режим решает проблемы переходного периода и какие условия он создает для своей собственной эволюции? Если он решает задачу изживания колониального прошлого из общественной жизни своей страны, способствует сохранению достигнутого уровня социальной гетерогенности либо переходу к ней из фазы культурного, социального и структурного плюрализма, создает условия для формирования новых социальных страт и среднего класса в качестве основы общества, вырабатывает относительно эффективный механизм межэтнич-

ской интеграции, то его можно считать просвещенным авторитаризмом, имеющим тенденцию к демократической эволюции. Если этого нет либо указанные мероприятия осуществляются в отрицательном аспекте, то речь идет о марионеточном пронеоколониалистском режиме». Не пытаясь интерпретировать термин «пронеоколониалистский режим», отметим, что на свой манер Сыроежкин перечисляет компоненты реального транзита, в Центральной Азии отсутствующего.

Наиболее продуктивным для государств Центральной Азии могло бы явиться движение в направлении полуавторитарного режима. Такой «полуавторитаризм» существовал до недавнего времени во многих мусульманских странах, в частности, Египте, Алжире, Марокко и др. Там при общем контроле власти над политической обстановкой у оппозиции были возможности собирать заметное число голосов на выборах, принимать реальное участие в работе парламентов, обсуждать важнейшие политические решения, оказывая влияние на их принятие. Но в Центральной Азии движения в этом направлении не наблюдается.

«Арабская весна» – свержение режимов в Египте, Тунисе (а к моменту, когда статья будет опубликована, быть может, в Ливии и Йемене), поставила вопрос о возможном влиянии этих процессов или даже их распространении на страны Центральной Азии. Это закономерный вопрос, поскольку налицо общие глубинные факторы – коррупция, экономический застой, крайне обострившаяся демографическая ситуация и т.д. Думается, однако, что влияние «арабской весны» на Центральную Азию крайне незначительно, а о свержении местных режимов на сегодняшний день вообще не приходится говорить.

Не вдаваясь в детальные объяснения, хотел бы заострить внимание лишь на различиях в качестве общества в арабском мире и Центрально-Азиатском регионе. Первые страны – пусть в ограниченной степени – все-таки имели доступ к западной политической культуре, вторые остаются в значительной степени заложниками советской эпохи. Идущая в авангарде «революций» арабская молодежь мобильнее, социализированнее, образованнее, чем ее центральноазиатские одногодки. Она настроена на конкретные перемены и готова пожертвовать во имя последних стабильностью. Между тем в Центральной Азии перешедшая в стагнацию стабильность воспринимается едва ли не как главное достижение местных режимов. Последние, в свою очередь, скорее всего используют «арабский бунт» как лишний повод для того, чтобы ис-

пугать своих сограждан и еще раз (как это было в годы гражданской войны в Таджикистане) убедить их в том, что дестабилизация в стране и в обществе чревата очень серьезными опасностями.

Американский специалист М. Олкотт назвала свою книгу «Центральная Азия: Второй шанс». По мнению автора, выход из нынешнего тупика состоит не в постоянном преодолении хронических кризисов, а в создании жизнеспособной современной модели, включающей не только экономические, но и политические компоненты. Но такая модель не была выстроена. Занимающийся экономикой региона Б. Румер делает заключение о конце транзита в Центральной Азии. Само понятие «транзит» зачастую трактуется односторонне: под ним подразумевается движение лишь в одном, так сказать, позитивном направлении, которое в итоге приведет к глубоким экономическим и социальным реформам, демократизации и т.д. Однако транзит может означать как модернизацию, так и движение вспять – ужесточение авторитаризма, демодернизацию экономики, ретрадиционализацию общества, в том числе культурную и идейную. Именно такой консервативный транзит происходит сегодня в Центральной Азии, за исключением разве что Казахстана, где сохраняется шанс для продвижения в ином направлении.

Ретрадиционализация является одной из доминирующих тенденций в Центральной Азии. (Аналогичная тенденция наблюдается и на российском Северном Кавказе.) Влияние традиционного фактора на общественные отношения сохранялось и при советской власти. Верхушка КПСС боролась с традиционализмом, но в то же время и использовала его: ключевые партийные и административные позиции распределялись в соответствии с относительным весом кланов и с учетом их частных интересов. После распада СССР, избавившись от «внешнего присмотра», кланы усилили свое влияние, а президенты новых государств взяли на себя роль медиаторов между ними. Управлять традиционным политическим механизмом было привычнее и удобнее. Такая схема в наибольшей степени подходила к авторитарной модели, подстраивая авторитаризм к системе традиционных норм.

Утверждения об архаичном, «феодалном» характере общественных отношений и политических систем Центральной Азии стали общим местом. Эксперты говорят о том, что «кланово-земляческое влияние на все сферы общественной и политической жизни среднеазиатского общества – объективный эпохальный

процесс», о том, что «Туркменистан превратился в племенное государство классического восточного типа...»

Что нового в нынешней ретрадиционализации, или, как порой еще определяется этот феномен, архаизации либо демодернизации? На мой взгляд, новое – и крайне тревожное – явление в том, что нынешнее погружение в традицию в некоторых странах вплотную подошло к «точке невозврата». Социум деградирует, возникают непреодолимые препятствия на пути создания современного государства и становления гражданского общества. Происходит примитивизация экономики, которая бесповоротно становится сырьевой; падает качество труда, который, по выражению коллеги из Таджикистана, «становится средневековым». Стремительно снижается уровень образования, прежде всего технического. (Можно сказать, что оно компенсируется развитием образования религиозного.) Массово и безвозвратно «бегут мозги».

Модернизация окончательно переходит в разряд утопии, а сам Центрально-Азиатский регион оказывается обреченным на вечное прозябание, превращение в глобальную периферию. Интерес к Центральной Азии будет связан почти исключительно с угрозой усиления там религиозного экстремизма.

Есть, конечно, и иное, более оптимистичное мнение, что «восточный тип политической культуры, существующий в Центральной Азии, одновременно обладает и некоторым числом устойчивых черт, и лабильностью, а потому может быть уверенно отнесен к переходному периоду. Эта культура объединяет в себе традиционное и современное начала». Эта позиция выглядит почти безупречной. Вопрос, однако, в том, каково на данный момент, в данном обществе соотношение между традиционным укладом и модернизационной эволюцией. Какова здесь динамика? Сегодня в Центральной Азии это соотношение явно в пользу первого, традиционного, уклада. Альтернатива традиционности слаба в экономике, где практически отсутствует высокотехнологичный сектор. (Добыча газа в Туркменистане обеспечивает средства для прокормления людей, но отнюдь не стимулирует модернизационный процесс. Этим Центральная Азия отличается от стран Персидского залива, где разумное использование нефтедолларов действительно привело к изменению облика региона, сохранив разумный баланс между традицией и современностью.) Альтернатива традиции в политике, которая проявляется в существовании партий, в выборах, на деле чисто формальна. Авторитарные режимы являются именно традиционными, а ретрадиционализация еще более спо-

собствует их укреплению. Публично признать, что гипертрофия традиции опасна для государства, не может и не хочет ни один лидер.

Президенты и их соратники говорят о поисках синтеза современности и традиции; это эффектно звучит, но по существу представляет собой апологию традиции. «Прошло уже более пятнадцати лет с тех пор, как центральноазиатские государства стали независимыми, но за это время они так и не смогли создать политические институты, которые могли бы считаться демократическими или обеспечивали бы передачу власти таким способом, который общество считало бы легитимным». Нежелание власти двигаться в этом направлении сопровождается усилением традиции, которая становится все более агрессивной. Она превращает современные институты в пустую формальность и делает их неэффективными: «Существующая патерналистско-клановая система нивелирует все общественные объединения, в том числе политические партии, – пишет А. Омарова. – При этой системе политические партии встроены в нее...» А значит, бессильны.

Бывший министр иностранных дел Киргизстана, исследователь Мурат Иманалиев, рассуждая о роли и уместности обращения к традиции для обновления общества, замечает, что «кочевничество, исламизм и советскость не могут быть синтезированы в нечто новое на их основе – они могут лишь сосуществовать». Но именно эти источники «провоцируют базовые линии этнической поведенческой культуры». На этом фундаменте возникают неформальные институты, которые «имеют безусловное и непосредственное влияние на формирование самоидентификационных моделей киргизского этноса. В первую очередь – элит. В киргизской этнической среде совокупность неформальных институтов получила наименование «кыргызчылык». Нечто подобное есть у наших соседей; например, у казахов это называется «казакшылык».

Та же ситуация складывается и в остальных центральноазиатских обществах, где она выражена еще ярче. Традиционные институты подменяют собой, имитируют «на восточный манер» гражданское общество, но не способны выполнять его главные функции. Такова, например, подконтрольная государству махалля; и, по справедливому замечанию И. Звягельской, «наивными представляются попытки малознакомых с ситуацией людей представить махаллю как зародыш гражданского общества».

В суждении Иманалиева обращает на себя внимание то, что, перечисляя векторы традиции, он в тот же ряд ставит «совет-

скость». Такой подход многим может не понравиться, но в Центральной Азии среднее и старшее поколения воспринимают «советскость» (несмотря на ее атеистический характер) как органическую, пусть и недавно сформировавшуюся, часть местной традиции. Старая и новая традиция оказываются совместимы. У простых людей старшего поколения сохраняется память о Советском Союзе, но параллельно идет процесс ретрадиционализации. Объяснением этому служит приверженность коллективистским ценностям и патерналистские настроения, которые умело поощряла и пропагандировала советская власть. Именно государство в лице его московских и республиканских вождей обеспечивало существование, которое воспринималось как спокойное и благополучное. И СССР, и империя Тимура были сильными и процветающими. Жестокость и Тимура, и большевиков выглядит вполне оправданной: их целью было построение великого государства. Но в обоих случаях – и в Средневековье, и в недавнем прошлом – модернизация в конечном счете оказалась тупиковой.

Важнейшим аспектом ретрадиционализации является усиление роли ислама – как политического фактора и как одного из регуляторов общественных отношений. Значение ислама возросло на всем пространстве Центральной Азии, но заметнее всего в Узбекистане и Таджикистане, население которых всегда было более исламизировано, чем у соседей. Главной причиной политизации ислама является то, что в отсутствие светской оппозиции протестные настроения находят выражение в религиозной форме. В регионе действуют несколько оппозиционных исламистских группировок: Исламское движение Узбекистана, «Хизб ут-Тахрир» аль-ислами (ХТИ), Партия исламского возрождения Таджикистана, более мелкие группировки. Всех их объединяет одна стратегическая цель – замена нынешних режимов на исламский, будь то халифат или исламское государство на национальной основе. «Можно ли следовать исламу, возрождать исламский образ жизни и поднять исламский призыв и джихад на мировой уровень без Исламского государства халифат?» – гласит одна из листовок ХТИ.

Между тем идею исламского государства в данном регионе невозможно реализовать ни в форме халифата, ни в какой-то иной: не всех граждан центральноазиатских республик такое государство устраивает, да и внешние силы резко воспротивились бы его появлению. Однако борьба за создание исламского государства, которую ведут радикальные исламистские организации и движения, и поддержка подобных организаций со стороны части населе-

ния давно стали устойчивой тенденцией. Точное количество членов исламистских групп неизвестно, как и число тех, кто им симпатизирует. В качестве косвенных данных можно привести количество сторонников ХТИ, находящихся в узбекских тюрьмах (5–7 тыс. человек), а также регулярные судебные процессы над исламистами. Судя по этим данным, число сторонников исламистских организаций велико и продолжает увеличиваться по мере роста разочарования в режимах, которые находятся у власти. Идея исламской альтернативы обретает новых приверженцев, поскольку религиозная утопия всегда привлекательна, особенно когда ситуация приближается к критической, а доверие к власти падает. По существу, исламисты предлагают переход к исламской системе, в которой не существует разрыва между правителем и обществом (мусульманской общиной) и которая основана на принципе социальной справедливости.

В среде оппозиции присутствует и экстремистское крыло, действующее террористическими методами и связанное с зарубежными единомышленниками – «Аль-Каидой» и движением «Талибан». Это способствует проникновению в Центральную Азию экстремистской квазиталибской идеологии. Оппозиция является объектом систематического преследования, ее участники, а зачастую и члены их семей подвергаются арестам и иным формам давления. Однако опыт показывает, что борьба с радикалами-исламистами исключительно силовыми методами окончательной победы не приносит, и власти приходится действовать более гибко.

Во-первых, не избежать неофициального диалога с исламистами. В 1990-е годы такой диалог стал главным условием прекращения гражданской войны в Таджикистане. В скрытой форме диалог происходит и в Узбекистане. Несмотря на категорический отказ верхов признавать ХТИ и исламистскую группировку «Акромия» политической оппозицией, чиновники среднего и низшего уровня, в том числе и в силовых структурах, негласно общаются с исламистами, а по неофициальной информации, разделяют некоторые их взгляды.

Во-вторых, сама правящая элита должна активно действовать на «исламском поле»: президенты и их приближенные соблюдают обряды, участвуют в религиозных празднествах, совершают хадж в Мекку. Президенты стремятся быть не только политическими лидерами, но и своего рода идейными, или духовными, вождями. Совмещение политического и духовного лидерства

предполагает, что светский политик наделен правом интерпретировать религиозные тексты. Ни Каримов, ни Назарбаев этим не пользуются, но президент Таджикистана Рахмон дерзает вступать в сферу богословия. Так, в 2009 г. он произнес обстоятельный «теологический» доклад на конференции «Наследие имама Абу Ханифы и его значение в межцивилизационном диалоге». Абу Ханифа – основоположник ханафитского мазхаба (богословско-юридического толка), который сегодня усиленно распространяется в этой стране. В то время в Таджикистане ходили слухи, будто в окружении президента муссируется вопрос о его готовности стать имамом, что означало бы сосредоточение в его руках светской и духовной власти. Впрочем, дальше слухов дело не пошло.

Уязвимым местом политиков и чиновников является их коммунистическое, атеистическое прошлое, не соответствующее нормам ислама поведение в быту (употребление алкоголя), формальное отношение к обрядности. И конечно, погрязшая в коррупции бюрократия давно предала забвению социальную справедливость, декларируемую со времен Пророка Мухаммада.

Главными объектами борьбы между властью и оппозицией являются мечети и медресе, шире – система исламского образования. Большинство мечетей контролируется государством, однако есть немало храмов (точное число неизвестно, но счет идет на сотни и тысячи), где имамы пытаются сохранить самостоятельность, где работают неофициальные проповедники, проповеди которых отличаются от официальных. В этих мечетях служат «неортодоксальные» имамы, пользующиеся высоким авторитетом среди верующих, особенно среди молодежи. Мечеть в исламе это не только религиозное учреждение. Она всегда была и остается общественно-политическим центром, где обсуждается все происходящее в мусульманской общине, в мусульманской стране. От того, на чьей стороне мечеть, зависит стабильность государства, прочность его правителя. Наиболее актуальна эта проблема для Узбекистана и Таджикистана и особенно остра для «исламского сердца» – Ферганской долины, от положения дел в которой зависит стабильность во всем регионе. Игнорировать мечеть невозможно даже в Казахстане, особенно в его южной части, где ее позиции как социально-политического центра становятся все более влиятельными.

Что касается религиозного образования, то власти повсеместно открывают исламские институты; большинство медресе взято под государственный контроль. При этом в регионе параллельно

действует неофициальная система обучения, в которую вовлечены десятки тысяч мусульман. Благодаря ей молодые верующие знакомятся с иными, в том числе фундаменталистскими, салафитскими толкованиям ислама. Наставниками в подобных учебных заведениях часто работают молодые люди, окончившие университеты в Саудовской Аравии, Кувейте, ОАЭ, других мусульманских странах. Эти учителя не только привозят в Центральную Азию иные трактовки ислама, но и оказываются связующим звеном между местными мусульманами и их радикально настроенными единоверцами за рубежом. Здесь исламисты готовят своих единомышленников.

Существует вечное противостояние между де-факто светским авторитаризмом и исламистами, которые претендуют на спасение людей от бедности и несправедливости. Власть, неспособная разрешить главные проблемы общества, будет постоянно сталкиваться с протестом в религиозной форме. (Сегодня это справедливо и в отношении Киргизии, где еще недавно угроза исламизма была не так велика, как в других странах региона: кто бы ни пришел к власти в Бишкеке, ему неизбежно придется иметь дело с усилившимся и набравшимся опыта исламским радикализмом.)

Но если авторитаризм не может избавиться себя от религиозной оппозиции, то и у исламистов в ближайшее десятилетие вряд ли хватит сил для свержения нынешней политической системы и замены ее на «исламское государство». В 2007 г. несколько московских аналитических центров (Совет по внешней и оборонной политике, Высшая школа экономики, РИО-Центр) подготовили прогноз, как будет выглядеть мир в 2017 г. Для Центральной Азии этот прогноз выглядит удручающе. «Деградация Киргизии и Таджикистана может вступить в завершающую фазу...» В Узбекистане «нынешняя элита не сможет предложить новые варианты социально-экономической и политической стратегии... Угроза политической дестабилизации будет возрастать, что помимо неминуемой исламизации конфликта вызовет массовую миграцию». «Кризисные явления будут нарастать в Туркмении». Правда, «лидером трансформации останется Казахстан, где продолжится политическая модернизация с целью закрепить власть в руках тщательно отсортированного политического класса».

С одной стороны, повода для оптимизма (Казахстан – исключение, хотя и не бесспорное) не остается. Но с другой – какие бы спорадические катаклизмы ни сотрясали регион, авторитаризм уцелеет и вряд ли существенно эволюционирует. Достаточно

взглянуть на минувшее десятилетие, чтобы в этом убедиться. Предпосылка для кардинальных перемен не наблюдается.

В Туркменистане смена правителя уже произошла. В Узбекистане и Казахстане она ожидается. В Киргизии происходит. Некоторые возлагают особые надежды на приход к власти качественно новых лидеров, на обновление элит. Однако «не следует чрезмерно персонифицировать правящие режимы». В зависимости от личности правителя авторитаризм может быть относительно мягким или жестким, но он останется авторитаризмом. Его эволюция к «полуавторитарному» правлению или, допустим, к полиархии пока невозможна.

Систематическое воздействие внешнего фактора может оказаться источником перемен, но на сегодня этот фактор незначителен и непостоянен. США и Европа отказались от вмешательства в политические дела центральноазиатских стран, тем более от их демократизации. Национальное строительство (в Центральной Азии) не было их приоритетом. Спустя несколько лет после событий в Андижане это особенно очевидно.

К тому же в мусульманском мире демократией с большим успехом смогут воспользоваться отнюдь не демократы, а исламские радикалы, чему в последние годы было немало ярких свидетельств. России также не нужны политические перемены в регионе. В Москве надеются, что никаких либерализационных новаций там случиться не может. Либерализация внутренней политики в центральноазиатских государствах является для Москвы знаком их отхода от России и сближения с Западом, как это случилось в середине 90-х на Украине и в Грузии. Москва продолжает оказывать содействие близким ей авторитарным режимам, даже несмотря на их отказ выступить в поддержку России в ее войне с Грузией и признать независимость Абхазии и Южной Осетии. Можно допустить, что уход некоторых президентов и приход их преемников будет сопровождаться конфликтами, появлением нескольких новых, непривычных политических фигур, ожиданиями глубоких перемен. Политическая погода Центральной Азии может меняться, иной раз существенно, но авторитарный «климат» все равно останется прежним.

«Pro et contra», М., 2011 г., май–август, с. 78–94.

Александр Кадырбаев,
востоковед,
(Казахский государственный национальный
университет им. Аль-Фараби)
**УЙГУРЫ, КАЗАХИ И КИРГИЗЫ – ТЮРКСКИЕ
НАРОДЫ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ**

Несмотря на взвешенность политики руководства Китая в национальном вопросе, особенно после прихода к власти Дэн Сяопина и ныне продолжаемой его преемниками, положившей конец откровенным формам дискриминации народов той части Центральной Азии, которая ныне является территорией китайского государства, также известной как Восточный Туркестан, в заметной степени способствовавшей их религиозному и этническому возрождению, повышению жизненного уровня в ходе знаменитых реформ, сделавших КНР одной из ведущих держав мира, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе обострились межнациональные отношения в связи с поддержкой значительной части самого многочисленного коренного населения Восточного Туркестана – уйгуров движения за независимость от КНР.

По китайским данным, уйгуров в КНР примерно от 8 до 12 млн. человек. Они составляют около половины всего населения СУАР КНР. В этноязыковом и этнокультурном отношении они близки к узбекам, в среде которых уйгуры более подвержены ассимиляции, чем, скажем, в среде других народов постсоветской Центральной Азии. Где-то 300 тыс. уйгуров на сегодняшний день являются гражданами Казахстана, до 30 тыс. – Киргизстана, 12 тыс. – Туркмении, где они сохраняют известную самобытность. Уйгуры Узбекистана, которых немало было в Ферганской долине, в результате целенаправленной многолетней политики узбекистанского руководства, в том числе и в советскую эпоху, сильно ассимилированы узбеками и большинство их по документам учитываются как узбеки. Тем не менее, согласно официальным данным, уйгуров в Узбекистане около 40 тыс.

Уйгуры – мусульмане-сунниты. Хотя в сознании современных уйгуров укоренилось представление о себе как о древнем народе, с научной точки зрения этот вопрос все же дискуссионен. В течение второй половины прошлого столетия в Восточном Туркестане резко изменилась этническая структура населения вследствие целенаправленной китайской политики. Если в 1949 г. население СУАР было в основном тюркоязычным, где самым

многочисленным народом были уйгуры, составлявшие абсолютное большинство в регионе, то за последние 50 лет из-за постепенного, но постоянного и массового переселения китайцев в населении СУАР произошли кардинальные изменения. Уйгуры, которых в 1953 г. было в СУАР 80%, сегодня составляют 47% синьцзянцев, казахи – 7,4%, а китайцы – более 40%.

Казахи – второй после уйгуров по численности в КНР тюркоязычный народ, в основном живущий в СУАР, но есть казахи в провинции Цинхай и в крупных китайских городах. Впервые казахи появляются в Восточном Туркестане еще в XVI в. на службе у правителей государства Моголов, владевших тогда этим регионом. Массовое появление казахов здесь относится ко второй половине XVIII в., когда империя Цин разгромила вековых противников казахов – Джунгарское ханство западномонгольских племен ойратов. К первой половине XX в. относятся волны эмиграции казахов из пределов России после подавления восстания 1916 г. и из СССР из-за голода в итоге коллективизации конца 20-х годов. До середины прошлого столетия казахи были застрельщиками всех антикитайских восстаний, хотя ныне казахская община вполне лояльна властям КНР.

Киргизов в КНР от 200 до 300 тыс. человек, они имеют автономию на уровне уездов, входящих в область, история их появления в Восточном Туркестане аналогична появлению здесь казахов. Есть немногочисленные мусульманские общины татар – 15 тыс. человек и узбеков – 10 тыс. человек, а также сары-югуров, исповедующих буддизм (они же юйгу или желтые уйгуры) – 12 тыс. человек и саларов, менее 10 тыс. человек.

Увеличение доли китайцев в СУАР вызвало ответную реакцию в виде межэтнического уйгуро-китайского напряжения, всплесков уйгурского этнического терроризма, стремительного распространения никогда не умиравших сепаратистских настроений среди уйгуров. Уйгуры СУАР в основной своей части восприняли наплыв китайцев как сознательную политику их ассимиляции, «поглощения» миллиардом с лишним китайцев. Социальные последствия массового переселения китайцев, направляемого китайским государством, для жизни общества СУАР очевидны. Среди горожан СУАР актуальна проблема трудоустройства, обеспечения жильем, и именно в этих сферах нарастает дискриминация местного населения в пользу китайцев, социальный статус которых заметно выше. Проблема пресечения проявлений китайского шовинизма столь же значима, как и традиционные социальные

проблемы СУАР: массовая бедность, неразвитость системы здравоохранения и образования, отсутствие коммуникационной инфраструктуры, слабое развитие частного сектора.

Изменение в лучшую сторону столь непростой социальной ситуации невозможно без развития экономики региона. Понимая это, правительство КНР вложило в начале 90-х годов в экономику СУАР значительные суммы. Но ожидаемого взлета региональной экономики не произошло. Среди причин этой неудачи и валютный азиатский кризис, и неопределенность политических изменений в соседних постсоветских государствах Центральной Азии. Скорее всего, важнее была внутренняя причина: вкуче с китайской миграцией попытки социально-экономических реформ в СУАР лишь способствовали росту этнического самосознания уйгуров, их нежеланию подчиняться новым условиям. Следствием стало общее усиление социальной и межэтнической нестабильности.

К концу 90-х годов стало ясно, что китайские попытки реформирования синьцзянской экономики оказались малоэффективными. Китайцы убедились в неоднозначности взаимосвязи этнического и экономического развития региона и поняли, что к решению клубка синьцзян-уйгурских проблем необходимо искать новый подход. В итоге руководство КНР ныне стоит перед выбором – продолжить усилия для роста экономики Синьцзяна или же в первую очередь постараться сохранить социальный контроль над регионом.

В СУАР, по сравнению с другими районами Китая, темпы урбанизации и индустриализации очень медленные, жизненный уровень местного, особенно уйгурского, населения в сельских районах очень низок, сферы образования, здравоохранения и местного управления неразвиты, очевидны проявления китайского шовинизма, тенденция к дискриминации коренного населения, особенно в городах. Уйгуры чувствуют себя колонизованными. Возможно, поэтому они еще не совсем осознают выгоды для себя сотрудничества с центральными китайскими властями, с помощью которых они могут и должны решить свои проблемы. Чтобы заручиться этой поддержкой, уйгурам необходим диалог с Пекином и они должны ограничить сепаратистские выпады на основе этнического правозащитного движения.

По имеющимся материалам можно составить представление о современных настроениях разных социальных, половозрастных и локальных групп уйгуров. Уйгуры старшего и среднего поколения, прошедшие страдания Второй мировой войны, «культурной

революции» и правления Мао Цзэдуна, очень ценят мирные отношения и даже небольшие улучшения в своей жизни. Им противостоит уйгурская молодежь, сознание которой сформировалось в условиях относительной свободы и «примирения» 80–90-х годов. Молодые уйгуры вдохновляются также демократическими выступлениями сверстников в самом Китае в 1989 г. на площади Тяньаньмынь и успехами движений мусульманских народов на мировой арене – албанцев в Косово, курдов в Ираке, боснийцев на Балканах, палестинцев на Ближнем Востоке, образованием независимых государств в Центральной Азии после распада СССР, чьи народы им близки в этнокультурном и языковом отношении. В целом они настроены более радикально, чем старшее поколение, мечтают о политической независимости Восточного Туркестана. Наконец, подрастающее поколение – уйгурские дети, выросшие в самые последние годы в условиях нарастания бытовой неприязни к китайцам-переселенцам.

Конечно, уйгурская молодежь далеко не едина в своих помыслах, многие сочувствуют идеологии национально-освободительного движения, даже проникаются ею, кто-то нацелен на сотрудничество с китайской властью, стремится к учебе в китайских школах и вузах, некоторые мечтают уехать из Китая, как правило, в страны Запада. Есть разница в отношении к национально-освободительному движению между локальными и социальными группами уйгуров. Например, среди уйгуров Комула и Турфана на востоке СУАР, менее исламизированных чем кашгарцы – жители областей, прилегающих к Средней Азии и Афганистану, идеология борьбы за независимость не слишком популярна. Заметна разница между городскими и сельскими уйгурами. Несмотря на общую бедность, уровень жизни на селе во время реформ Дэн Сяопина в 80–90-х годах все-таки повышался, а прямых контактов с китайскими переселенцами у уйгурских крестьян не было, китайского давления они особенно не ощущали. Поэтому борьба за отделение Восточного Туркестана от КНР концентрируется в основном в городских центрах и носит характер городской «герильи» – подпольной партизанской городской войны, хотя есть сведения о боестолкновениях регулярных частей НОАК с уйгурскими боевиками в горных районах Синьцзяна в 2007 г. За последние годы социальная база идей уйгурского противостояния китайским властям меняется в сторону расширения и в ближайшие годы, видимо, будет усиливаться.

Из уйгурских общин за пределами КНР активны в поддержке движения за отделение от Китая Восточного Туркестана общественные организации казахстанских уйгуров, что не раз приводило в последние годы к обострению их отношений с руководством Республики Казахстан, опасаящимся негативной реакции властей КНР. Был осуществлен ряд оперативных мероприятий казахстанских спецслужб против активистов уйгурских организаций, что привело к жертвам со стороны последних. Властям КНР выдавались уйгуры из СУАР, пытавшиеся спастись от смертной казни, к которой они были приговорены за подпольную антикитайскую деятельность, на территории Казахстана, хотя правительство РК тем самым нарушало известные положения ООН и международного права. Казахские СМИ развернули антиуйгурскую пропаганду, представляя уйгурскую общину Казахстана как пособника террористов.

Аналогичная ситуация в Киргизстане, где в уйгурской общине произошел раскол по вопросу о поддержке движения за отделение Восточного Туркестана от КНР и был убит лидер уйгурской общины этой страны за отказ оказать материальную поддержку уйгурским подпольным группам из СУАР.

Ситуация для Китая осложняется тем, что активизация уйгурского подпольного сопротивления происходит в регионе, крайне важном в стратегическом отношении для КНР, где расположен атомный полигон в Лобноре, космодром и предполагаемые гигантские запасы нефти – стратегический энергетический резерв Китая для будущего прорыва на ведущие роли в мировой экономике и политике. И окружение КНР базами США с северо-запада, со стороны Средней Азии после разгрома талибов в Афганистане вполне может привести к желанию американцев разыграть «уйгурскую карту» против Китая, тем более что аналогичную ситуацию США уже использовали, в частности по отношению к России.

Достаточно активны уйгуры в Турции, традиционном центре их эмиграции, особенно с 1949 г. Еще в 1873 г. Якуб-бек, правитель государства Йеттишаар в Восточном Туркестане, павшего в 1877 г. под натиском Китая, признал сюзеренитет Османской империи, от имени ее султана чеканил золотые, серебряные и медные монеты, признал османский флаг флагом своего государства. Начиная с этого времени Турция не была безучастна к событиям в далеком от нее Восточном Туркестане, что породило в умах определенной части уйгуров представление о Турции не только как о

стране родных по языку единоверцев, но и как об оплоте и пристанище.

Уйгуры, эмигрировавшие из Китая в Турцию, рассматривали и рассматривают ее как самого вероятного союзника. В 50-х годах XX в. выходцы из СУАР, осевшие в Турции, создали «Общество беженцев Восточного Туркестана», существующее и сегодня. Сначала ее печатным органом был буклет «Догу Тюркистан» («Восточный Туркестан»), затем с 1953 г. журнал «Туркестан», выходивший в Стамбуле, а сегодня на смену ему пришел ежеквартальный журнал «Догу Тюркистан ин сеси» («Голос Восточного Туркестана»). Его основатель – уйгурский эмигрант Иса Юсуф Алптекин, натурализовавшийся в Турции. Издается журнал также в Стамбуле Фондом Восточного Туркестана, который финансируется праворадикальными турецкими партиями и организациями, на что закрывает глаза турецкое правительство. «Общество беженцев Восточного Туркестана» пытается привлечь внимание мировой общественности к уйгурской проблеме посредством различных публикаций, собраний и выступлений и добиться рассмотрения этого вопроса на исламских конгрессах и в ООН. Что касается турецких властей, то официально они не демонстрируют своей поддержки уйгурским эмигрантским организациям.

Как представляется, шансы уйгурского сепаратистского движения на отделение Восточного Туркестана от КНР невелики, тем более что китайские власти в целом контролируют ситуацию в регионе. Уйгурское сопротивление находится в глубоком подполье, к тому же ему не удалось привлечь на свою сторону другие некитайские народы СУАР, как тюркские и мусульманские – казахов, хуэй-дунган, киргизов, узбеков, татар, так и буддийские – монголов – ойратов, дауров, потомков маньчжур – сибо и солонов, а также ираноязычные при всей их немногочисленности – сарыкольцев, эйну (абдали), пахпу, ваханцев, таджиков, не говоря уже о китайцах. Все это сужает потенциальную базу их движения. Да и репрессивный аппарат КНР по численности и по качеству несопоставимо превышает силы уйгурских подпольщиков.

После падения режима талибов в Афганистане резко ослабла и помощь извне, тем более что центральноазиатские соседи КНР из страха перед великим соседом фактически помогают китайцам в подавлении уйгурского освободительного движения. Что касается Турции, то ее возможности достаточно скромны, ссориться с КНР она вряд ли будет, а уйгурская эмиграция в Турции уже не имеет корней на своей прежней родине и ее влияние на происхо-

дящие там события мизерно. Кроме того, находясь под мощными репрессиями китайских спецслужб, уйгурское подпольное движение пока не смогло создать жизнеспособную политическую и военную структуру сопротивления, выдвинуть ярких харизматических лидеров, привлечь к своей борьбе внимание международной общественности, и есть сомнения в том, что это удастся сделать.

Здесь велика роль внешних факторов. Однако Россия, которая при СССР периодически сочувствовала уйгурам, сейчас стоит в одних рядах с КНР по вопросам сепаратизма, тем более что у нее те же проблемы с Чечней, где уже засвидетельствован факт участия уйгуров из СУАР в боевых действиях на стороне боевиков. У уйгурских сепаратистов остается надежда на изменение политики США, которые вполне могут обратить внимание на «уйгурскую карту» в своих непростых отношениях с Китаем. Тогда, вне сомнения, уйгуры могут надеяться и на активизацию помощи им со стороны Турции. Но как пойдет дальнейшее историческое развитие Восточного Туркестана, при всей значимости внешних факторов зависит в первую очередь от политики нынешнего руководства КНР, от успеха проводимых ими не только социально-экономических, но и политических реформ, от того, насколько они будут предпочтительнее для народов Восточного Туркестана, прежде всего для уйгуров, чем идея их самоопределения вплоть до отделения от КНР.

«Российско-турецкий диалог по проблемам Центральной Азии и Кавказа: История и современность», М., 2010 г., с. 149–154.

Омар Нессар,

политолог, директор Центра изучения
современного Афганистана

**АФГАНИСТАН В ЛОВУШКЕ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

Осенью 2011 г. исполнилось десять лет с момента начала операции США и НАТО в Афганистане. По длительности она уже превзошла пребывание на территории этой страны «ограниченного контингента» советских войск в 1979–1989 гг. (продолжалось девять лет, один месяц и 19 дней). Ход и результаты почти десятилетней войны являются предметом острых дискуссий и в Соединенных Штатах, и во многих странах мира. Спустя 22 года после

того, как афганскую землю покинул последний советский солдат, уход иностранных войск из Афганистана вновь стоит на повестке дня. Пока, однако, ясности нет ни по одному из основных вопросов: как и когда силы Североатлантического альянса предполагают завершить миссию в Афганистане.

Безопасность инфраструктуры снабжения западного контингента под Гиндукушем превратилась в один из критериев при определении стратегических партнеров западной коалиции, борющейся с «Талибаном». Так, по экспертным оценкам, до 2009 г. через территорию Пакистана («южный транзитный коридор») в Афганистан проходило около 85% грузов НАТО. Транзит стал для Исламабада не только крупным источником доходов, но и политическим рычагом, с помощью которого пакистанская сторона оказывала давление на Кабул, Вашингтон и Брюссель, что, естественно, стимулировало желание снизить зависимость от своего «стратегического союзника». Помимо этого еще в середине 2000-х годов стало ясно, что для перелома ситуации в Афганистане необходима ликвидация тыловой инфраструктуры «Талибана» и «Аль-Каиды», находящейся за пределами страны, прежде всего в северо-западных провинциях Пакистана.

В 2008 г. западная коалиция объявила о переброске дополнительных резервов в приграничные с Пакистаном южные районы Афганистана, дабы провести там крупномасштабные операции против талибов. Результатом стало нарастание давления на сеть поставок для контингента ISAF. Так, еще в первой половине 2008 г. талибы и их союзники повысили террористическую активность на важнейших транспортных маршрутах на юге и востоке Афганистана (города Кандагар и Джелалабад), через которые проходил транзит военных грузов и ГСМ из Пакистана. Уязвимость наземного транзита показала мощная диверсия, осуществленная талибами 23 марта 2008 г. Эта акция послужила отправной точкой для переориентации американского и натовского командования на «северный коридор» – транспортную коммуникацию через территорию и воздушное пространство России и республик Центральной Азии.

В апреле 2008 г. Североатлантическому альянсу удалось договориться с Россией о создании «северного транзитного коридора» для обеспечения операций в Афганистане. Соглашение предусматривало доставку грузов через Россию, Казахстан и Узбекистан. Однако коридор начал функционировать далеко не сразу. Белый дом надеялся сократить роль Москвы, тем более что в тот

момент политические отношения двух стран резко ухудшились, достигнув нижней точки после «пятидневной войны» на Кавказе в августе 2008 г. В 2009–2010 гг. генерал Дэвид Петреус (в ту пору глава Центрального командования США, а ныне командующий афганской операцией) неоднократно посещал Казахстан, Узбекистан и Таджикистан, со всеми названными государствами – членами ОДКБ были подписаны отдельные соглашения по сотрудничеству в сфере перевозок грузов.

После смены администрации в Вашингтоне президенты России и Соединенных Штатов Дмитрий Медведев и Барак Обама подписали в июле 2009 г. документ о военном транзите в Афганистан – как наземном, так и воздушном. Отдельные договоренности о транзите между Россией, Германией, Францией и Испанией действовали и ранее. В конце февраля 2011 г. Государственная дума РФ ратифицировала межправительственное соглашение о воздушном транзите через территорию России военных грузов и контингента США в Афганистан, 9 марта его подписал президент.

«Северный коридор» считается основным и для предстоящего вывода сил коалиции. Судя по комментариям экспертов, первоначально предполагалось, что американский контингент будет покидать Афганистан в основном через территорию Узбекистана. В последнее время, правда, появились предположения о том, что рассматривается и вариант Туркменистана. Однако транспортные коммуникации, ведущие к туркменской границе, проходят через беспокойные южные и юго-западные афганские провинции. К тому же на западе и юге Афганистана транспортная инфраструктура развита много слабее, чем в северных провинциях. В пользу узбекского коридора говорит и тот факт, что в 2010 г. ускоренными темпами была достроена железнодорожная ветка, соединяющая приграничный с Узбекистаном афганский город Хайратон с центром северной провинции Балх – городом Мазари-Шариф. При этом многие специалисты полагают, что, хотя узбекское направление станет приоритетным для наземного вывода, Туркменистан будет главным авиаперевалочным пунктом.

Впрочем, какие бы маршруты ни были использованы, процесс займет не менее трех-четырёх лет, а американские военные и политики дают понять, что он затянется и на еще более длительный срок. В бывших республиках советской Средней Азии Соединенным Штатам, вероятно, по соображениям логистики понадобятся новые временные военные базы, авиабазы и другие объекты

военной инфраструктуры, статус которых может впоследствии измениться на постоянный.

Нет сомнений, что во время вывода войск Вашингтон также будет стремиться иметь альтернативные транспортные коридоры, чтобы не ставить себя в зависимость от позиций отдельных государств. Не случайно еще на стадии переговоров 2008–2009 гг. об открытии «северного коридора» США настаивали на заключении отдельных двухсторонних соглашений со странами-транзитерами, игнорируя призывы к выработке единого документа. Кроме того сохраняется и «южный коридор» – через афгано-пакистанскую границу и территорию Пакистана. Этот маршрут является рискованным, но при определенных условиях Соединенные Штаты могут его использовать, чтобы обеспечить эвакуацию, например тяжелой техники, морским путем (через пакистанские порты).

Благодаря «северному транзитному коридору» США и НАТО избавились от транзитной монополии Исламабада, что позволило активизировать действия в районе афгано-пакистанского пограничья. Однако повышение значимости нового маршрута спровоцировало появление новых вызовов для системы региональной безопасности – ухудшилась военно-политическая ситуация в ранее спокойных северных афганских провинциях. Силам альянса приходится воевать с талибами не на одном – южном фронте, как это было до 2009 г., а сразу на двух фронтах – теперь еще и северном,

Активность талибов на севере в основном сосредоточена в местах контактного проживания пуштунов, например в Кундузе. На севере действует и другая антиправительственная группировка – ИПА («Хизби-е-Ислами»). Ситуация в этой части страны достаточно запутанна. Например, в октябре 2009 г. президент Афганистана Хамид Карзай сделал неожиданное заявление: у афганских властей, мол, имеются данные о том, что вооруженные боевики на север страны перебрасываются на неизвестных вертолетах! Первые сообщения об этом якобы поступили в мае 2009 г. Спустя сколько дней после выступления Карзая губернатор Кундуза Мохаммад Омар сообщил, что некоторые командиры талибов выходят на контакты с британцами через пакистанскую Межведомственную разведку (ISI).

До 2009 г. относительно спокойные северные провинции считались зоной ответственности в основном немецкого контингента. Однако рост нестабильности в этих районах и неспособность бундесвера поддерживать порядок стали поводом для пере-

броски на север американских войск. Так, по данным средств массовой информации Афганистана, к июлю 2010 г. численность американских военных в приграничной с Таджикистаном афганской провинции Кундуз достигла 5 тыс., американцы появились и в других провинциях на севере Афганистана. В тот период на севере активизировались и дипломаты. Посол США в Кабуле Карл Айкенберри стал постоянным гостем северных провинций. В 2010 г. в Мазари-Шарифе открылось генеральное консульство Соединенных Штатов, что стало важной политической вехой и обозначило рост интереса Вашингтона ко всему региону к северу от афганских границ.

Сразу после Навруза Хамид Карзай огласил список городов, где функции по обеспечению безопасности в этом году будут переданы афганским национальным силам. Среди городов, контроль над которыми перейдет к афганцам, был назван и северный город Мазари-Шариф. Впрочем, события, произошедшие в этом городе 1 апреля, когда толпа разгромила миссию ООН и с особой жестокостью убила иностранных сотрудников, ставит под вопрос реализацию этого плана. Трагедия показала, что в стране хозяйничают религиозные лидеры – муллы и имамы. Детонатором бунта в Мазари-Шарифе послужило заявление муллы в ходе пятничного намаза, сообщившего о сожжении в США, как он заявил, сотен экземпляров священного Корана.

Если афганские военные и их западные партнеры не смогут в ближайшее время переломить ситуацию на севере страны, регион столкнется с новым этапом распространения нестабильности. Специалисты предупреждали о том, что радикальные силы, использующие «кундузский плацдарм», со временем переберутся в соседние государства. Такие прогнозы стали восприниматься вполне серьезно после серии нападений исламистов на представителей правоохранительных органов в соседнем Таджикистане весной 2010 г. В феврале 2011 г. на расширенном заседании Совета безопасности Таджикистана президент Эмомали Рахмон потребовал от правоохранительных органов усилить контроль над мечетями и религиозными школами, в том числе нелегальными, которые экстремисты, по его словам, все чаще используют для пропаганды своей идеологии.

В 2002–2010 гг. в Афганистане и вокруг него сложилась относительно устойчивая система поддержания безопасности, ключевым элементом которой является присутствие вооруженного контингента США и НАТО. Несмотря на очевидные проблемы с

осуществлением миссии, она рассматривается как один из ресурсов стабильности всего Центрально-Азиатского региона. Решение о начале вывода войск в июле 2011 г., обнародованное Белым домом в конце 2009 г., создало атмосферу неопределенности. Согласно заявленному плану, процесс будет завершён в 2014 г., когда, как ожидается, национальные силы безопасности Афганистана продемонстрируют способность защищаться от своих врагов самостоятельно. Однако никто не в состоянии гарантировать, что этот уровень действительно будет достигнут.

В скорый уход Соединенных Штатов, разумеется, верят не все. Многие небезосновательно считают, что заявление президента Барака Обамы было адресовано прежде всего общественному мнению, которое начало уставать от афганской войны и в котором становится все больше сторонников ухода из Афганистана. Поводом усомниться в серьезности заявления властей США стало и сенсационное признание президента Афганистана Хамида Карзая в начале февраля 2011 г.: спустя две недели после своего первого официального визита в Москву Карзай сообщил, что Кабул и Вашингтон ведут переговоры о возможном размещении постоянных американских военных баз на территории Афганистана. Ожидается, что механизм размещения баз будет зафиксирован в разрабатываемом межгосударственном соглашении о стратегическом сотрудничестве.

Президент, правда, утверждал, что решение вопроса об американских базах зависит от воли афганских парламентариев и Всенародного съезда (Лойя-Джирги), но дал понять: от продолжения афганско-американского стратегического сотрудничества зависит «экономическое процветание» Афганистана. Спустя несколько дней министр обороны Абдул Рахим Вардак поддержал идею военных баз на постоянной основе, поскольку они «могут стать гарантом стабильности в регионе». Генерал Вардак напомнил, что американские базы «принесли стабильность» во многие страны, прежде всего в Южную Корею, ФРГ, Японию.

Тема военных баз может стать причиной напряженности между Москвой и Вашингтоном, что скажется на сотрудничестве по транзиту грузов. В конце февраля 2011 г. постоянный представитель Российской Федерации в НАТО Дмитрий Рогозин поставил под вопрос возможность наземного транзита военных грузов США через российскую территорию. Это заявление стало неожиданным, потому что ранее неоднократно говорилось о надежности российско-американских договоренностей по транзитному соглашению.

Вероятно, слова Рогозина стали ответным сигналом на сообщения о возможном создании постоянных американских баз. И спустя несколько дней окружение специального представителя президента Соединенных Штатов по Афганистану и Пакистану предостерегло от преждевременных выводов относительно военных баз на территории Исламской Республики Афганистан. Впрочем, почти одновременно с этим посол Айкенберри поддержал идею базирования как залог эффективного ведения боевых действий против талибов.

По имеющейся информации, речь может идти о военных базах США в трех-пяти афганских городах – Баграме, Шинданде, Кандагаре (там мощные объекты уже построены), а также Джелалабаде и Мазари-Шарифе. Впрочем, похоже, что первоначальное заявление было призвано протестовать реакцию других государств. Так, после ответа российского МИДа, где Москва ставит под сомнение необходимость размещения американских военных баз в Афганистане на постоянной основе, Карзай несколько смягчил позицию: «Афганистан – не остров, поэтому мы обязаны в таких случаях учитывать мнение наших соседей».

Стоит отметить, что негативная реакция Москвы удивила значительную часть афганской элиты. Политика перезагрузки и совпадение взглядов России и Америки по многим аспектам урегулирования, поддержка кандидатуры Хамида Карзая на президентских выборах 2009 г., проведение совместной антинаркотической операции на афганской территории, изменение курса Кремля в отношении Ирана – все эти факторы назывались в числе признаков согласия двух великих держав. Вплоть до визита Карзая в российскую столицу в январе 2011 г. у многих афганцев создавалось впечатление, что Вашингтон становится главным посредником между Москвой и Кабулом. Поэтому мало кто здесь ожидал отрицательного ответа России на идею сохранения военных баз США в Афганистане.

В середине марта 2011 г. Кабул посетила делегация Совета безопасности России во главе с Николаем Патрушевым. Одной из главных тем переговоров стало предложение российской стороны предоставить Афганистану статус наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). До этого Афганистан участвовал в мероприятиях ШОС лишь в качестве гостя. Неожиданная идея Москвы повысить статус Афганистана в такой авторитетной региональной организации Кабул воспринял как попытку затормо-

зять проект размещения на территории Афганистана постоянных американских военных баз.

В конце марта и начале апреля в российской столице произошли события, свидетельствующие о повышенном интересе к афганской проблематике. Известный дипломат Замир Кабулов назначен на пост спецпредставителя президента России по делам Афганистана. Затем прошли консультации по вопросам региональной безопасности, в которых приняли участие заместители министров иностранных дел государств – членов ШОС, стран-наблюдателей и Афганистана. По словам афганских дипломатов, вопрос будущего этой страны являлся главной темой дискуссии.

Однако сведения, поступившие из Кабула после московских консультаций, говорят о том, что попытки России добиться замораживания планов по организации американских военных баз пока не увенчались успехом. 10 апреля Хамид Карзай объявил о завершении работы над проектом соглашения о стратегическом партнерстве с Вашингтоном. Президент Афганистана вновь повторил, что теперь решение зависит от Лойя-Джирги, которая рассмотрит документ в ближайшие три месяца. Чтобы отказать американцам, нужны очень серьезные и убедительные аргументы. И обещаний Кабулу статуса наблюдателя и даже члена ШОС может оказаться недостаточно.

В 2008 г., в преддверии президентской избирательной кампании, Хамид Карзай начал формировать свой новый имидж, избавляясь от образа «американского ставленника». Основным элементом «ребрендинга» Карзая стали его антиамериканские заявления, вызванные в основном ростом числа жертв среди мирного населения в результате бомбардировок. Надо сказать, что острота этой проблемы только усугубляется. Время от времени афганский руководитель делал реверансы в сторону других крупных игроков. В частности, резонанс внутри страны получил призыв Хамида Карзая ускорить модернизацию афганской армии: «Если США не помогут нам с оснащением армии танками и самолетами, то мы возьмем их в другом месте». Тогда под «другим местом» многие поняли Россию. Некоторые комментаторы сделали вывод, что президент Афганистана старается ориентироваться на таких афганских лидеров, как, например, Мохаммад Дауд Хан, которому в свое время удавалось балансировать между Западом и Востоком.

Однако в отличие от периода правления Дауд Хана Восток (т.е. страны Евразии), похоже, не готов к «инвестициям» в Афга-

нистан. Афганские политики, выступающие против долгосрочного нахождения американских военных в стране, часто подчеркивают, что это не отвечает интересам региона. Примечательно, что региональные страны (кроме Ирана) на это никак не реагируют, то есть, по сути, не соглашаются с этим тезисом. В Кабуле так и не дождались согласованной позиции по афганской проблематике от Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Последнее четкое высказывание на эту тему прозвучало в июле 2005 г., когда страны ШОС приняли декларацию с призывом к Вашингтону определить срок вывода своих вооруженных сил из Афганистана и напомнили, что их присутствие там связано исключительно с контртеррористической кампанией. В тот момент практически все страны – члены организации были крайне озабочены американским политическим наступлением на постсоветском пространстве, пиком которого стала череда «цветных революций», в том числе смена власти в Киргизии и восстание в узбекском Андижане. С тех пор, однако, ситуация изменилась, активность Соединенных Штатов снизилась, а угроза нестабильности, которой чреват уход НАТО из Афганистана, воспринимается в Центральной Азии как более насущная, чем риски, связанные с сохранением американского контингента. Позиция же крупных государств ШОС – членов (России, Китая) и наблюдателей (Индии) – остается нечеткой. На явный недостаток координации по этому вопросу намекнул Владимир Путин, участвовавший во встрече глав правительств Шанхайской организации сотрудничества в ноябре 2010 г.

Противовесом американскому влиянию выступает Тегеран. Так, в марте 2011 г. Кабул с визитом посетил министр внутренних дел Ирана Мустафа Мохаммад Наджар, который резко выступил против возможного размещения постоянных американских военных баз на территории Афганистана: «Америка принесла в регион нестабильность и терроризм». Во время нахождения иранского гостя командование НАТО в Кабуле распространило официальное заявление, в котором обвинило «некоторые иранские силы» в причастности к поддержке талибов.

Как бы то ни было, пассивность соседей делает Соединенные Штаты ключевым игроком на афганской «шахматной доске» и заставляет местную элиту чутко и внимательно относиться к пожеланиям и оценкам Вашингтона. Другим фактором, способствующим афгано-американскому сотрудничеству, является память афганцев о событиях 1990-х годов. После распада СССР и падения последнего промосковского режима – правительства Наджибуллы –

крупные державы утратили интерес к Афганистану. Разгоревшаяся тогда гражданская война, в ходе которой был разрушен Кабул, стала во многом результатом соперничества соседних государств, прежде всего Пакистана и Ирана. Многие афганцы сегодня уверены, что уход США из Афганистана приведет к повторению тех трагических событий.

Десятилетнее пребывание сил НАТО сделало Афганистан более зависимым от иностранных доноров. В настоящее время больше половины расходов афганской армии и полиции оплачиваются Соединенными Штатами. Вряд ли Афганистан в ближайшем будущем будет в состоянии самостоятельно содержать свои правоохранительные структуры. Хотя западные партнеры Кабула обещают продолжить оказание помощи и после вывода своих войск, афганцы опасаются, что США утратят интерес к Афганистану, и это, в свою очередь, приведет к краху не только политического режима, но и экономической системы.

Поскольку планы Соединенных Штатов до конца не прояснены, политики и эксперты рассматривают разнообразные сценарии. В ноябре 2010 г. Центр изучения современного Афганистана (ЦИСА) по заказу Института востоковедения РАН смоделировал развитие ситуации, которая может возникнуть в Афганистане в случае форсированного вывода сил США и НАТО, отказа от активной поддержки Хамида Карзая, от продолжения активной борьбы с движением «Талибан» и другими радикальными вооруженными группировками. В этом случае ситуация в Афганистане может выглядеть следующим образом.

Сначала группировки талибов попытаются максимально быстро овладеть административными центрами провинций Кандагар, Гельманд, Урузган, Хост, Кунар, Нангархар. Особый интерес для боевиков будут представлять города Кандагар и Джелалабад, захват которых станет приоритетной военно-политической задачей. Предполагается, что Кандагар является целью группировки Шура-е-Кветта, Джелалабад – группировок Сиражуддина Хаккани, Гульбеддина Хекматияра и ряда структур, состоящих из боевиков-иностранцев.

Захват относительно обширных плацдармов на юге и востоке страны является непременным условием для развития дальнейшей экспансии талибов и их союзников на Кабул и в центральные провинции Афганистана. На этом этапе вероятно формирование «талибских княжеств», сепаратистских анклавов, независимых от Кабула. Оно будет сопровождаться резким ростом объемов произ-

водства наркотиков на подконтрольных радикальным исламистам территориях, поскольку талибам срочно потребуются дополнительные средства для продолжения боевых действий, установления политического доминирования. Помимо командования Шуры-е-Кветта и группы Хаккани создать собственные легальные военно-политические плацдармы на востоке (провинции Кунар, Нуристан), в непосредственной близости от Кабула (провинция Логар, Каписа), а также на севере (провинция Кундуз), скорее всего, попытается группировка Гульбеддина Хекматияра.

После создания талибских плацдармов на юге и востоке Афганистана основные усилия командиров «Талибана» сосредоточатся на борьбе за Кабул. Выход на афганский оперативный простор, очевидно, приведет к ужесточению конкуренции между лидерами радикалов на разных уровнях: в окружении муллы Мохаммада Омара, между талибами и Хекматияром, а также между Хекматияром и группой Хаккани. Кроме этого вероятно обострение соперничества между различными талибскими командирами.

Укрепление талибов в Афганистане (особенно на юге и юго-западе) спровоцирует ответную реакцию со стороны Ирана и Индии. Для Тегерана суннитский фундаментализм – враг номер один. Укрепление талибов также является прямой угрозой национальной безопасности Дели, так как разрушает баланс сил между Индией и Пакистаном. Можно предположить, что Иран предпримет дополнительные усилия, чтобы взять под контроль провинцию и город Герат, используя его в дальнейшем в качестве форпоста для противостояния талибам внутри Афганистана. Для Индии приоритетной задачей станет выстраивание союзнических отношений с новым Северным альянсом и оказание военной помощи кабульскому правительству, чтобы сковать активность талибов внутри Афганистана и предотвратить их возможный транзит в Кашмир.

В случае падения Кабула обострится внутренняя конкурентная борьба в движении радикалов, в которой, скорее всего, победят те, кто будет пользоваться прямой военно-политической поддержкой Пакистана. Если возрождение талибского Афганистана и произойдет, то станет плодом компромисса между различными группировками талибов, которые смогут обеспечить себе лидерские позиции на юго-западе страны. Взятие Кабула резко усилит центробежные тенденции в Афганистане и повысит вероятность раскола на пуштунский юг и непуштунский север. Фактический раскол приведет к началу гражданской войны. Следствием этого станет не только ликвидация всех социально-экономических и гу-

манитарных достижений последних девяти лет, но и разрушение афганского государства, которое вряд ли сможет быть восстановлено в обозримой исторической перспективе в своих официальных границах.

Впрочем, пока западные государства демонстрируют желание продолжить оказание поддержки правительству Хамида Карзая. В 2010 г. против планов Барака Обамы о скором выводе войск выступили партнеры США по антитеррористической коалиции. В результате сам Обама во время одного из видеомостов с Хамидом Карзаем заявил о возможном переносе сроков, когда ответственность будет передана национальным силам Афганистана.

Ключевым инструментом обеспечения безопасности должна стать Афганская национальная армия (АНА). Именно от ее количественных и качественных характеристик зависит стабильность нынешнего афганского государства, успех борьбы с «Талибаном» и «Аль-Каидой» в регионе. Западные союзники Кабула приступили к воссозданию национальных силовых и правоохранительных структур Афганистана практически сразу же после свержения режима талибов в 2002 г. С тех пор новая афганская армия внешне достаточно сильно изменилась: ее численность возросла в несколько раз, а по техническому оснащению и системе подготовки она стала похожа на войска Североатлантического альянса. Тем не менее афганские генералы и политики признают, что пока АНА по-прежнему не в состоянии самостоятельно защитить государство и народ от талибов, прежде всего из-за отсутствия тяжелого вооружения.

Кабульские власти уже несколько лет призывают западные страны оснастить национальную армию тяжелой техникой, прежде всего боевыми самолетами и танками. Однако, несмотря на призывы, западные спонсоры по-прежнему не спешат. В настоящее время армия Афганистана напоминает скорее полицию, чем национальные вооруженные силы. Другими словами, Кабул зависим не только от экономического содействия Запада, но и от западного военного присутствия.

Называют разные причины, по которым Вашингтон не хочет оснастить афганскую армию самолетами и танками: от существования тайного договора с соседними странами, которые опасаются появления сильной афганской армии, до неуверенности Запада в завтрашнем дне кабульского режима. Ведь совершенно неизвестно, в чьих руках окажутся танки и самолеты, если союзное американцам правительство не устоит – возможен как переход власти к

радикалам, так и череда военных переворотов по модели соседнего Пакистана. Кстати, сохранение американского военного присутствия может стать способом контроля и над состоянием дел в афганском военном истеблишменте.

На боеспособность афганских вооруженных сил влияет не только уровень их технической оснащённости. По словам ряда экспертов, военнослужащие афганской армии и полиции идеологически дезориентированы, не имеют четкого представления о своих целях и образе главного противника. В то время как ответственность за теракты в стране берут на себя в основном талибы, официальный Кабул клеймит неких виртуальных злодеев, именуемых «врагами афганского народа». Дезориентирует армию и то, что президент страны, обращаясь к духовному лидеру воюющих с АНА талибов мулле Омару, неоднократно называл его «своим братом».

События в Афганистане оказывают сильное влияние на большинство государств региона. Преждевременный вывод иностранных войск может привести не только к дестабилизации Афганистана, но и к радикализации всего региона с непредсказуемыми последствиями, что не отвечает интересам большинства государств Центральной Евразии. В свою очередь, продолжение военного присутствия НАТО на территории Афганистана снова будет обострять вопрос о размещении постоянных военных баз США, тем самым создавая дополнительную напряженность в отношениях Вашингтона с Москвой, Пекином и Тегераном. Но, пожалуй, самым пагубным образом на состоянии дел скажется затягивание нынешней ситуации неопределенности, которая повышает нервозность всех вовлеченных в процесс сил и не позволяет никому из них выработать эффективную модель поведения.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2011 г., № 2, март-апрель, с. 141–151.*

Н. Мамедова,

востоковед

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР

В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ИРАНА

Влиянием исламского фактора на социально-политическое развитие иранского общества в XX в. отмечены такие важные вехи истории Ирана, как Конституционная революция, или «Машруте»,

а также движение за национализацию нефтяной промышленности. Несмотря на то что результаты этих революционных движений – принятие конституции и ликвидация концессионного соглашения с Англией – носили вполне светский характер, именно активное участие представителей духовенства смогло превратить эти движения в общенациональные по характеру и массовые по охвату населения. Во второй половине XX в. роль исламского фактора в развитии Ирана наиболее ярко и отчетливо проявилась в форме свержения в 1979 г. шахского режима и создания исламской республики. Это тот период, когда идеи исламизма как фактора политического развития стали пробивать себе дорогу в исламских странах, в которых себя фактически исчерпала идеология национализма. Годом ранее в соседнем Пакистане военная диктатура, установленная в 1977 г. Зия-уль-Хаком, хотя и не создала режим исламского правления, тем не менее стала широко использовать принципы фундаменталистского ислама.

Использование ислама в развитии мусульманских стран, и особенно ислама в его экстремистском проявлении, обычно связывают с проблемой экономического отставания. Ислам как элемент политической борьбы используется в тех мусульманских странах или анклавах с мусульманским населением, которые заметно отстают от общемирового уровня развития, или в странах, находящихся на стадии экономического кризиса. Случай Ирана и подтверждает это правило, и опровергает его. Предшествовал ли революции кризис? С одной стороны, исследователи говорят, что революция 1979 г. в Иране явилась ответом на ускоренное развитие, с другой – что революции способствовала рецессия 1977–1978 гг.

Поэтому необходимо вспомнить, что оппозиционное движение, закончившееся свержением монархии в феврале 1979 г., особенно широко развернулось после отставки премьер-министра Аббаса Ховейды, т.е. со второй половины 1977 г. Весь 1978 год – это цепь антиправительственных выступлений, начиная с январской демонстрации в Куме, затем восстания в феврале в Тебризе, затем в сентябре жестокого расстрела демонстрации в Тегеране и наконец забастовки нефтяников в декабре. Поэтому говорить о самом восстании 11 февраля как исламском ответе на ухудшение экономического положения некорректно. Правильнее для анализа причин революции использовать состояние экономики накануне развертывания массового антишахского движения, т.е. 1976–1977 г. При этом все движение разворачивалось исключительно под ис-

ламскими лозунгами, а антиимпериалистические лозунги были выдвинуты именно духовенством, которое рассматривало чрезмерную зависимость шахского режима от иностранного влияния как свидетельство нелегитимности этой власти в мусульманской стране.

Иран в это время, как известно, был самой динамично развивающейся страной в мире. За семь лет, с 1970–1971 гг. по 1976–1977 гг., ВВП увеличился (в текущих ценах в 5,9 раза, в ценах 1990–1991 гг. – в 3,1 раза, т.е. среднегодовые темпы прироста составляли соответственно 28 и 19,3%). Таким образом, действительно, исламское движение стало разворачиваться на фоне бурного экономического роста.

Но уже в результате ширившихся забастовок в 1977–1978 гг. ВВП (в постоянных ценах 1990–1991 гг.) остановил свой рост, а к марту 1979 г. ВВП (в постоянных ценах) опустился ниже 10%. Но это было в значительной степени следствием политических событий, а не экономических просчетов. И то, что революция произошла не в результате кризисных экономических явлений, уникально и для современных движений исламского мира, и вообще для всех мировых революций Новейшего времени. Впрочем, иранская революция уникальна и с точки зрения ее типологии. Она носила прежде всего идеологический характер, в данном случае религиозный, поэтому в меньшей степени зависела от расстановки классовых сил, от стадийности развития.

Почему же духовенство выступило против той модели социально-экономического развития, которая привела страну к столь беспрецедентным темпам прироста национальной экономики? Противоречил ли этот рост исламским принципам? Безусловно, что темпы прироста, свидетельствовавшие о поступательной динамике экономического развития, нельзя считать противоречащими исламу. Тем не менее экономические причины революции были, и наследие этих причин продолжает оказывать огромное влияние на экономику Исламской Республики Иран. Ведь темпы роста не отражают адекватно степень экономического развития, а макроэкономическая динамика может отражать, и в случае с Ираном свидетельствовала об отсталости многих сегментов экономики.

Что в экономике могло быть поставлено в вину шахскому Правительству с точки зрения нарушения исламских принципов? Самое главное, что критиковалось духовенством, – это сильная зависимость от американского капитала, особенно в области неф-

тяной промышленности. Но это непосредственно не было связано с нарушением исламских принципов, согласно которым природные богатства страны должны принадлежать всей умме. Именно этот принцип стал основным мотивом участия духовенства в общенациональном движении за национализацию нефтяной промышленности в период М. Мосаддека. Именно ряд аятолл в начале 1951 г. издали фетвы, призывавшие к борьбе за национализацию нефти, выступивший против национализации премьер-министр генерал Х. Размара 5 марта 1951 г. был убит членом исламской партии «Федаяне ислам», и уже 15 марта меджлис принял решение о национализации нефтяной промышленности. Однако добывающие нефтяные компании были иностранными, и именно от их деятельности зависело поступление в страну иностранной валюты. После принятия закона 1954 г. «О поощрении иностранных инвестиций», отчетливой ориентации на его использование при проведении индустриальной политики в период реформ 60–70-х годов иностранный капитал заметно теснил отечественный. Это рассматривалось оппозиционным духовенством как нарушение исламской справедливости, как ущемление прав мусульман. Ситуация усугублялась тем, что почти все крупные национальные компании находились в собственности семей бегаитов.

К числу негативных сторон шахской экономической системы сторонники исламского правления относили также сильную зависимость страны от продажи сырой нефти, низкую производительность труда в реальном секторе, особенно в сельском хозяйстве и традиционных отраслях промышленности, неразвитость экономической и социальной инфраструктуры, крайне неравномерный уровень развития регионов. Американский капитал господствовал во всех технологически новых отраслях экономики. Внутренний рынок страны в значительной степени формировался, несмотря на бурный рост промышленности и проведенную аграрную реформу, за счет импорта. А отечественные товары и потребительского, и производственного спроса поставлялись главным образом за счет крупных монопольных объединений, представлявших собой смешанные с иностранным капиталом как частные, так и государственные компании.

В последнее десятилетие шахского правления в условиях короткого временного периода высоких темпов экономического роста, да и еще за счет только нефти, резко усилилась неравномерность в распределении национального дохода, что и стало пусковым элементом в социальном движении. Именно это углубление

разрыва в доходах населения было активно использовано духовенством как нарушение одного из главных исламских принципов – принципа социальной справедливости. Как нарушение этого же принципа рассматривался жесткий контроль за выборами, использование шахом права на роспуск парламента, в отсутствие которого начали проводиться реформы, ограничение гражданских свобод в виде запрета партийной и общественной деятельности. Действительно, со второй половины 1960-х годов созданная в Иране политическая модель представляла собой шахскую диктатуру, несмотря на предоставление избирательных прав женщинам, попытки создать политические партии по образцу американской двухпартийной системы.

Объектом критики духовенства являлась также внешняя политика шахского режима. Внешнеполитические позиции Ирана в 70-е годы значительно упрочились, он к этому времени во многом благодаря поддержке США занял лидирующие позиции в регионе. В чем могли обвинить лидеры оппозиционного духовенства шахский режим с точки зрения нарушения исламских принципов? Пожалуй, только в сильной зависимости от поддержки США, но это не ущемляло интересов исламской уммы, а наоборот, усиливало позиции Ирана как шиитского государства. С точки зрения ислама самым уязвимым моментом во внешнеполитическом курсе шаха была его политика по отношению к Израилю, и хотя реализация этого курса отвечала интересам Ирана как государства, духовенство использовало установление ирано-израильских отношений как предательство по отношению к мусульманскому народу Палестины.

Конечно, значительные претензии с точки зрения исламских принципов были к шахскому режиму по вопросам образования и культуры. Но и здесь необходимо отметить, что режим не только не ставил препятствий для отправления мусульманских обрядов, но и расширял сеть мечетей, медресе, строились хоссейние, где не только проводились обряды ашуры, но и читались лекции видными религиозными теоретиками. Достаточно напомнить, что в Тегеране в 60–70-е годы в новом хоссейние читали лекции Али Шарриати, аятолла Мортаза Мотаххари, Хосейн Наср и Абулькасем Соруш, ставшие идеологами исламского правления. Живущие ныне два последних наиболее известных в мире исламских философа в последние годы вынуждены работать за пределами Ирана.

После исламской революции, как неоднократно и единодушно отмечалось всеми исследователями, исламский режим зая-

вил об отказе от прежней политики и начал реализацию новых моделей политического, экономического, внешнеполитического и культурного развития на основе исламских принципов. Приход к политической власти такого традиционного сословия, как духовенство, никак не ассоциировавшегося со стремлением к прогрессу, явился как бы вызовом общемировым тенденциям развития. Первое десятилетие активно внедрялись исламские принципы в экономику, в государственное устройство, в образование, была проведена культурная революция, поставившая целью исламизацию общества. Выдвигались лозунги экспорта исламской революции, нормы шариата были привнесены в судебную систему, особенно в семейное право.

Прошло почти 30 лет. Что мы имеем на сегодняшний день?

Государственная структура. Иран сохранил свое государственное устройство как исламская республика. В структуре государственной власти руководящие позиции остаются за духовенством. В основу государственного устройства был положен и остался неизменным принцип «велайате факих», во главе страны находится религиозный лидер – рахбар. Рахбар осуществляет во время отсутствия Махди имамат, поэтому он должен являться общепризнанным факихом – религиозным авторитетом. Но он наделен, также по конституции, и такими полномочиями, которые делают его главой не только религиозной, но и государственной власти. Более того, если после смерти имама Хомейни, объявленного конституцией ИРИ пожизненным рахбаром, деятельность нынешнего рахбара – аятоллы Али Хаменеи почти 20 лет находилась в тени таких президентов, как Акбар Хашеми Рафсанджани и Мохаммад Хатами, то в настоящее время он достаточно активно проявляет себя как во внутренней политике, так и в проведении внешнеполитического курса. До этого наиболее значимым актом общеполитического значения был, пожалуй, указ Хаменеи 1997 г. об изменениях в порядке формирования Ассамблеи по целесообразности. Согласно указу ее состав был расширен, изменен состав постоянных и временных членов, которые назначаются рахбаром. Именно рахбар, а также Ассамблея по целесообразности принимаемых решений, членов которой назначает сам рахбар, определяют основные направления деятельности всех ветвей власти. Следовательно, исламские принципы объективно остаются приоритетными и главенствующими при выработке и проведении различных аспектов иранской политики.

Какие же из этих принципов реально действуют?

Внутренняя политика. Свобода мнений для мусульманина, принципы иджмы (согласия), иджтихада в настоящее время в определенной мере находят свое отражение в таких воплощениях европейской демократии, как партии, общественные организации, деятельность СМИ.

После окончания войны с Ираком и особенно в период президентства реформатора Хатами возродилась партийная жизнь, стали возникать различные неправительственные организации, более свободной стала пресса. Казалось бы, это должно было быть поддержано духовенством, критиковавшим шахский режим за отсутствие этих свобод. Однако до этого все они были фактически запрещены, хотя это и противоречило указанным принципам ислама. И хотя закон о партиях был принят в 1983 г., его действие было заморожено на период войны. Таким образом, в реальной политике духовенство, как и правительство, состоявшее в основном из светских лиц, исходило из государственной целесообразности. Однако после ухода из власти реформаторских сил цензура вновь усилилась, видимо, также из принципов государственной безопасности, как ее понимает правительство М. Ахмадинежада, избранного на пост президента в 2005 г. Дело в том, что сам принцип соответствия деятельности обществ или СМИ исламу является неопределенным, он трактуется разными политическими силами по-своему. Это и позволяет находящимся в данный момент у власти политическим течениям жестко контролировать политический процесс. Многими из исламских идеологов (например, упоминаемым выше Х. Насром, аятоллой Монтазери и особенно А. Сорушем) это состояние дел воспринимается как нарушение исламских принципов.

Значительное место в способности ислама обеспечить демократизацию внутривнутриполитической жизни занимает выборная система. Духовенство критиковало шахский режим и за то, что он не обеспечивал свободу выражения мнений через выборы, за то, что страна больше жила по указам шаха. Да, в ИРИ практически все органы власти избираются, причем выборы являются тайными, проходят в обстановке острой борьбы. Выбирается рахбар, выбирается Совет экспертов, который избирает рахбара, прямыми являются выборы в меджлис и муниципальные советы, т.е. принцип исламской справедливости в участии как бы воплощен. Но уязвимым и спорным звеном в избирательной системе Ирана остается Наблюдательный совет, отбирающий кандидатов в президенты,

меджлис и Совет экспертов с точки зрения соответствия их нормам ислама – по образу жизни, уровню знания исламских норм и т.п. Например, при выборах в седьмой меджлис (2004) к участию в нем Наблюдательный совет не допустил брата действовавшего тогда президента и лидера партии большинства в шестом меджлисе «Мошарекят» Резу Хатами. В предвыборной кампании 2009 г., хотя ей дан официальный старт, борьба фактически начнется только после одобрения кандидатур на пост президента Наблюдательным советом.

В самом Иране есть разные мнения о том, отвечают ли эти полномочия Наблюдательного совета принципам ислама. Но то, что толкование этим советом исламских норм используется для изоляции политических противников – бесспорно. И теперь главное – в чьих интересах действует в данном случае Наблюдательный совет? В интересах тех, кто его избирает. А избирает его, в сущности, один человек – рахбар. Именно он назначает тех шестерых факихов из двенадцати членов, которые проверяют и принимаемые меджлисом законы, и кандидатов на верность исламским принципам. Следовательно, наличие рахбара как религиозного и государственного лидера во главе страны создает не только законодательную, но и практическую основу для реализации исламских принципов как основополагающих для развития страны. Более того, именно рахбар как религиозный глава страны становится обладателем верховного права на иджтихад. Хотя иджтихад после смерти Хомейни вновь открыт, именно рахбар наделен правом издавать фетвы. И Иран не дал свидетельств того, что кто-то из марджа-от-таклидов в последние годы воспользовался, кроме рахбара, правом на иджтихад. Поэтому хотя прогресс в демократизации общества в 2000-е годы по сравнению с 80-ми очевиден, бесспорно, что ограничителем этого процесса выступает то толкование исламских принципов, которое используется в каждый данный момент властными структурами.

Достаточно широко не только в религиозной практике, но и для влияния на внутривластную жизнь продолжает использоваться институт пятничных имамов. Так, пятничные проповеди одного из имам-джомме Тегерана М. Эмами-Кашани, одного из крупнейших богословов, члена Наблюдательного совета и Совета по целесообразности, посвящены были в последние два года главным образом проблемам ядерной программы Ирана, ситуации в Ираке. Именно под влиянием этих проповедей прошли политические демонстрации в Тегеране против США, против сионизма,

против резолюции СБ ООН. Хотя пятничные имамы назначаются Советом пятничных имамов, расположенном в Куме, утверждают кандидатуры рахбаром.

С рахбаром тесно связан и Корпус стражей исламской революции (КСИР), созданный сразу же после исламской революции как военное формирование для защиты новой власти. В первое десятилетие после революции именно КСИР составлял наиболее действенную часть иранских вооруженных сил, после окончания ирано-иракской войны и особенно в период пребывания у власти реформаторов повысилось влияние армии, что автоматически усиливало позиции Министерства обороны и президента, хотя руководство всеми вооруженными силами страны является конституционной прерогативой рахбара. После прихода к власти неоконсерваторов – сначала в меджлис (а с 2004 по 2008 г. председателем меджлиса был Г. Ходдад Адель, дочь которого замужем за сыном рахбара), а затем в исполнительную власть в лице президента М. Ахмадинежада – влияние КСИР резко возросло. Большинство из членов нового правительства и государственных ведомств связаны с КСИР. В рамках ВПК КСИР и его научных центров ведутся основные работы по разработке и внедрению новых военных технологий, в результате чего он в 2007 г. был включен в список организаций, на связи с которыми наложены санкции СБ ООН.

Роль ислама во внутренней политике может реально меняться под влиянием изменений взглядов самого рахбара и духовенства в целом. Более того, созданный еще при Хомейни такой орган, как Ассамблея по государственной целесообразности, как было сказано выше, имеет право определять политику страны совместно с рахбаром. Хотя сама Ассамблея формируется рахбаром, все-таки это свидетельство определенной демократизации, так как дает возможность учитывать взгляды разных группировок духовенства и политических лидеров. Совет целесообразности стал своеобразным «арбитром-моджтахедом», который должен решать, что более важно для страны – соответствие нормам ислама, или соответствие интересам исламского государства. Видимо, перспективы исламской демократизации зависят от модернизации в толковании самих взглядов.

Влияние ислама на внешнюю политику. Идеологические цели, закрепленные в конституции, т.е. преимущественная ориентация на связи с исламскими странами, натолкнулась на объективные потребности страны, и Иран почти сразу же после революции

стал проявлять экономическую и политическую заинтересованность в расширении связей с развитыми странами. Так основное направление курса стало постепенно возвращаться к тому, который формировался в шахский период. Тем более что во внешнеполитической концепции Ирана нет цели экспортировать исламскую революцию, а его региональные устремления не отличаются от прежних. Но существуют и значительные отличия, связанные прежде всего с использованием исламского фактора.

Иран не отказывается теоретически от ориентации на исламские страны, при этом старается делать акценты на общие исламские принципы, не отделяющие шиитский Иран от других мусульманских стран. Одним из определяющих внешнюю политику остается фактор, который предъявлялся иранским духовенством шахскому правительству как противоречащий принципам ислама. Это отношения с Израилем. Защита прав палестинцев – это то, что делает Иран страной, проявляющей последовательно исламскую солидарность (но использующей для этого шиитские организации). Ирано-израильские отношения остаются одним из главных проявлений внешнеполитических заветов Хомейни. Представляется, что отношения с США больше основаны на психологических последствиях захвата заложников в 1979 г., а сам Иран объясняет позицию США как давление на администрацию сионистского лобби. Антиизраильский курс как защита прав мусульманского народа Палестины можно рассматривать как исламский фактор в политике Ирана, но лишь условно, потому что с точки зрения интересов иранской уммы более полезным было бы установление связей с Израилем как средство влияния на арабский мир. Хотелось бы обратить внимание и на то, что в последние два года в Иране участилось возвращение к использованию тех постулатов конституции, которые касаются исламского мира.

В связи с этим заслуживает внимания статья Д. Фируза «Эмансипация внешней политики: критическая теория и внешняя политика Исламской Республики Иран», опубликованная в третьем номере журнала «The Iranian Journal of International Affairs». Автор, представляющий один из центров не только светского, но и религиозного образования – университет «Алламее Табатабаи», возвращаясь к «критической теории» Франкфуртской школы, выделяет три основных направления внешнеполитической доктрины ИРИ. Первое – приоритет исламской уммы над нацией, поэтому задачей ИРИ, как и сказано в ст. 11 Конституции, продолжают оставаться усилия, направленные к единству исламского мира. Вто-

рое направление исходит из признания фактически сложившегося соотношения сил на международной арене, хотя мировой порядок не учитывает исламские идеалы. И наконец, третье направление, нацеленное на перспективу в условиях процесса глобализации, – это создание глобальной исламской общины. Таким образом, говорить о полном отказе от идей экспорта исламской революции, распространения исламских принципов в мировом масштабе пока преждевременно.

Ислам в экономическом развитии. После революции экономическая модель была резко изменена. Ведь к задаче изменения жестко регулируемой шахским двором экономической модели, придания ей более самостоятельного характера добавилась и новая – восстановление экономики. Слом экономического организма, передача всех иностранных и крупных компаний в собственность государства и исламских фондов, введение жесткого регулирования внутренней и внешней торговли, финансовых потоков, смогло восстановить разрушенное революцией и войной хозяйство. Все это было подкреплено исламским обоснованием, в первую очередь приоритетом общественных интересов над личными. Но главным инструментом экономической политики было не стимулирование национального производства, а регулирование распределения, а главным фактором роста остался нефтяной экспорт. Это в еще большей степени поставило экономику в зависимость от мирового нефтяного рынка. Систему снова нужно было менять.

Мы с полным основанием можем говорить, что наиболее значительная эволюция исламских взглядов произошла в области экономики. Ислам в данном случае ярко продемонстрировал свою способность толкования исламских норм в зависимости от условий. Система исламского правления оказалась способной выявить внутренние противоречия вполне демократическим путем – через систему выборов, приводя поочередно во власть то «реформаторов», то «консерваторов». При этом исламскими принципами объяснялось как проведение жесткой централизованной политики в 80-х годах, так и переход к экономической либерализации в 90-е годы.

Экономические реформы проводятся по инициативе сверху, т.е. по инициативе правящего духовенства. Наличие сильной авторитарной власти позволило начать их масштабную реализацию без сколько-нибудь сильных потрясений, без военных переворотов, отставок правительств и т.п. Самое интересное, что наиболее значимые изменения в применении исламских принципов – модифи-

кация существующей банковской системы, расширение приватизации до максимального уровня, вплоть до участия частного сектора в газовой и нефтяной промышленности – решаются в период президентства Махмуда Ахмадинежада, представителя радикального фундаментализма. В целом исламская власть фактически использует основные механизмы экономической модели, которая реализуется в большинстве стран мира.

В результате Ирану удалось добиться поступательного роста экономики. В настоящее время Иран представляет собой государство с 70-миллионным населением, демонстрирующее в последнее десятилетие стабильные и высокие темпы экономического роста. В 2000–2007 гг. среднегодовой темп прироста ВВП составил 5,9% при среднемировом уровне в 3,2%. Для сравнения напомним, что в первое десятилетие после революции, в 1980–1990 гг., среднегодовой темп прироста ВВП Ирана едва достигал 1,7%. Но после смены экономической модели развития и отказа от преимущественной ориентации на государственный сектор этот показатель в 1990–1999 гг. увеличился вдвое – до 3,4%, а среднемировой снизился до 2,5%. Валовой национальный доход в ИРИ на душу населения составил в 2007 г. 3470 долл., а по паритетам покупательной способности – 10,8 тыс. долл. Наиболее сложно анализировать результаты 2008 г. Этот год весьма противоречив по своим тенденциям. Экономические санкции против Ирана, конечно, негативно отразились на его развитии, но высокие цены на нефть до середины 2008 г. нивелировали это влияние. А с середины года в мире стал разворачиваться кризис, и очень трудно выделить из всех этих причин ту, которая относится к влиянию именно исламской составляющей в экономической политике. По данным СИА, рост ВВП Ирана в 2008 г. составил 6,4%, а валовой национальный доход на душу населения в 2008 г. – 5380 долл., по паритетам покупательной способности в 2008 г. – 12,1 тыс. долл.

При этом сделан огромный шаг вперед по сравнению с дореволюционным периодом в области развития инфраструктуры. Особенно заметно улучшение количества и качества шоссейных дорог, сети трубопроводов, которые пронизывают практически всю страну. Не став пока крупным экспортером газа, страна успешно решает проблему газификации внутри страны. Только магистральным газом пользуются 54 млн. человек, т.е. 75% населения страны. Сейчас без трубопроводной сети осталась только одна провинция – Систан и Белуджистан. Аналогична ситуация по электроэнергии. Производство за 30 лет выросло в 8,5 раза, протя-

женность линий электропередач – в 9,2 раза. Городское население обеспечено электричеством на 100%, сельское – почти на 99%. Потребление электроэнергии на каждого жителя страны составило в 2008 г. 2700 кВт·ч. Это больше, чем в соседней Турции, широко пользующейся кредитами международных финансовых институтов (2500 кВт·ч). Увеличение потребления электроэнергии, газа и топлива на душу населения, конечно, можно рассматривать и как положительный результат социальной направленности развития, но в условиях низкой общенациональной производительности труда и как элемент расточительства, особенно в бытовой сфере, провоцируемый государственными субсидиями.

К безусловным достижениям нового режима нужно отнести повышение качества трудовой силы – грамотности населения (85% населения старше шести лет), увеличение продолжительности жизни населения (71 год). Страна является одним из ведущих мировых экспортеров нефти, крупной региональной державой, располагающей самыми многочисленными вооруженными силами в регионе и мощным военно-промышленным комплексом. В течение последних десяти лет отмечается рост военных расходов Ирана, которые приближаются к показателям тройки лидеров – Саудовской Аравии, Израиля и Турции.

Тем не менее сравнивая современную модель экономики с дореволюционным периодом, вполне корректно говорить о том, что исламская модель в качестве основных элементов сохранила те, которые сформировались еще в шахский период. Фактически не изменилась отраслевая структура, зависимость от экспорта сырой нефти, в сферу предпринимательства вернулся крупный национальный капитал, разрешена деятельность иностранных компаний. Единственное, что отличает по большому счету эти две модели – большее внимание в ИРИ к мелкому и среднему предпринимательству, которое пока проявляется в основном в программах, но не на деле.

Страна также находится в меньшей зависимости от иностранного капитала, но не потому, что избегает его участия, наоборот, поощряет его приток, а потому, что иностранный капитал избегает инвестировать в Иран. Отличает исламскую модель от шахской также особенности банковской системы и корпоративная деятельность духовенства. Работа всех иранских банков была переведена на беспроцентную основу, и это отвечало коранистическому принципу, запрещающему взимание процентов. Закон 1983 г. переводил все банки в разряд государственных. Это поло-

жение можно было считать отвечающим исламским принципам, только исходя из интерпретации полезности (в условиях бегства владельцев частных банков за границу) и легитимизации принятого еще Исламским революционным советом в 1979 г. закона о национализации банков. Начиная с 2001 г. начался процесс создания частных банков, президент М. Ахмадинежад в своих заявлениях о предстоящих реформах и перспективных программах неоднократно заявлял о возможной приватизации банков. Однако принципы работы банков, в том числе действующих в свободных экономических зонах, не изменились. Попытки разрешить в Иране деятельность банков, работающих на европейских принципах, как это делается в других мусульманских странах, также пока не принесли результата. Заявленная в начале 2000-х годов программа приватизации собственности исламских фондов также заморожена.

Подвергаются изменениям культурная политика и образование. После первых лет «культурной революции», когда под запретом оказалось даже чтение «Шах-наме» Фирдоуси, этого символа иранской культуры и истории, приоритеты в проведении культурной политики и образовательном процессе все более наглядно смещаются в сторону повышения уровня образования с точки зрения общемировых норм. Контроль за исламизацией образования хотя и смягчен, но не отменен. Для расширения образовательных программ, особенно для борьбы с неграмотностью, было использовано обращение к религии. Еще в конце 1979 г. Хомейни в своей фетве «О всеобщей мобилизации для борьбы с неграмотностью» призвал к великому культурному джихаду, напомнив, что овладение грамотой является «священной обязанностью» каждого мусульманина и должно расцениваться на уровне обязанности, выполнение которой предписано шариатом. В стране развита система социальной поддержки школьников и студентов вузов, которые обеспечиваются общежитиями, стипендиями, бесплатным библиотечным и компьютерным обслуживанием, льготными кредитами на питание. Пятый план социально-экономического и культурного развития (2005–2009), акцентирующий внимание на либерализации экономической и социальной жизни страны, предусматривает повышение уровня развития образования в качестве приоритетного направления развития и увеличение государственной финансовой поддержки. Для Ирана именно исламский период его истории стал временем наиболее быстрого искоренения неграмотности (до 82% в 2007 г.) и повышения образовательного уровня населения,

для чего было использовано, в том числе, и обращение к религиозным обязанностям.

Наиболее наглядно должно проявляться действие исламских начал в социальной составляющей экономического развития. Идеи справедливости и равенства – одно из ключевых положений исламского вероучения. Именно идеи исламской справедливости стали локомотивом революции. Можем ли мы говорить о том, что новому режиму удалось добиться более равномерного распределения национального дохода, чем при прежнем режиме? Это случилось лишь в 80-е годы, при общем падении экономического потенциала. В настоящее время социальная политика, как и вся экономика, начинает все больше и больше испытывать влияние рыночных условий развития.

Неравномерность в распределении доходов приняла в последние десять лет тенденцию к росту, что отмечается самими властными органами. Неравномерность в распределении доходов, уменьшившаяся в 80-е годы, вновь поднялась до уровня 1976 г., при этом увеличились уровень инфляции и безработицы. Но нужно отдать должное исламской власти – она старается уделять решению этой проблемы первостепенное значение. Продолжительность жизни населения увеличилась в ИРИ до 71 года. Следует также отметить, что для усиления социальной защищенности помимо обычных, свойственных всем странам мер используются традиционные исламские инструменты. Да и в выработке социальной политики большое идеологическое внимание уделяется исламскому обоснованию помощи неимущим слоям населения. Хотя исламские налоги, в том числе хумс и закят, не введены в официальную налоговую систему, тем не менее фактически за уплатой хумса ведется контроль исламскими организациями, а закят в современном Иране превратился в пожертвования для обездоленных, в своеобразную милостыню. «Каждый мусульманин должен зарабатывать своим трудом, принося пользу самому себе и подавая милостыню», – сказал Пророк.

Таким образом, несмотря на модификацию используемых норм, ислам в Иране остается тем фактором, который продолжает оказывать влияние на развитие страны. Оно и позитивно, и негативно. Соотношение этих разных факторов влияния не является константой, меняясь в зависимости от ситуации в мире. За 30 лет своей «исламской истории», и именно благодаря способности разного толкования исламских норм, Иран не только не утратил своего политического и экономического потенциала, но и превратил-

ся к настоящему времени в одну из ведущих региональных держав. Вместе с тем конфронтация с США и Израилем, усугубляемая не столько ядерной проблемой, сколько поддержкой шиитских движений на Ближнем Востоке, что можно однозначно расценивать как исламский фактор, поставила Иран на грань возможного военного вмешательства. Применяемые и все более ужесточаемые санкции СБ ООН, США, ЕС безусловно снижают возможности повышения не только экономического, но и политического потенциала Ирана, что противоречит, на наш взгляд, интересам иранского общества как мусульманской уммы.

*«Исламский фактор и современность»,
М., 2011 г., с. 270–283.*

Г. Вайнштейн,

доктор исторических наук (ИМЭМО РАН)

БУДУЩЕЕ ПОЛИТИКИ

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ЕВРОПЕ

Проблематика идентичности (национальной и цивилизационной) давно уже вызывает особый интерес. Думается, что это объясняется главным образом тем, что феномен национальной (а в многонациональных обществах – наднациональной, по сути дела цивилизационной) идентичности все чаще рассматривается в качестве важнейшего фактора, цементирующего общество, обеспечивающего включенность его граждан в реализацию общегосударственных задач социально-политического развития. Выдвижение на первый план именно этого аспекта данной проблематики чревато опасностью его абсолютизации и переоценки интегрирующей роли национальной и цивилизационной идентичности. Мировая история дает немало примеров того, как цивилизационная идентичность оказывалась неспособной предотвратить конфликты, питаемые противостоянием национальных, племенных, общинных идентичностей, а интегрирующая роль национальной идентичности перечеркивалась дезинтегрирующим влиянием идентичностей классовых, социальных, этнических, клановых, конфессиональных и т.п. И хотя в последнее время мы наблюдаем несомненное ослабление мобилизационных возможностей социально-классовых идентификаций, игравших огромную роль на протяжении минувших полутора столетий, сбрасывать со счета значение ряда других коллективных идентичностей не приходится.

Нельзя отрицать способность национальной и цивилизационной идентичностей выполнять важную позитивную функцию в современных общественных процессах. В Европе, стремящейся к укреплению и расширению наднационального политического единства, перспективы общественно-политического развития, конечно же, во многом зависят от наличия или отсутствия в сознании масс чувства общеевропейской идентичности. Соответственно задача как можно более широкого приобщения масс к идее европейской общности становится задачей особой политической значимости, решение которой архитекторы единой Европы считают залогом успеха всего интеграционного проекта. Между тем распространение в сознании жителей стран Евросоюза чувства общей, наднациональной идентичности не только остается пока еще далеким от ожиданий панъевропеистов, но и, судя по всему, достигло некоего предела, преодоление которого становится все более сложным. Несмотря на то что нынешние процессы глобализации в немалой степени способствуют возникновению у европейцев ощущения принадлежности к единому общему дому, в сегодняшнем культурном ландшафте Европы сохраняется весьма существенный дезинтеграционный потенциал. А в последнее время происходит его значительное усиление, связанное с трансформацией культурного пространства Евросоюза, все больше ослабляющей его гомогенность.

В первую очередь речь идет о таком совершенно новом для большинства европейских стран, но приобретенном в последние десятилетия огромный размах явлению, как массовая иммиграция. Известный американский политический обозреватель Кр. Колдуэлл пишет, что впервые в современной истории Европа предстает как «континент мигрантов». Из 375 млн. человек, населявших 15 государств Западной Европы (ЗЕ) – членов Евросоюза до его расширения в 2004 г., 40 млн. жили за пределами тех стран, в которых они родились. С присоединением к ЕС в 2004 г. еще десяти центральноевропейских стран численность легальных мигрантов на территории расширившегося объединения возросла до 44,1 млн. человек.

Почти во всех странах ЗЕ доля иммигрантов и их детей достигает 10% всего населения, а в некоторых из них превышает этот показатель. Даже в таких сравнительно слабо развитых странах «европейской католической периферии», как Ирландия и Испания, он равнялся в середине минувшего десятилетия 14,1 и 11,1% соответственно. При этом за 2000–2005 гг. население, родившееся за

рубежом, увеличивалось в Ирландии ежегодно в среднем на 8,4, а в Испании – на 21,6%. В Голландии его удельный вес – около 1/5. Значительная часть мигрантов – это люди, родившиеся в других европейских странах и использующие расширившиеся в связи с процессами региональной интеграции возможности трудовой мобильности. Примерно треть мигрантов, живущих сегодня на территории ЕС, – это выходцы из других стран Западной и Центральной Европы. Для них проблемы адаптации к жизни в новой стране пребывания (возможно, исключая языковую) вряд ли существенно отличаются от тех, что возникают при переезде из одной части собственной страны в другую.

В совершенно иной ситуации оказываются и совершенно по-иному чувствуют себя неевропейские иммигранты, на долю которых приходится более половины живущих сегодня на территории Евросоюза выходцев из других стран. Пополнение, причем неуклонно возрастающее пополнение, населения Европы мигрантами именно этого рода – принципиально новое для нее явление, накладывающее далеко не благоприятный отпечаток на ее общественно-политическое развитие и порождающее усиление конфликтности на ее культурном пространстве. Происходящий в последние десятилетия приток в Европу из незападных стран миллионных масс мигрантов, подавляющая часть которых – выходцы из отсталых регионов мусульманского Востока, Азии и Африки, существенно усложняет процессы формирования европейской идентичности. Сегодня в лице этой части мигрантов Европа имеет пока лишь инокультурные этнические меньшинства. Согласно разным оценкам, их общая численность не превышает в целом 6% всего населения Евросоюза.

Что касается самой многочисленной группы в составе этих «новых европейцев», коей является мусульманское население ЕС, то достоверных данных о ее величине нет (западноевропейские цензы, как правило, не выясняют религиозную принадлежность граждан). Диапазон оценок достаточно широк. По самым умеренным из них, речь может идти о 13–15 млн. человек. Другие источники называют цифру 18–20 млн., имея в виду самих иммигрантов-мусульман и их детей. Некоторые специалисты считают, что численность этой группы (особенно если учитывать значительную массу нелегальных мигрантов) достигает 23 млн. человек во всех странах Евросоюза или даже только в Западной Европе. Так или иначе, но наиболее авторитетные эксперты сходятся во мнении: мусульмане Евросоюза составляют не более 5% всех его жителей.

В наиболее населенных мусульманами странах Старой Европы их доля колеблется в пределах 2–6% (за исключением Франции, где она достигает почти 10%).

По единодушному прогнозу специалистов, в перспективе Европу ожидает значительное увеличение неевропейских меньшинств, и в особенности мусульман. Наиболее осторожные предсказания сводятся к тому, что нынешняя численность мусульман Евросоюза удвоится к 2025 г. По другим, более категоричным оценкам, это произойдет уже к 2015 г. вследствие трехкратного превосходства мусульман в уровне рождаемости над коренными жителями. Обосновывая свои прогнозные оценки, их авторы приводят, как правило, два ключевых аргумента. Первый: сегодняшние демографические тенденции. По сути, они заключаются, с одной стороны, в падении рождаемости коренных европейцев, ведущем (несмотря на увеличение продолжительности их жизни) к неуклонному снижению их численности, а с другой – в высокой рождаемости инокультурных меньшинств. Второй: социально-экономические императивы привлечения в страны Евросоюза миллионных масс иммигрантов. Впрочем, нельзя исключать вероятность некоторого повышения уровня воспроизводства коренного населения европейских стран. Как свидетельствуют демографы Ч. Вестофф и Т. Фрейка, рождаемость у женщин из исламских стран Азии и Африки снижается по мере их привыкания к жизни в индустриальных странах.

Можно допустить, что приведенные выше прогнозные оценки существенно преувеличивают возможности роста инокультурной составляющей населения Европы. Но опасения, что уже в сравнительно недалеком будущем неевропейские меньшинства способны стать если не большинством европейского населения, то по крайней мере количественно весьма значимой величиной в его составе, обоснованны. Несмотря на сравнительную ограниченность масштабов инокультурной составляющей, последняя представляет собой фактор значительной политической напряженности, вносящий весьма заметные коррективы в политическую повестку дня и расстановку политических сил в Европе.

Усиливающаяся из-за миграционных процессов общественно-политическая напряженность в европейских странах обусловлена не просто тем фактом, что сегодня Европа сталкивается со значительным изменением ее национально-этнической структуры. Гораздо важнее то, что это изменение ведет к серьезной трансформации ее культурного облика. Нынешние процессы глобализа-

ции привели не только к широкому проникновению западных культурных и социально-политических стандартов и ценностей в незападные общества. Их результатом стала также масштабная инфильтрация в демократические общества Запада (в том числе европейские) носителей антизападных ценностей и норм поведения, включая радикальных противников западной общественной системы, представляющих прямую угрозу ее социально-политической стабильности.

Немалая часть перебравшихся в Европу выходцев из развивающегося мира стремится вписаться в новую социальную и культурную среду. Оседая здесь, многие из них принимают европейские ценности и нормы поведения, начинают воспринимать Европу как свой дом. Но в то же время существует и значительная масса ее «новых жителей» (как в первом, так и особенно в последующих поколениях), которые не только не способны, но и не желают интегрироваться в европейское культурное пространство. Для многих из них соблюдение порядков, принятых в их этнических общинах, важнее подчинения законам страны пребывания. В ней они не только чувствуют свою культурную отчужденность, но и стремятся сохранить свою обособленность от окружающего их «развитого мира», образуя здесь некие изолированные «параллельные общества», руководствующиеся ценностями и поведенческими стандартами, традиционными для их родной цивилизации, но совершенно чуждыми, а нередко и прямо враждебными европейскому менталитету.

В наибольшей мере это характерно для мусульманской диаспоры европейских стран. Обследование мусульманского населения нескольких европейских государств, проведенное в середине 2008 г. входящим в организацию Гэллага Центром изучения мусульман, доказало, например, что ощущение интегрированности в окружающее их общество испытывают только 46% мусульман Франции, 35 – Германии, 10% – Великобритании. Несмотря на то, что многие представители мусульманских общин уже несколько десятилетий живут в Европе, их отчужденность от европейского общества не только не ослабевает, а, напротив, усиливается. Немалая часть детей и внуков выходцев из мусульманских стран отторгает ценности и нормы принявших их обществ. А те, кто уже успели стать «новыми гражданами Европы», продолжают испытывать тяжесть своего миграционного прошлого и ощущать себя людьми второго сорта. Для них приверженность исламу все чаще оказыва-

ется средством выражения их идентичности и социального протеста против униженности и дискриминированности в чуждом мире.

Определенный вклад в радикализацию европейских мусульман вносят изменения демографического состава их общин. В последние десятилетия все больше мусульман прибывают в Европу по линии воссоединения семей в качестве родственников уже осевших здесь соотечественников. И это способствует воспроизводству в их среде традиционных для мусульманского мира норм, обычаев и ценностей и явно усиливает культурную обособленность мусульманских общин. В сочетании с социально-экономической ущемленностью этот фактор порождает стремление мусульманских меньшинств к фундаменталистскому исламу. Его антизападный пафос, его нетерпимость к политическим интересам, ценностям и культурным нормам западного, и в частности европейского, общества становятся некой силой, объединяющей чрезвычайно разнородные этнические группы европейских мусульман и удовлетворяющей их потребность в самоидентификации и самоуважении. Культурная и социально-экономическая сегрегированность мусульманских обществ в Европе обуславливает их приобщение исламскому фундаментализму.

В последнее десятилетие антизападнические настроения и симпатии к идеям радикального исламизма получают все более широкое распространение. В частности, около 10–15% из 1 млн. мусульман, проживающих в Голландии, высказывались в начале 2000-х годов в поддержку идеологии джихада. Еще более значительная их часть (48%) выразили в ходе одного из опросов, проведенных вскоре после террористической акции 2001 г. в США, «полное понимание» мотивов, стоявших за действиями террористов. Другое обследование мусульман этой страны свидетельствует: в среднем 28% опрошенных предпочли бы жить не по ее законам, а по законам шариата. Как показал опрос 2003 г. среди французских мусульман, мнение о совместимости ценностей ислама с ценностями Французской Республики, разделяемое в среднем их большинством, поддерживается лишь каждым четвертым в возрасте до 24 лет.

При относительно малой сегодня численности инокультурных меньшинств в общей массе европейского населения они уже являются весьма заметным чужеродным компонентом в некоторых странах Евросоюза, и особенно в некоторых их, преимущественно мегаполисных, регионах. Так, вследствие концентрированного поселения мусульманских меньшинств примерно 40% британских

мусульман живут сейчас в Большом Лондоне, примерно треть французских – в районе Большого Парижа. В таких городах, как Копенгаген, Гаага, Бирмингем, доля мусульман достигает, по самым скромным оценкам, 13–15% населения. В Брюсселе, Амстердаме, Роттердаме, Стокгольме, Мальме, Марселе – не менее 20–25% населения. Уже в ближайшие десятилетия Европу ожидает значительное расширение масштабов инокультурной составляющей.

Еще в 1974 г. тогдашний алжирский лидер Хуари Бумедьен, выступая перед Генеральной Ассамблеей ООН, заявил: «Недалек тот день, когда миллионы мусульман покинут Южное полушарие, чтобы проникнуть в Северное. Уж конечно, не как друзья. Ибо они придут, чтобы завоевывать. И они завоюют вас тем, что населят Северное полушарие своими детьми. Чрево наших женщин станет орудием нашей победы». На фоне этого высказывания нынешние миграционные тенденции и порождаемые ими трансформации европейского культурно-идентификационного ландшафта выглядят особенно тревожными. Наиболее общая особенность будущих политических последствий тех сдвигов в этнонациональной структуре европейских стран, контуры которых уже сегодня просматриваются достаточно отчетливо, – усложнение формирования общеевропейской цивилизационной идентичности. Однако трактовать эту тенденцию лишь как процесс размывания европейской идентичности было бы неверным. Возрастающее присутствие инокультурных меньшинств в определенной мере способствует кристаллизации идентификационного самоопределения европейцев. Многие века, еще со времен отпора франков мусульманскому нашествию в VIII в., противопоставление себя «другим» выполняло важную функцию в самосознании европейских народов. В недавней истории Европы в качестве такой «антиреферентной» группы, наличие которой во многом способствовало осознанию европейцами своей общности, выступали страны коммунистического Востока. Сегодня негативный фактор формирования европейской идентичности наполняется новым содержанием. Все более заметную роль в осмыслении европейцами своей личности и своего единства играет неприятие цивилизационных особенностей «новых жителей» Европы.

Оценивая эту тенденцию, некоторые авторы справедливо обращают внимание на ее разрушительный потенциал. По их мнению, желание «выстроить» европейскую идентичность не через осмысление и утверждение ее собственных отличительных осо-

бенностей, а через неприятие цивилизационной специфики представителей иных регионов мира таит в себе угрозу провала самой идеи европейской общности. Самоопределение европейцев, основанное на противопоставлении себя «другим», как замечает, например, шведский политик И. Карлссон, чревато опасностью того, что поиск европейской идентичности обернется «возведением демаркационной линии, отгораживающей Европу от остального мира». Как бы то ни было, ясно, что при разрастании инокультурных меньшинств усиление значимости «негативной составляющей» европейской идентичности наполняет общественно-политическую жизнь Европы новыми антагонизмами и все больше формирует эту идентичность в конфликтной дихотомии «мы–они». Эти изменения в содержании европейской политики позволяют, в частности, прогнозировать сохранение и нарастание в расстановке политических сил новых тенденций, отличительная особенность которых – укрепление позиций праворадикальных партий. Еще не так давно активность этих партий, в которой превалирует антииммигрантская (в первую очередь антиисламская) направленность, воспринималась как маргинальное для либерально-демократической политики Европы явление, олицетворяющее лишь пережитки расистских и ксенофобских настроений, в целом чуждые современным европейцам, приверженным принципам толерантности и идеям мультикультурализма. Реальность, однако, свидетельствует о том, что крайне правый радикализм упрочивается на политической сцене современной Европы и что это связано не только с живучестью ксенофобских взглядов, но и с массовыми разочарованиями в результатах политики, руководствующейся расчетами на возможность гармоничного сосуществования в европейском обществе носителей разных культурных норм.

Огромную роль в усилении этих разочарований сыграло обострение угрозы международного терроризма. В общественном сознании стран Запада, и в том числе Европы, эта опасность широко ассоциируется с исламским фундаментализмом, находящим все более значительную поддержку в иммигрантских общинах мусульман. И это во многом способствовало нарастанию антииммигрантских настроений в Европе. В ходе обследования мнений западноевропейцев (2003) 58% опрошенных согласились с тем, что от иммигрантов исходит «коллективная этническая угроза»; 67% респондентов Евросоюза заявили о том, что мигранты должны подчиняться европейским законам; 39% – выступили против надеждения легальных мигрантов в странах Евросоюза гражданскими

правами. В наиболее радикальной форме неприятие «чужаков» было выражено 22% коренных европейцев: они высказались за депортацию на родину легальных мигрантов, не имеющих работы.

Новым толчком к обострению иммигрантской проблемы и усилению антииммигрантских настроений послужил экономический кризис. При нынешних экономических трудностях европейцы все чаще воспринимают представителей неевропейских иммигрантских меньшинств уже не только как источник угрозы общественной безопасности и фактор разрушения европейской идентичности, но и как социальных изживенцев и конкурентов на рынке рабочей силы. В частности, недавнее исследование фонда Фр. Эрберта констатировало: за два кризисных года (2008–2010) доля немцев, заявляющих о «враждебном отношении к иностранцам», возросла с 21 до 25% (в западной части Германии – с 32 до 35%). При этом 66% опрошенных присоединились к мнению о том, что «иностранцы приезжают в Германию, чтобы воспользоваться ее социальными благами», а 60% высказались за то, чтобы депортировать всех иностранцев на их родину в случае нехватки в стране рабочих мест. По сути дела эти и многие другие конкретно-социологические обследования показывают, что антииммигрантские и особенно антимусульманские настроения в Европе свойственны сегодня отнюдь не только сторонникам крайне правых партий. Распространение этих настроений – характерная особенность европейского общественного климата в целом, оно обуславливает не только рост электоральной поддержки праворадикальных партий, но и вообще общественно-политическое поправение Европы.

Есть основания говорить как об укреплении праворадикальных сил на политическом пространстве Европы, так и об определенном смещении вправо всей оси европейской политической жизни (по крайней мере в вопросах, касающихся отношений представителей коренных европейских национальностей к «новым жителям» Европы). Это выражается, с одной стороны, в том, что электоральные успехи правых радикалов ведут к их все более широкому включению в процесс выработки реальной политики, а с другой – в том, что происходит известная радикализация системных политических партий и представителей традиционного политического истеблишмента. Общий знаменатель этой радикализации общественно-политической жизни Европы – утрата европейцами прежнего оптимизма относительно благотворности для западного общества сохранения неевропейскими иммигрантами их культурного своеобразия. Упомянутое выше обследование

настроений европейцев, проведенное в 2003 г., показало, что в среднем четверть населения в 15 странах, входивших тогда в ЕС, выразила негативное отношение к идее мультикультурного общества, отвергнув тезис о том, что религиозное, культурное и расовое разнообразие играет позитивную роль в общественной жизни. И хотя сугубо отрицательное суждение о концепции мультикультурализма высказали лишь меньшинство опрошенных в странах Евросоюза, от 55 до 65% их граждан присоединились к мнению о том, что мультикультурное общество достигло своих пределов.

Разочарование в идее мультикультурного общества выражает все большая часть населения даже таких стран, как Великобритания и Голландия, многие годы наиболее последовательно и твердо придерживающихся принципов мультикультурной политики. В ходе опроса 2005 г. 32% британцев заявили, что приверженность концепции мультикультурализма «угрожает британскому образу жизни», а 21% согласились с тем, что «политика мультикультурализма ошибочна и должна быть отвергнута». В Голландии только 19% опрошенных поддерживают мультикультуралистскую модель интеграции, тогда как 50% выступают за «принудительную интеграцию» иностранцев в голландское общество.

Наиболее показателен пересмотр взглядов на проблему интеграции иммигрантских меньшинств у европейской политической элиты. Как заявил политический обозреватель авторитетной немецкой газеты «Die Welt» Николаус Бломе, «если мультикультурализм означает, что 30 тыс. турок могут жить в одном из берлинских кварталов, никогда не покидая его и ведя себя так, словно они все еще находятся где-то в турецкой глубинке, тогда этот принцип дискредитирован». Известный британский телеведущий с индусскими корнями К. Малик констатирует: «На уровне повседневного жизненного опыта мультикультурализм обогащает нашу жизнь. Но как политическая идеология он способствовал возникновению фрагментированной, трайбалистской Британии, лишенной какого-либо политического или морального центра». Еще недавно подобные высказывания можно было услышать лишь от ультраправых, игнорировавших общепринятые нормы политкорректности.

Мэр Мадрида А. Руиз-Галлардон заявил несколько лет назад, что его город «не является и не хочет быть мультикультурным». В 2004 г. Т. Филлипс, темнокожий британский политик, председатель Британской комиссии по вопросам равенства и прав

человека – организации, для которой мультикультурализм служит одним из основополагающих принципов, – назвал его «устаревшим» и «бесполезным». Мультикультуралистская модель интеграции, по его словам, культивирует «сепаратизм этнических общин» и усиливает экстремистские настроения молодых мусульман. После бунтов иммигрантской молодежи в ноябре 2005 г. во Франции он заявил, что Британия «зашла слишком далеко», позволяя иммигрантам демонстрировать «историческую идентичность своих этнических меньшинств», и что, поощряя эти меньшинства жить в своих собственных общинах, страна постепенно превращается в «сегрегированное общество».

Убийство в ноябре 2004 г. голландского кинорежиссера Тео ван Гога, совершенное исламским радикалом в отместку за фильм о бесправии женщин в мусульманских семьях, и гневная реакция европейских мусульман на публикацию в 2005 г. в датской газете серии карикатур на пророка Мухаммеда вызвали ужесточение подхода к проблеме интеграции инокультурных меньшинств со стороны политиков в Голландии и других государствах Северной Европы, всегда отличавшихся особой толерантностью. Но наиболее симптоматичны высказывания президента Баварии и председателя партии ХСС Хорста Зеехофера, а также канцлера страны Ангелы Меркель. «Мульти-культи мертв», – провозгласил Х. Зеехофер. В Германии, заявил он, нет места для приема большего числа мигрантов из стран с «чуждыми культурами» типа Турции или стран Ближнего Востока. Со своей стороны, А. Меркель констатировала, что политика, позволяющая людям разной культуры жить бок о бок, не интегрируясь, не работает, и признала, что «мультикультурная модель полностью провалилась».

Признание неэффективности усилий по созданию «мультикультурного общества» – явление весьма знаменательное. С одной стороны, оно свидетельствует о несомненной эволюции самой мультикультуралистской модели как основы государственной интеграционной политики ряда стран и о повышении их внимания к мерам альтернативного характера. А именно: к усилиям, направленным на ассимиляцию иммигрантских меньшинств (по типу Франции), а не на поощрение сохранения ими своего культурного своеобразия (на чем долгие годы делался особый акцент в Великобритании и Голландии). С другой стороны, указанное явление позволяет говорить о превращении проблемы интеграции инокультурных групп в предмет противоборства различных политических

сил и в весьма острый и болезненный вопрос политической повестки дня.

Тем не менее значительная часть европейской политической элиты по-прежнему остается все же верна мультикультуралистской риторике. Однако реальная политика все отчетливее характеризуется отступлением от либеральных подходов к интеграции иммигрантских меньшинств, повсеместным ужесточением иммиграционного законодательства и поиском более действенного инструментария ассимиляции «новых жителей» Европы, способного заставить их жить согласно общепринятым в европейском обществе ценностям и нормам поведения.

Пока было бы еще рано говорить о том, что европейскими политиками найдены действительно эффективные пути ассимиляции инокультурных меньшинств. Скорее, речь может идти об осознании необходимости поставить проблему ассимиляции в плоскость практической политики, чем до недавнего времени ни одна европейская страна, кроме Франции, всерьез не занималась. В ряде стран долгое время господствовало наивное представление о том, что присутствие в Европе иммигрантов носит временный характер и что в конечном счете они вернуться домой. Поэтому некоторые политики вместо того, чтобы думать об ассимиляции иммигрантов, предпочитали, например, содействовать обучению их детей родному языку, полагая, что это облегчит их возвращение на родину. Сегодня политика в сфере образования младших поколений иммигрантов существенно меняется и основное внимание уделяется их обучению языку принимающей страны, ее истории и культуре.

Аналогичным образом меняется и отношение к роли духовных лиц в формировании мировоззрения инокультурных меньшинств. В последнее время предпринимаются все более активные усилия для изменения сложившейся практики, в соответствии с которой религиозное воспитание европейских мусульман практически полностью отдано на откуп имамам, специально командированным из мусульманских стран. Считая, что таким образом в Европу импортируется исламский фундаментализм, многие европейские государства стремятся уменьшить влияние на европейских мусульман этих «духовных эмиссаров», получивших образование в традиционных медресе мусульманского Востока, и способствовать возникновению так называемого европейского ислама, более терпимого по отношению к западным ценностям. Отметим два примера недавних усилий в этом направлении. Пер-

вый – поддержка правительствами Франции, Голландии, Германии лояльных исламских организаций, стремящихся приобщить присланных из стран Ближнего Востока духовных служителей к ценностям и правовым нормам европейской культуры. Второй – создание в вузах Европы специальных курсов и факультетов исламской теологии для подготовки к духовной деятельности «своих», европейских мусульман. Думается, однако, что ожидать от этих и подобных им мер ощутимого прогресса в решении европейским обществом проблем, порождаемых неинтегрированностью иммиграционных меньшинств, было бы достаточно легкомысленно.

В то же время более масштабное и более серьезное корректирование политики стран Евросоюза по отношению к инокультурным меньшинствам окажется, скорее всего, весьма болезненным процессом, конкретная реализация которого поведет к политической поляризации европейского общества и натолкнется на ожесточенное сопротивление сторонников либеральной модели этой политики. При этом есть основания ожидать, что борьба вокруг проблем, связанных с изменением национально-этнического состава европейского населения, будет обостряться и усложняться по мере включения самих «новых жителей» Европы, и в частности мусульманских сообществ, в политическую жизнь принимающих их стран.

По данным на начало 2000-х годов, политическим гражданством стран Евросоюза обладали лишь 25% живущих на его территории мусульман. Однако во Франции и Великобритании доля мусульман, ставших гражданами этих стран, достигала в это время 60% всей мусульманской диаспоры. В Голландии право голоса имела половина живущих здесь мусульман. И, судя по всему, в ближайшие десятилетия доля «новых жителей» Европы (в том числе мусульман), обладающих политическими правами стран проживания, будет все больше возрастать. Принятые в ряде стран законы, упрощающие процедуру натурализации иммигрантов в первом и особенно в последующих поколениях, делают неизбежным появление в недалеком будущем в их лице значительной массы новых субъектов политической жизни. В Германии, вошедшей в 2000 г. в круг стран, предоставляющих гражданство по праву рождения, дети, родившиеся в проживающих здесь многочисленных мусульманских семьях, начнут с 2018 г. пополнять ряды потенциальных избирателей. Аналогичные изменения ожидаются и в политической жизни Италии, Испании, Скандинавских стран.

Было бы, однако, неверным полагать, что по мере расширения возможностей участия иммигрантских меньшинств в политической жизни Европы ожидается появление некой новой политической силы, готовой к выражению и отстаиванию своих специфических интересов. Иммигрантские меньшинства вообще, и в том числе мусульманские сообщества в их составе представляют собой чрезвычайно разнородную и в национальном, и в этническом, и в культурном, и в социально-экономическом отношении массу. Неоднозначность, а нередко даже непримиримость интересов ее составляющих препятствует образованию самостоятельных политических структур, способных выступать в целом от ее имени.

Этнические политические партии мусульман пока не возникли в Европе. Отдельные попытки их создания не были успешными. Сегодня этнически мотивированное голосование проявляется, как правило, в поддержке выдвижения кандидатов из иммигрантских общин от традиционных системных партий. И еще – в поддержке тех партий политического мейнстрима (как правило, левой, социал-демократической ориентации), которые выступают за сохранение и расширение социальных программ и/или же занимают более дружественную по отношению к арабским странам позицию (особенно по ближневосточной политике и арабо-израильскому конфликту).

Учитывая разобщенность мусульманских меньшинств, которая, несмотря на существование некой общей мусульманской идентичности, обнаруживается даже в вопросах веры, вряд ли можно ожидать в обозримом будущем формирования в Европе их монолитного политического сообщества. Один из ведущих экспертов по проблемам мусульманских общин в Европе Т. Саваж (США) подчеркивает: «Говорить о едином мусульманском сообществе в Европе неверно. Даже если иметь в виду отдельные страны, то наличие здесь этнических различий между мусульманами, их принадлежность к разным религиозным сектам, расколы внутри общин, обусловленные их социально-политической и поколенческой неоднородностью, а также неиерархический характер самого ислама означают, что в будущие десятилетия европейские мусульмане будут в большей степени разьединенными, чем едиными». Однако недооценивать политический потенциал инокультурных меньшинств Европы и возможность его влияния на ее общественно-политическую жизнь было бы неверным.

Реальность свидетельствует о способности представителей разных неевропейских этнических меньшинств выступать, несмотря на всю их внутреннюю неоднородность, а нередко даже взаимную враждебность, в качестве единого политического лобби, с которым европейские политики вынуждены считаться в ряде конкретных внутривнутриполитических и внешнеполитических вопросов. В то же время речь должна идти и о специфике использования политического потенциала этих меньшинств, существенно отличающейся от традиционных для демократического общества форм политического поведения.

Важнейшим способом выражения интересов и требований иммигрантских масс являются не конвенциональные организованные действия, предпринимаемые и координируемые собственными политическими объединениями, а стихийные выступления улицы. А они, такие выступления, делают субъектами политической жизни отнюдь не только иммигрантов, обладающих политическими правами, и даже не столько их, сколько тех, кто еще не имеет этих прав, и даже тех, кто вообще относится к числу нелегалов.

Весьма непривычные для европейской политической реальности взрывы бунтарской, никем не контролируемой уличной активности иммигрантских меньшинств, сопровождаемые зачастую актами молодежного вандализма и представляющие собой, как правило, спонтанную реакцию на отдельные общественные события, становятся в последнее время одним из характерных элементов социально-политической жизни. Проблема не только в том, что они служат серьезным фактором общественно-политической дестабилизации и создают соблазн для подражания как среди недовольных теми или иными аспектами их жизни коренных европейцев в целом, так и особенно среди деклассированных групп последних. Проблема гораздо шире. Подобного рода акции вообще свидетельствуют о том, что в условиях нынешних этнонациональных трансформаций европейского общества очевиден рост уязвимости европейской демократии, связанный с отсутствием эффективных механизмов разрешения социокультурных конфликтов. Между тем именно эти конфликты, обуславливаемые возрастающей этнонациональной и конфессиональной неоднородностью европейского общества, становятся весьма ощутимым компонентом общественно-политического процесса, идя на смену столкновениям социально-классовым или дополняя их. И это изменение представляет собой весьма тяжелое испытание для демократии.

Авторитетные зарубежные политологи подчеркивают: в условиях демократии из всех общественных конфликтов именно этнические и социокультурные решаются с наибольшим трудом. В ходе классовых столкновений прошлого демократическим системам удалось создать достаточно эффективные механизмы их улаживания. Вместе с тем ничем аналогичным для решения этнических конфликтов и вообще сегодняшних столкновений на почве национальных и культурных разногласий демократии не располагают. Как уже отмечено, отсутствуют также и соответствующие институты и политические организации, способные выступать в целом от имени самих инокультурных меньшинств, что существенно ограничивает возможности для выработки механизмов и процедур переговорного процесса между государством и этими меньшинствами.

Учитывая отсутствие в политической культуре многих иммигрантских общин традиций толерантности и привычки к политическому диалогу, представляется весьма проблематичным появление механизмов демократического разрешения социокультурных конфликтов и в ближайшем будущем, что увеличивает вероятность использования этническими меньшинствами радикальных форм отстаивания своих интересов. В результате перспективы преодоления сегодняшней социокультурной напряженности, все более осложняющей жизнь европейских стран, выглядят весьма туманными.

Думается, что связывать в этом плане особые ожидания с усилиями, предпринимаемыми на уровне государственной политики европейских стран, было бы слишком оптимистичным. Вряд ли меры официальных властей, предполагающие усиление интегрированности инокультурных меньшинств (включая те, которые направлены непосредственно на улучшение их социально-экономического положения), приведут к ощутимому ослаблению социально-психологической отчужденности значительной их части. Вряд ли они также смогут существенно поколебать широко распространенную, особенно в молодежной среде иммигрантских общин, антизападническую направленность их ценностных и культурных установок. Гораздо более результативным может оказаться подключение представителей более или менее ассимилированной части самих иммигрантских сообществ к решению проблем интеграции инокультурных меньшинств. И определенные факты свидетельствуют о том, что эта идея получает признание в некоторых странах. В частности, во Франции, руководствуясь

именно такими соображениями, Н. Саркози ввел в 2007 г. в правительство двух женщин из среды мусульманских иммигрантов. Одна из них была три года госсекретарем по вопросам городской политики. Вторая занимала пост министра юстиции, а сейчас возглавляет один из округов Парижа. В Германии министр по социальным вопросам Нижней Саксонии – представитель турецкой общины.

Особо показателен в этом смысле, однако, пример Голландии, где политик – иммигрант из Марокко был в начале 2009 г. назначен мэром Роттердама, города с чрезвычайно высокой концентрацией мусульманского населения. Занявший пост мэра второго по величине города страны Ахмед Абуталеб, исповедующий ислам, стал первым голландским политиком-иностранцем, сделавшим успешную карьеру в одной из ведущих политических партий страны – Партии труда. До своего назначения мэром он занимал в правительстве пост государственного секретаря по социальным вопросам и проблемам занятости. В Голландии высказываются мнения, что назначение Абуталеба мэром Роттердама должно позволить властям проводить более жесткую политику ассимиляции мусульман. Голландский политик праворадикального толка Марко Пасторе заявил, что Абуталеб лучше других сможет дать понять своим единоверцам дилемму: или интегрироваться, или уехать. Пока трудно судить, сколь широкое распространение может получить практика привлечения выходцев из иммигрантской среды к решению проблем интеграции инокультурных групп и сколь эффективной окажется эта практика. Вместе с тем ясно, что сама эта проблема все отчетливее осознается в Европе как одна из наиболее актуальных.

После долгого замалчивания официальными лицами, европейскими интеллектуалами и многими СМИ негативных сторон «иммиграционного бума» обращение к этой теме перестало быть «монополией» одних лишь крайне правых популистов. Европа повернулась лицом к проблеме иммиграции и ее социальных и общественно-политических последствий, поняв, что игнорирование возрастающей в обществе социокультурной и идентификационной конфликтности несет в себе угрозу серьезной политической дестабилизации и что будущее во многом зависит от способности общества выработать разумную и реалистическую политику по отношению к своим новым гражданам.

В то же время европейские страны еще весьма далеки от согласия (как на национальном, так и тем более на межнациональ-

ном и общеевропейском уровнях) по поводу политики, необходимой для решения проблем, порождаемых притоком иммигрантов из инокультурных обществ. Не менее далеки эти страны также от понимания и того, каковы желаемые цели такой политики и какими в принципе могут быть ее реально достижимые цели. Говоря о трудности выработки адекватной интеграционной политики, известный британский историк и публицист Т.Г. Эш справедливо замечает: «Политика, основанная на ожидании, что миллионы мусульман внезапно оставят веру своих отцов и матерей, просто нереалистична. Если послание, которое они получают от нас, заключается в том, что необходимым условием европейскости является отречение от религии, то они не захотят быть европейцами».

Как интегрировать «новых европейцев», не подавляя религиозную, культурную и ценностную специфику их идентичности, похоже, не знает никто. И это обуславливает сохранение и даже нарастание дезинтеграционного потенциала в неуклонно меняющемся этнокультурном пространстве европейского общества. При этом неизбежное стремление Европы к противодействию дезинтеграционным силам будет вести к отказу все более широких слоев общества от безусловной приверженности принципам либеральной терпимости и, соответственно, к эрозии либерального компонента европейской демократии. Такова, по всей видимости, неотвратимая траектория общественно-политического развития Европы в предстоящие десятилетия, конкретные элементы которой сегодня предсказать трудно.

«Мировая экономика и международные отношения», М., 2011 г., с. 3–15.

СОБЫТИЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ (по материалам круглого стола, организованного ИМЭМО РАН)

Г.И. Мирский (доктор исторических наук). Понять, почему произошли эти бунты, или революции, как их ни называй, не столь трудно. Недовольство было вызвано несколькими причинами. Первая из них будет сразу понятна, если заметить, кто именно первым вышел на улицы Туниса, а затем – в порядке цепной реакции – и Каира. Образованная, в значительной части безработная

молодежь. В Тунисе не менее 20% закончивших университеты людей так и не нашли работу. И когда один из них, уже став торговцем фруктами в маленьком городе, оказался жертвой произвола полиции, он облил себя бензином... Вторая причина – увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми. Тунис был далеко не самой бедной страной арабского мира, но возмущение все больше вызывал именно контраст между доходами основной массы населения и верхушки. Это связано с третьей причиной – коррупцией в высших эшелонах власти. Сам президент Бен Али, бывший шеф разведки, человек сдержанный и лишенный всякой харизмы, не был объектом возмущения, но вот его вторая жена Лейла стала притчей во языцех из-за бессовестного обогащения ее родственников. Тунис – маленькая страна, всего 10 млн. жителей. Но это уникальная страна в арабском мире: здесь официально запрещено многоженство и слабо действуют законы шариата, 98% детей ходят в школу и все грамотные люди знают французский язык, некоторые бывают в Европе. Напомню об Интернете, давшем людям возможность узнавать новости, несмотря на то что все СМИ были целиком под контролем правительства. И четвертое: власть слишком засиделась и не желала меняться. Удивительным было то, как быстро рухнул этот авторитарно-полицейский режим. После выхода на улицы десятков тысяч людей генералы отказали президенту в поддержке. Бен Али был вынужден бежать из страны.

Иначе развивались события в Египте, хотя начались они благодаря Интернету именно после тунисского взрыва в соответствии с «теорией домино», и опять застрельщиками волнений были образованные молодые люди – доктора, адвокаты, вчерашние студенты (самый известный из них, один из инициаторов первоначальных митингов, Ваэль Ганим работал в Google). Параллелей с Тунисом, конечно, было немало: ухудшающееся экономическое положение, рост цен, безработица; президент, находившийся у власти 30 лет; жесткий авторитарный режим, не допускавший существования какой-либо реальной оппозиции; правящая партия, неизменно побеждавшая на явно подтасованных выборах; цензура и коррупция. Но были и отличия. В худшую сторону. Нищета: 20% населения живет за чертой бедности, менее чем на 2 долл. в день, еще 20% – чуть выше этой черты. В лучшую сторону – больше свободы выражения мнений. В Египте выходили оппозиционные издания, можно было критиковать власть. Сам президент Хосни Мубарак, бывший летчик, затем командующий ВВС,

заслуженный и уважаемый отставной генерал – не чета Бен Али; он решительно отверг требования миллионной толпы уйти в отставку. Но идеализировать Мубарака не стоит. Он создал режим, напоминавший демократию лишь по форме. Вплоть до 2005 г. президентские выборы на самом деле были референдумом по вопросу переизбрания Мубарака на очередной срок, никто не имел права выдвигать конкурирующую кандидатуру. В 2005 г. вторая кандидатура была разрешена, но соперник Мубарака Айман Нур не только проиграл, но и был брошен в тюрьму под надуманным предлогом.

Ход событий подробно освещался во всех СМИ. Достаточно резюмировать происшедшее: в ответ на скандировавшийся миллионами людей клич «Мубарак, уходи!» президент твердо заявил, что не уйдет и останется на своем посту до сентября, как и положено до выборов, но на следующий срок баллотироваться не будет. Этим ходом он рассчитывал расколоть оппозицию. Вся жизнь в стране оказалась парализованной: исчез туризм, приносящий 11% дохода государству. Но люди на Тахрире были убеждены, что если согласиться с отсрочкой ухода президента, этот интервал будет использован его командой, чтобы сделать все возможное для сохранения системы без ее главной фигуры, для разного рода манипуляций, подготовки фальсификации будущих выборов и т.д. Поэтому они не уходили с площади. У них не было лидера, харизматического вождя; это вообще спонтанное движение, стихия. Но определенная идеология хотя бы у части из них, более образованной, была. Это насеристы, наследники тех, кто провозглашал социалистическую ориентацию 50 лет тому назад – университетские профессора, студенты, адвокаты, литераторы, т.е. те категории интеллигенции, которые абсолютно так же, как их «старшие братья» во Франции и Англии всегда отличались левыми взглядами, ненавидели капитализм и империализм. Старшее, уже почти ушедшее поколение этих левых интеллигентов зачитывалось книгами Сартра и Фанона, восторгалось Че Геварой и испытало глубочайшее разочарование, когда рухнула советская власть. Их идеи живут, так как нет альтернативы: ведь с одной стороны – давно отброшенная и презираемая «западная буржуазная демократия», с другой – исламизм. У этих людей широкий разброс взглядов – от социалистических до либеральных. Поднявшаяся в гнев молодежи не очень-то к ним прислушивается. Примечательно, что «движение Тахрира» с самого начала не поднимало никаких идеологических знамен, не звучали ни исламистские, ни арабистские, ни со-

циалистические, ни даже антиамериканские лозунги. Более того, никто не сжигал израильские флаги.

Египетская революция развивалась «не по правилам»: ведь классическая революция предполагает захват парламента, образование органа новой власти, временного правительства, затем намечается срок выборов в учредительное собрание, которое должно принять новую конституцию и т.д. А в Египте люди ничего не штурмовали, что было огромным облегчением для армии. Армия остается опорой власти в Египте с 1952 г., когда молодые офицеры совершили революцию. Она пользуется популярностью, так как несколько раз воевала с Израилем и считается «защитницей независимости». Армию также рассматривают как наименее коррумпированную силу в стране. На самом деле армия является «предпринимателем № 1» в Египте, она доминирует в экономике, получает самые выгодные лицензии, занимается строительством мостов, продажей бензина и оливкового масла, производит цемент, стройматериалы, одежду и продовольствие, владеет отелями для туристов, больницами и пр. И когда ненавидимая народом полиция, пытавшаяся орудовать дубинками, исчезла с улиц и появились солдаты, они были радостно встречены толпой. Вариант отсрочки выборов до сентября был выгоден оппозиционным политикам, поскольку сейчас у них нет ни серьезных политических партий, ни программ, ни кандидата на пост президента, а за несколько месяцев все это можно создать. Среди кандидатов сразу же стали называть бывшего главу МАГАТЭ Аль-Барадеи. Однако население считает его чужим, международным чиновником, давно оторвавшимся от родной почвы. Более серьезным кандидатом на пост президента выглядит Амр Мусса, но в глазах народа он – член старой команды.

В.В. Наумкин (доктор исторических наук, директор ИВ РАН). Если попытаться определить круг вопросов, с которыми мы имеем дело, то главный из них: в чем причины происходящих массовых выступлений? Сейчас большинство комментариев сосредоточены на одной основной причине – недовольство или протест высокообразованной молодежи, которая не имеет вертикального лифта, не имеет возможности найти себе достойного места в жизни. Она является двигателем протестного движения. Появился целый социальный слой, который в арабском мире называется «молодежь facebook». И вот эта образованная молодежь, которая знает жизнь Запада, видит, что ее страна захвачена коррумпированной элитой, монополизировавшей все ресурсы, контролирующую

щей бизнес и перекрывающей все возможности социального движения. Проблема не только в безработице. Если выпускник экономического факультета университета работает почтовым служащим на грани бедности и не имеет никаких перспектив, понятно, что он поддержит протестное движение. Нам нужно уделить больше внимания западным теоретическим работам по проблемам или концепциям так называемых «новых массовых движений», «политического активизма» и пр. В России этой темой почти никто не занимается. Я познакомился с ней, когда преподавал в США. Данные концепции уже достаточно развиты и хорошо известны на Западе, но у нас почему-то игнорируются. В частности, в «теории социальных движений» рассматривается, каким образом происходит мобилизация, как возникают те формы, в которые выливаются протесты. Существует и некая «теория триггеров», объясняющая, каким образом можно взорвать ситуацию. Таким триггером, например в Тунисе, стало самоожжение молодого человека, торговавшего зеленью на рынке, который был выпускником университета. В Тунисе этот прецедент стал запалом, хотя, скажем, в Алжире подобный прецедент не сработал. Во всех конкретных случаях триггеры могут различаться, что зависит от целого комплекса социокультурных, религиозных и политических особенностей и обстоятельств.

Пока в Египте все осталось по-прежнему. Чисто гипотетически имеет право на существование версия, что эта революция – просто заговор новой военной верхушки по сути преторианского режима, ведь военные остались во власти. Это пока тот же режим, та же система патронажных связей, которая господствует в стране. Сохранилась та же самая коррупционная схема. Властный генералитет перехватил у мятежного движения инициативу, выполнив основные требования: отставка Мубарака, роспуск парламента, изменение конституции. Согласно этой версии, распустив парламент, выборы в который в 2010 г. были полностью фальсифицированы, военные успокоили «улицу». Теперь они торопятся с проведением новых выборов. Референдум по конституции был запланирован на апрель текущего года. Военные посадили своих юристов, которые будут готовить изменения в конституции. Новые революционные силы к проекту не допущены и подготовку к референдуму фактически полностью осуществляет правительство. Но против теории военного заговора говорит то, что военные, как и исламисты, не хотят выдвигать своего кандидата и намерены как можно скорее передать власть гражданским. К назначенным через

полгода выборам оппозиционные партии не успеют подготовиться, это слишком короткий срок для них. Национально-демократическая партия Египта распущена, но весь ее аппарат остался и будет по-прежнему стараться проводить свою политику.

Может быть, никакого тектонического сдвига не произошло? Нова лишь «роль улицы» и форма возникновения массовых движений, которые пока не выдвинули сильных лидеров либо они еще находятся в тени и неизвестно, смогут ли выйти на первый план. Два основных инструмента мобилизации – мечети и Интернет. И это очень сильные инструменты, которые и в дальнейшем могут сработать. Существуют только две формы борьбы с движениями протеста. Первая: раздать много денег, или подкупить «улицу». Вторая – использовать мощные силовые структуры, лояльные власти и готовые жестко подавлять протест. Это относится, по-моему, к Ирану, где люди вышли на улицы, сильно при этом рискуя. Протесты в Иране, полагаю, не примут массового характера. Но арабский мир бурлит, а поскольку Египет – это его центр, то, что происходит в Египте, влияет на весь регион. Что касается исламистов, то они, по-видимому, попадут в выборные органы власти. Даже если у «Братьев-мусульман» победит умеренное крыло, то все равно останутся проблемы, касающиеся, например, прав женщин и отношения властей к меньшинствам.

Еще одна важная причина произошедшего – разногласия между армией и службами безопасности. В Тунисе, например, на 10 млн. человек приходится едва ли не 180 тыс. сотрудников безопасности, полиции и других органов правопорядка и всего 40 тыс. в армии. Совершенно беспрецедентная ситуация. Полагаю, одна из причин последних событий – коллизия между силами безопасности и военными. Первые (во всяком случае, их элита), как правило, на стороне режима, поскольку находятся в привилегированном положении и поддерживают власть, а армия, как известно, и в Тунисе, и в Египте заняла нейтральную позицию.

Отдельный важный вопрос – роль США во всей этой череде волнений. Здесь также несколько противоборствующих мнений. Одни с упоением пишут, что политика США в регионе потерпела полное поражение и Вашингтон утратил там свои позиции. Другие, наоборот, полагают, что США едва ли не организовали все эти революции и только выигрывают в данной ситуации. Полагаю, и то и другое неверно. Непосредственная роль американцев в этих событиях вряд ли значительна, но опосредованно – в качестве развития общей тенденции «демократического транзита», внедре-

ния западной модели образования и образа жизни – Америка, несомненно, влияет на ситуацию. С воздействием США и Запада в целом связано и проникновение в арабские страны современных средств коммуникации.

Интересна также роль и воздействие обсуждаемых событий на положение дел в самих США. Неоконсервативная оппозиция в США пытается оказывать давление на администрацию Б. Обамы, указывая на утрату динамики в проведении политики *demostasy promotion*, на безуспешность попыток Белого дома вступить на путь диалога с миром ислама. Поэтому, по мнению неоконсервативов, данная череда революций – это отложенные следствия правильной политики Дж. Буша. Такова позиция, например, Д. Фейта, заместителя министра обороны прежней администрации, который недавно обвинил команду Обамы в полной несостоятельности ее политики. Это дает республиканским консерваторам определенные козыри в будущей предвыборной кампании. Д. Фейт полагает, что необходимо было заранее просчитать развитие ситуации, требовать от руководителей арабских стран проведения реформ, ставить во главе новых движений «своих лидеров». Но время уже упущено. Правда, такой подход США могли бы еще попробовать применить, к примеру, в Египте, где положение может вернуться к тому, что было до восстания, если военные решат продвигать нового лидера из своей среды, обеспечив ему поддержку с помощью отработанных схем и механизмов. Но США вряд ли смогут противопоставить такому развитию событий что-либо, помимо обличительной риторики о препятствовании развитию демократии. В этом случае на первый план выйдет готовность «улицы» в дальнейшем отстаивать свои завоевания.

Еще несколько методологических замечаний. Изначально претензии у массовых движений возникают к характеру и окружению верхушки власти, но по мере разрастания протестов требования становятся все более радикальными. Претензии адресуются уже всей коррумпированной элите, кругу тех людей, которые воспринимаются «улицей» как чужие, как негодные. В Египте это не только семья Мубарака, но и близкий к ней круг генералитета, контролирующей сталелитейное производство. Там коррупция достигала чудовищных размеров, цена откатов за контракты доходила до 80%. В Тунисе «семья» полностью контролировала все сферы экономики. В Иордании, где правящую династию традиционно уважают, протестующие уже критикуют королеву, что ослабляет режим. В Марокко монархия укорененная, местная. До

получения независимости будущий монарх был одним из лидеров национально-освободительного движения, это укрепляет доверие к режиму. Бахрейн – страна с наиболее мягким в регионе режимом, с развитыми элементами демократии в политической системе, и король там умеет договариваться. Там движущая сила протестов – шиитское большинство, которое всегда было недовольно правлением суннитского меньшинства. В Тунисе решающую роль будет играть Европа. Если Европа окажет финансовую помощь, то там возможно решить большую часть проблем, и тогда в перспективе Тунис может стать вывеской демократии в арабских странах.

Р.Г. Ланда (доктор исторических наук). Хотел бы коснуться проблемы исламизма. Пока он в обсуждаемых событиях не слишком заметен. Однако во многих странах региона, особенно в Саудовской Аравии и Иордании, действует исламистское подполье, раскинувшее сети по всему арабскому миру. Многими нитями (через Интернет, контрабанду оружия, тайные международные сети более чем 300 суфийских братств и прочих секретных сообществ) оно связано с многомиллионными диаспорами арабов и вообще мусульман в Европе и Америке, получая от них необходимую информацию, технологию, кадры, прошедшие обучение в лучших университетах Запада. Причины взлета исламизма в середине XX в. не религиозные, а социальные, экономические и политические, а также исторические. Исламизм в своем противодействии Западу и его влиянию продолжает линию панисламистов XIX в., боровшихся с колониализмом, и националистов XX в., противостоявших неоколониализму. Опирающийся на их наследие исламизм в своем противодействии глобализации выдвинул сугубо идеологизированную формулу «всеобщей исламизации» как последовательно антизападного идеала. Но по сути своей это – прежде всего политическое движение, вырядившееся в исламские одежды.

Ислам – вообще весьма политизированная религия, особенно в наши дни, официально выступающая против ростовщического процента, что многими понимается как осуждение прибыли, и за социальную справедливость, так как, согласно принципу «садака», богатый мусульманин обязан помогать бедному единоверцу. Эти социальные аспекты ислама всегда использовали на протяжении истории разные силы в политической борьбе. Революция 1978–1979 гг. в Иране породила взлет исламизма по всему Востоку – от Марокко до Филиппин, не исключая Кавказа и Средней Азии. И в Иране, и в других странах ислама имели место примерно одни

и те же процессы: непрерывный (вследствие демографических причин) рост неимущих социальных низов города и деревни, составляющих в большинстве стран ислама до 30% активного населения; маргинализация и обнищание этих слоев вследствие стихийной свехурбанизации, экономической и технологической отсталости, низкой квалификации, нехватки капиталов и рабочих мест; чудовищная коррупция – основная база перерастания бюрократии стран ислама в бюрократическую или паразитическую буржуазию, а также свехобогачение всех причастных к власти; и как следствие этого – перманентная социальная напряженность, обостренная за последние десятилетия общим повышением грамотности и гражданского самосознания, развитием СМИ и Интернета, резко повысивших степень информированности населения. К этому надо добавить возросшую роль женщин в арабском обществе, прежде всего в странах Магриба и Египте, что проявляется в семье, в системе образования, науке и в общественной жизни.

Свою роль сыграли и субъективные факторы. Например, в Марокко к началу XXI в. безработица достигла 20%, но социальное недовольство не перехлестывало через край. Причины – высокий авторитет правящей династии Алауитов, возводящей свой род к Пророку Мухаммеду и сосредоточившей в своих руках и светскую, и религиозную власть, соперничество арабской и берберской фракций местной элиты, сплочение большинства жителей на конфронтации с Алжиром в борьбе за Западную Сахару и с Испанией – в борьбе за возвращение Сеуты и Мелильи. В Тунисе положение было лучше (17% безработных), но Бен Али превратил Тунис в полицейское государство, где партии, пресса и духовенство, игравшие при Бургибе ограниченную роль, утратили всякое значение. Бен Али подавил исламистов, но это – ввиду жесткости его диктатуры, опиравшейся в основном на спецслужбы, – лишь сыграло исламистам на руку. В Тунисе, стране с очень высокой долей учившейся во Франции интеллигенции и там же воспитанных профсоюзных и научно-технических кадров, с обилием выпускников вузов, не имевших работы, годами копилось недовольство, не находившее выхода ни в СМИ, ни в иной публичной сфере. Но через Интернет, СМИ Франции и Италии тунисцы все знали о фальсификациях выборов, на которых пять раз «избирался» Бен Али, о махинациях его окружения, о коррупции в госаппарате правящей партии. Поэтому внешне незаметно зревшее недовольство так ярко вспыхнуло после акта саможжения молодого тунисца.

В результате пяти дней столкновений демонстрантов с властями оказалось достаточно, чтобы режим пал. Позиция армии пока не ясна. Силы оппозиции слабы и разрозненны. Не исключен выход на политическую авансцену исламистов, лидер которых Рашид Ганнуши вернулся из Лондона. Он сейчас – единственный в стране политик «с именем».

Иначе развивались события в Египте, где уровень жизни и образованности народа намного ниже, чем в Тунисе, где безработица достигала 25%, где «гамаат исламийя» (исламские ассоциации) объединяли миллионы молодых людей, а тысячи из них входили в откровенно террористические группы экстремистов. Масштабы недовольства соответствовали масштабам страны с 85 млн. жителей. Социальная поляризация и социальные противоречия в обществе росли стремительно, как и сверхобогащение «жирных котов». Внезапность отставки Мубарака – вероятно результат тайного военного переворота. Армия, с самого начала занимавшая «нейтральную» позицию, сместила Мубарака, дабы спасти такой ценой саму систему власти. По сравнению с Тунисом и Египтом гораздо меньшие потрясения пережили другие арабские страны. В Сирии, судя по всему, власть партии Баас, безоговорочно поддерживаемая алавитами, христианами и армией, непоколебима. Она базируется на идее арабского единства и «арабизированного» социализма, а главное – на противостоянии Израилю. Сложность положения в Йемене определяется наличием сепаратистских настроений в более развитой южной части страны, а также тем, что правительство практически не контролирует племена в горах, нередко навязывающие ему свою волю. К тому же в Йемене, как нигде, сильны позиции исламистов, иногда выступающих в роли союзника властей.

Остаются Ливан и Алжир. В Ливане политический кризис завершился компромиссом, в соответствии с которым к власти пришло правительство, получившее поддержку шиитов, ныне наиболее многочисленной и влиятельной в стране общины. Опасения Запада и Израиля в этой связи были вызваны усилением позиций проиранской партии «Хизбалла». Серьезнее ситуация в Алжире, где на северо-востоке еще действуют террористы, а социальная обстановка близка к тунисской. Но в Алжире режим хоть и жесткий, но допускает и деятельность политических партий, в том числе умеренно-исламистских, и независимую прессу. Тем не менее и здесь имеет место недовольство. Но алжирцы устали от гражданской войны, в которой за 1992–2001 гг. погибли до 200 тыс. чело-

век, а тысячи нужных стране людей (в основном с французским образованием) вынуждены были эмигрировать. Власти уже почти десять лет проводят политику национального примирения, стараясь достигнуть компромисса, но, не колеблясь, применяют и силовые методы. Недовольство 12-летним правлением президента Бутефлики проявлялось в кругах интеллигенции уже несколько лет тому назад (особенно кабилы выступали против его уступок исламистам). Однако президент, умело пользуясь харизмой героя национальной революции 1954–1962 гг. и сочетая умеренную «либерализацию» с жестким этатизмом, до сих пор успешно выходил из трудных ситуаций. Реабилитируя бывших противников, давая высказываться и правым и левым (парламент Алжира – единственный в мире, где рядом с исламистами, либералами и националистами заседают 26 депутатов-троцкистов!), Бутефлика проводит политику, пожалуй, единственно возможную для достижения хотя бы относительного согласия и успокоения населения.

В целом я не считаю происходящее в арабском мире революциями. Что-то серьезно измениться может лишь в Египте, но это всецело зависит от армейской элиты, взявшей власть. Нельзя исключить как в Египте, так и в Тунисе вмешательства исламистов в ход событий. В Египте они очень влиятельны (особенно «Братья-мусульмане»). В Тунисе – меньше, как и в Алжире. Допуск умеренных исламистов к участию во власти может быть даже разумным шагом, упреждающим соскальзывание в будущем к неконтролируемой «исламизации» власти. Такая опасность есть везде в арабском мире, включая Судан, недавно лишившийся своего «немусульманского» юга, и Ирак, пока еще сдерживаемый оккупацией США. Хочу выразить опасения по поводу предполагаемой роли армии в Египте, где может повториться недавняя ситуация в Судане, характеризовавшаяся жестокой борьбой за власть армии и исламистов.

В.И. Пантин (доктор философских наук). Надо взглянуть на происходящие на Ближнем Востоке (БВ) и в Северной Африке (СА) потрясения с глобальной точки зрения. Тогда окажется, что эти события закономерны, и станет понятно, почему они приобрели особый размах именно сейчас. Выяснится также, благодаря чему социально-политические взрывы произошли во внешне благополучных арабских странах (прежде всего в Тунисе, Египте, Ливии и других). Дело в том, что с начала 2000-х годов в мире все явственнее дает о себе знать глобальная экономическая, социальная и политическая дестабилизация, связанная с изменением су-

ществующего мирового порядка и соответствующая фазе великих потрясений в мировой экономике и политике.

Различными проявлениями дестабилизации являются: мировой кризис 2000–2001 гг., длительные военные операции США и их союзников в Афганистане и Ираке, глобальный финансовый и экономический кризис 2008–2009 гг., рост социальной напряженности во многих странах мира, включая ряд европейских стран и даже США (раскол американского общества на сторонников президента Б. Обамы и его противников – «неоконов»), сдвиг влево в ряде стран Латинской Америки, усиление исламского фундаментализма, обострение проблем иммиграции, перемещение центра мирового экономического развития с Запада на Восток и пр. Большинство политиков, экспертов и исследователей обращают недостаточное внимание на связь между этими явлениями, как и на само наличие фазы дестабилизации и великих потрясений, которую мы сейчас переживаем. А между тем это принципиально важное обстоятельство, без учета которого трудно понять происходящее в мире и прогнозировать будущее.

В этом контексте следовало ожидать потрясений в арабских странах, поскольку они являются своего рода «слабым звеном» современной западоцентричной мир-системы. Серьезные конфликты и крупные потрясения на БВ прогнозировались нами ранее, исходя из того, что фаза дестабилизации мирового порядка (великих потрясений) будет наблюдаться в период начала 2000-х – 2017 г., а ее нижняя точка будет соответствовать периоду 2010–2013 гг. Более того, можно уверенно прогнозировать, что события в Тунисе, Египте, Ливии и других арабских странах – это только начало крупных тектонических сдвигов и на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ), и на всей периферии и полупериферии существующей мир-системы. Среди других стран исламского мира «зоной риска и нестабильности» являются Афганистан, Пакистан, Ирак и Иран, но потенциально и такая крупная страна, как Индонезия, а также страны Центральной Азии (ЦА). Почему потрясения на БВ и в СВ являются долговременными?

Во-первых, мир в целом переживает драматическую фазу великих потрясений в экономике, социальной сфере и политике, которая соответствует понижательной волне цикла Кондратьева и продлится примерно до 2017–2020 гг. В ходе этой фазы (предшествующая подобная фаза наблюдалась в 1921–1945 гг.) происходят важные сдвиги и в центре, и на периферии мир-системы, меняется характер политических режимов, прежние формы зависимого раз-

вития перестают быть эффективными. Более того, происходят изменения, ведущие к созданию новой конфигурации связей между развитыми и развивающимися странами, между различными цивилизационными образованиями. Именно это мы и наблюдаем и будем наблюдать в странах БВ и Магриба, в том числе в таких относительно «благополучных» и пользовавшихся поддержкой Запада странах, как Египет и Тунис.

Во-вторых, фаза великих потрясений, связанная с циклами и волнами мирового развития, совпала с ростом мировых цен на продовольствие, который больше всего бьет по развивающимся странам, а также с неблагоприятными экологическими изменениями – опустыниванием, растущей нехваткой пресной воды, учащением засух. Эти неблагоприятные тенденции особенно сильно затрагивают страны БВ, которые уже сейчас ощущают нехватку пресной воды для сельского хозяйства. В дальнейшем ситуация будет не улучшаться, а ухудшаться. Так, согласно прогнозам известного российского специалиста-эколога, директора Института водных проблем В. Данилова-Данильяна, к 2025–2030 гг. почти половина населения Земли окажется в условиях, когда пресной воды не будет хватать для удовлетворения элементарных потребностей. В результате в глобальный кризис, связанный с дефицитом пресной воды, окажутся втянуты значительная часть Африки, БВ, Южная и Юго-Восточная Азия (ЮВА).

В-третьих, демографические процессы также способствуют росту нестабильности и социально-политическим потрясениям в странах БВ. Благодаря высокой рождаемости и уменьшению младенческой и детской смертности, которые наблюдались в 90-е годы в Египте, Тунисе и некоторых других арабских странах, доля молодежи в структуре населения этих стран существенно возросла. В то же время из-за экономических трудностей молодежь, в том числе высокообразованная, не может получить работу, многие молодые люди становятся «лишними». Так формируется мощный протестный потенциал. Дополнительный фактор дестабилизации состоит в характерном для арабских стран значительном отрыве элит (в том числе армейской верхушки) по качеству жизни от масс. Элиты не хотят ничего менять, поскольку они и так живут хорошо, а массы больше так жить не могут. Налицо признаки революционной ситуации, даже если она по некоторым параметрам существенно отличается от такого рода ситуаций в прошлом. Другой вопрос – приведет ли эта революционная ситуация к настоя-

щей революции или же дело ограничится верхушечными политическими переворотами и изменениями в элите.

Таким образом, с точки зрения концепции эволюционных циклов экономического и политического развития, события в странах БВ являются глубоко закономерными, они будут иметь масштабные и долговременные последствия. Эти события, так или иначе, затронут США, Израиль, Европейский союз, Россию и другие страны СНГ, прежде всего в ЦА. Речь идет не только об усилении потоков легальной и нелегальной иммиграции в страны ЕС и в Россию, но и о возможности нового всплеска исламского фундаментализма. Для России чрезвычайно важно, чтобы возникающие в ЦА (особенно в Киргизии, Таджикистане, Узбекистане) социальные проблемы, во многом аналогичные тем, что существуют в странах БВ, не консервировались, а своевременно и эффективно разрешались. В частности, одной из главных проблем является вопрос о своевременной и преемственной передаче власти. Если удастся решить этот вопрос и одновременно смягчить социальные проблемы, ситуация в ЦА останется более или менее стабильной. В противном случае здесь может произойти социальный взрыв, сходный с тем, который имеет место в арабском мире.

Д.Б. Малышева (доктор политических наук). Ситуацию в регионе усугубил общемировой кризис, из которого даже многие промышленно развитые страны вышли в гораздо худшей форме, чем развивающиеся. Архаичная политическая надстройка в ряде стран, где у власти бессменно находились давно пережившие свою эпоху «сильные личности», все больше переставала соответствовать новому экономическому базису, возникшему благодаря проводившимся в последнее десятилетие неолиберальным реформам. Эти реформы имели в большинстве стран региона неоднозначные последствия: они не искоренили коррупцию, не сделали более эффективной местную бюрократию и, приведя к сворачиванию многих социальных программ, увеличили прослойку бедных. Серьезные проблемы породила демографическая ситуация. В Египте при его весьма ограниченных ресурсах население ежегодно увеличивается на 1,5 млн. человек. В 2011 г. численность египтян составила уже 84,5 млн. Почти 50% людей в возрасте до 25 лет не имеют работу (в Йемене – 65–70%). Именно молодежь в силу возрастных особенностей, эмоционального, а не рационального восприятия мира, отсутствия работы и всяческих перспектив более других слоев населения оказалась восприимчива к протестным лозунгам.

Но помимо внутренних предпосылок, которые в основном и обусловили массовые протестные движения в регионе, немало важную роль сыграли внешние факторы. Речь идет в первую очередь об информационных потоках, которые благодаря глобализации поступали в регион через Интернет. Социальные сети Twitter и Facebook давно используются США для проведения внешней политики, хотя едва ли Вашингтон был замешан напрямую в свержении прозападных режимов Х. Мубарака и Бен Али.

По-новому высветилась на БВ и роль религиозного фактора. «Политический ислам» в ходе протестов в Тунисе, Египте и других странах не выдвигался, как правило, на передний план, но это вовсе не означало, что он сдал свои позиции, ибо за исламом было и остается на БВ огромное идейно-духовное пространство. Другое дело, что сознательная демонизация исламистов позволяла Мубараку и другим авторитарным правителям оправдывать репрессии в своих странах, облегчала возможности получения режимами иностранной помощи. Силы, традиционно относимые на Западе к течениям «политического ислама» и обозначаемые как исламисты (к ним относят и египетских «Братьев-мусульман»), не являются единым организационным целым. Они распадаются на многочисленные группы, движения и течения, участники которых придерживаются либо радикальных, либо относительно умеренных взглядов, оставаясь весьма серьезными, а порой и единственными оппонентами правящих режимов. Не исключено также, что некоторые из тех, кого сегодня называют исламистами, попытаются воплотить в жизнь проект модернизации по примеру того, как это делает в Турции Партия справедливости и развития (ПСР). Или же они будут подобно палестинскому движению ХАМАС или ливанской «Хизбалла» проводить в жизнь социальные программы, направленные на улучшение жизни рядовых мусульман. Важно, что ведущая оппозиционная партия Египта «Братья-мусульмане» призвала к установлению гражданского правительства и закреплению в конституции «гарантии свобод и прав человека». В своем стремлении подстроиться под современные процессы «Братья-мусульмане» (как и ПСР) легко отходят от традиционной религиозной терминологии и начинают пользоваться языком общегражданского общения, что расширяет их возможности участвовать в жизни страны в качестве политической партии. Вне зависимости от успеха или неуспеха «Братьев» на назначенных военным правительством Египта президентских выборах будущий режим Египта качнется в сторону большего «арабизма» и исламского компонен-

та, поскольку это будет необходимо для стабилизации внутренней ситуации.

Г.И. Мирский. Нельзя отрицать экстремистский и террористический характер прошлой деятельности «Братьев». Но нельзя игнорировать и тот факт, что в течение нескольких последних десятилетий «Братья» зарекомендовали себя в качестве относительно умеренной организации. Это не «Аль-Каида». «Братья» всегда шли на парламентские выборы, а поскольку они были официально запрещены, их кандидаты выставлялись как независимые. Именно за согласие участвовать в демократических процедурах «Братья» были подвергнуты беспощадной критике со стороны Аймана аз-Завахири, второго после Бен Ладена руководителя «Аль-Каиды». Можно ли доверять умеренности «Братьев» и полагаться на то, что, получив свои 20–30% голосов на свободных выборах, они станут просто одним из крыльев легитимного политического процесса? Никто не в силах ответить на этот вопрос, тем более что, вероятно, внутри этой герметически закрытой организации нет единства, могут быть различные мнения и тенденции.

Нынешний взрыв в Египте был для «Братьев», видимо, полной неожиданностью; лишь через несколько дней они примкнули к демонстрантам. «Братья-мусульмане» стараются выглядеть умеренными. Если представить себе, что новые власти независимо от их состава и конфигурации в любом случае не смогут быстро провести такие реформы, которые позволят справиться с безработицей, улучшить положение беднейших слоев населения, – у исламистов появятся неплохие шансы привлечь под свое знамя с лозунгом «Ислам – вот решение!» огромную массу бедноты, для которой свобода слова и демократия – пустой звук, и которая уже сегодня искоса смотрит на образованных людей, задающих тон на площади Тахрир.

Для Вашингтона невозможно даже и помыслить о потере Египта – основы всей его политики на БВ. Поэтому администрация Обамы, осознав, что эра Мубарака в любом случае заканчивается, поспешила дать понять, что перемены должны начаться немедленно. Понимая, конечно, что лучше режима Мубарака для них уже ничего не будет, американские политики пытались заранее навести мосты для контакта с будущими властями. В любом случае серьезный проигрыш США несомненен. Что бы американцы сейчас ни делали, все обернется против них. Конечно, они сами во многом виноваты: вся политика Вашингтона на БВ за последние десятилетия характеризовалась двойственностью. Дж. Буш-мл.

провозглашал курс на демократизацию региона, но после фиаско в Ираке и победы ХАМАС на палестинских выборах сбавил тон. В Вашингтоне негласно пришли к выводу, что лучше уж держаться за старых надежных союзников, какими бы автократами они ни были. Демократию отодвинули на задний план, предпочтя ей сейчас стабильность. Может быть, один из главных уроков последних событий состоит в том, что оказалась несостоятельной весьма распространенная концепция, суть которой в следующем: единственной преградой на пути экстремизма, в первую очередь исламистского, является поддержка сильных авторитарных режимов светского и националистического типа. Они, правда, далеки от демократии и соблюдения прав человека, но зато обеспечивают стабильность и не дают хода экстремистам. Смысл такого рода рассуждений – в слове «стабильность». По-видимому, превращая народ в нечто безгласное и пассивное, лишая его возможности выражать свои чаяния и требования путем участия в демократическом соревновательном процессе, ликвидируя по существу политику как таковую и фальсифицируя народное волеизъявление, авторитарная власть делает взрыв неизбежным – раньше или позже. А вот на обломках взорванного режима как раз и могут поднять голову, заполнить вакуум экстремистские силы. Однако на смену авторитаризму может прийти тоталитаризм шовинистического или теократического толка. Но может оказаться, что образованная молодежь, интеллигенция, средние классы в Египте, прекрасно знающие, например, что натворили исламисты в Алжире и что такое «Аль-Каида» и талибы, не пожелают встать под зеленое знамя и отвергнут перспективу превращения своей страны в исламскую республику.

Но помимо исламистской угрозы есть и другая, весьма неприятная перспектива: установление достаточно долговременной военной диктатуры. Генералы перехватили у инициаторов восстания знамя революции и пока что сохранили тот авторитарный режим, который держится в Египте уже 60 лет. Многие люди в состоянии эйфории от одержанной победы ожидают, что реформы должны пойти быстро и успешно. Разочарование – это неизбежное последствие революции на другой день после ее победы – может привести к тому, что на какие бы шаги ни шла власть, все будет казаться недостаточным, мало того – будет выглядеть как предательство революции. Начнутся новые волнения, и на этот раз военные должны будут показать силу. Может начаться противостояние между молодежью «Facebook» и военной властью. Прав-

да, нельзя забывать, что осенью обещаны свободные выборы. В принципе на этом военный режим и должен закончить свое существование. Возможны разные сценарии. Германский журнал «Der Spiegel» полагает, что перед Египтом открыты три пути: длительное господство военной хунты, сочетание умеренного исламизма с демократией либо «исламская республика».

Худший из прогнозов по Египту – исламизация Египта. Речь при этом не идет о создании исламской республики или о том, что представитель «Братьев-мусульман» может стать президентом либо премьером. Это практически исключено. Можно говорить о «ползучей исламизации»: усиление исламских (а затем и исламистских) тенденций в общественной жизни и законодательной сфере. Тогда мог бы произойти поворот во внешней политике. Возможным стало бы вхождение Египта в новый арабский «фронт сопротивления». Говорят о новой стратегии борьбы с Израилем, о «народной войне», в которой врагу будут противостоять уже не вооруженные силы арабских государств, а «Хизбалла» и ХАМАС плюс добровольцы из разных стран исламского мира. Все это означало бы кардинальное изменение конфигурации сил на всем БВ. В этом случае нашлись бы противодействующие факторы: зависимость Египта от помощи США (почти 1,5 млрд. долл. в год), общая проамериканская в целом ориентация командного состава египетской армии, вражда между суннитскими странами (Египет, Иордания, Саудовская Аравия) и шиитским Ираном. Но именно для того, чтобы противостоять «шиитскому полумесяцу», арабские исламисты-сунниты постарались бы вырвать из рук шиитов знамя «борьбы с сионистским образованием». Если же власть в Египте будет контролироваться умеренными силами, принципиальных изменений во внешней политике страны не произойдет. Очень многое, однако, будет зависеть от развития палестинского конфликта, от урегулирования международного кризиса вокруг иранской ядерной программы, от стабилизации в Ираке, от войны НАТО в Афганистане. Слишком много неизвестных величин...

*«Мировая экономика и международные отношения»,
М., 2011 г., № 7, с. 11–25, № 8, с. 52–66.*

Владимир Карякин,

ПОЛИТОЛОГ

ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВЫЕ ВОЙНЫ И ИХ РОЛЬ В СОБЫТИЯХ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Начало XXI в. охарактеризовалось появлением нового вида войн – информационных, при которых победа достигается не за счет уничтожения вооруженных сил и экономики противника, а за счет воздействий на его морально-психологическое состояние. Если придерживаться классификации войн с точки зрения смены общественных формаций, то, опираясь на интерпретацию В.И. Слипченко, можно представить поколения войн в следующем виде:

- первое поколение – войны времен античных, аграрных и кочевых обществ;
- второе поколение – войны эпохи мануфактурного производства;
- третье поколение – войны ранних индустриальных обществ;
- четвертое поколение – войны развитых индустриальных обществ;
- пятое поколение – локальные конфликты и «холодная война» ядерной эпохи;
- шестое поколение – неконтактные дистанционные войны с применением высокоточных вооружений.

В настоящее время мы вступили в эпоху войн седьмого поколения – информационно-сетевых войн, которые явились следствием следующих факторов: развития средств вычислительной техники и коммуникаций, что привело к возрастанию роли информации в жизни человеческого общества, по эффективности своего влияния превзошедшей многие материальные виды ресурсов; успехов психологии в области изучения поведения людей и управления их мотивациями, позволившего оказывать заданное воздействие на большие группы людей в нужных направлениях; технического прогресса в области разработки нелетальных средств воздействия на людей, которые заменили традиционные виды оружия.

Борьба в информационном пространстве велась во все времена существования человечества как в военное, так и в мирное время явно, а чаще всего скрытно между государствами в защиту своих интересов, за зоны политического и экономического влия-

ния, источники сырья и рынки сбыта, за спорные территории. Она постоянно ведется не только на международной арене, но и внутри каждого государства, в первую очередь за власть, собственность и политическое влияние, за возможность манипулировать настроениями и поведением больших масс людей.

Контролируя потоки информации, управляя ее предоставлением обществу, можно влиять на общественные процессы. Это является одной из причин ожесточенной борьбы соперничающих группировок за контроль над средствами информации, а значит, и за сознанием и поведением населения страны.

Традиционная война против государства, обладающего ядерным оружием, в наше время чрезвычайно опасна. Это может привести к катастрофе, потому что геополитические ресурсы любого государства, такие как сырье, территория, экономика и население, материальны, хорошо осязаемы. Угроза их утраты воспринимаются нацией как подрыв основ ее физического выживания. В таких обстоятельствах, при наличии реальной угрозы, нация в течение короткого времени мобилизуется на ее отражение, а инициатор войны становится в глазах народа агрессором. Поэтому современные политтехнологи стремятся перевести агрессию из материального пространства в информационное. Для этого им требуется трансформировать ментальное поле общественно-политической системы, которая стоит на очереди для аннексии.

В первую очередь осуществляется переориентация или уничтожение традиционных ценностей народа, чтобы информационная атака воспринималась данным обществом как добровольное желание дальнейшего восхождения по пути прогресса. В данном случае внешняя агрессия в массовом сознании отражается как цивилизационная трансформация архаичного общества другим обществом, стоящим на более высокой ступени развития.

Здесь следует отметить, что технологии сетевых войн были хорошо отработаны уже в годы так называемой «холодной войны» как формы тотального разрушения геополитического противника. На рубеже XX–XXI вв. в западном обществе были разработаны многочисленные технологии скрытого разрушительного воздействия, имеющие комплексный характер и в своей совокупности оформившиеся в новый тип войн – информационно-сетевые.

Таким образом, мы можем дать следующее определение информационно-сетевой войны: это подрыв, а затем и разрушение базовых характеристик определенной нации во всех типах ее геополитических пространств, осуществляемое преимущественно в

скрытой форме. При этом в зависимости от конкретных задач воздействия на противника, решаемых в данный период времени, та или иная область общественной жизни может становиться приоритетным объектом агрессии. В качестве примеров, относящихся к России, можно отметить разрушение военно-промышленного комплекса страны, реформы в армии, образовании, пенсионном обеспечении населения и другие.

Целью информационно-сетевой войны является прочное закрепление большей части стратегически важных ресурсов страны-противника за геополитическим агрессором. При этом «передача» этих ресурсов агрессору осуществляется элитой страны-жертвы в значительной степени добровольно, поскольку воспринимается ею не как захват, а как путь к восходящему развитию. Это порождает сложность в распознавании технологии и методов информационно-сетевой войны по сравнению с традиционной войной, а также отсутствие своевременной реакции на действия агрессора, поскольку у жертвы не оказывается никаких мер противодействия этому. В данной ситуации жертва оказывается беззащитной и не готовой дать своевременный и адекватный отпор агрессору. При этом, если результаты «горячих» войн со временем оспариваются и пересматриваются (примерами тому являются Первая и Вторая мировые войны), то результаты информационно-сетевой войны пересмотру не подлежат до тех пор, пока сами акторы-агрессоры не утратят своих позиций в ходе реализаций законов мировой геополитической динамики.

Но как будут утрачены эти позиции в будущем, в настоящее время не ясно. Сложность данного вопроса состоит в том, что фронт информационно-сетевой войны располагается в ментальном пространстве человеческого общества, в котором уже произошло замещение базовых ценностей нации-жертвы на психологические установки и мифы агрессора. Массовое сознание не может своевременно распознать факт имплантации ментальных вирусов. А политическая и культурная элиты, ставшие объектом информационно-сетевой войны, не имея достаточной квалификации для выявления информационной агрессии и организации адекватного отпора сетевому врагу, обречены на сокрушительное геополитическое поражение.

Фактически к информационно-сетевой войне подключаются практически все общественные институты: в первую очередь, СМИ и религиозные организации, учреждения культуры, неправительственные организации, общественные движения, финансируе-

мые из-за рубежа. Даже деятели науки, работающие по зарубежным грантам, вносят свой вклад в разрушение государства. Все они осуществляют так называемую «распределенную атаку», нанося многочисленные точечные разрушающие воздействия по общественной системе страны под лозунгом «развития демократии» и «соблюдения прав человека». Благодаря современным политтехнологиям и накопленному опыту воздействия на массовое сознание даже геноцид можно вести без применения газовых камер и массовых расстрелов населения. Достаточно создать условия для сокращения рождаемости и увеличения смертности.

Другой особенностью информационно-сетевых войн является отсутствие жесткой иерархии в сетевой структуре агрессора. Это объясняется ее гетерогенностью, выражающейся в значительной автономности государственных и негосударственных элементов данной структуры, в которой нет ярко выраженных вертикальных связей. Зато имеются многочисленные горизонтальные связи, действие которых нерегулярно. Такое отсутствие иерархии и регулярности взаимодействия не позволяет четко выявить существование и деятельность такой сетевой структуры.

Так что же движет деятельностью таких сетевых структур? Источником энергии, можно сказать «горючим», является информация, которая в них циркулирует, а своеобразными «запалами» являются хозяева узловых точек данной сети. Примером этому являются сервера социальных сетей Facebook и Twitter, находящиеся под контролем американских спецслужб.

Как сообщила британская газета «The Guardian», в США уже осуществляется пропагандистская работа с использованием Twitter, Facebook и других социальных сетей. Центром управления данной программой является база ВЗС США «Макдилл» в штате Флорида, в котором задействовано 50 операторов, каждый из которых может управлять действиями около десяти «агентов влияния», зарегистрированных в различных странах мира и ведущих информационную войну по всем правилам политических технологий разрушения государств. Стоимость данной программы, по оценке британской газеты, оценивается в 2,76 млн. долл. Она предусматривает для каждого из таких бойцов информационной войны наличие убедительной легенды и меры по защите от разоблачения.

По словам пресс-секретаря Центрального командования Вооруженных сил США Билла Спикса, любое воздействие на американскую аудиторию запрещено правилами. Для этого использо-

вание английского языка запрещено. В системе информация представлена только на арабском, урду, пушту, фарси и некоторых других языках в зависимости от тех стран, которые представляют интерес для Вашингтона с точки зрения воздействия на их общественную стабильность.

Поэтому выявление и квалификация актов информационной войны является задачей спецслужб каждого государства, заботящегося о своей безопасности. Это тем более важно, что вследствие непроявленного характера информационной агрессии она не воспринимается обществом в качестве непосредственной угрозы существованию государства. Поэтому задачей экспертного сообщества и спецслужб является проявление этих угроз для руководства страны, которое должно принимать соответствующие меры. Иллюстрацией этому является пример, который был приведен в работе Н. Комлевой. Расследование в Конгрессе США в январе 2002 г. теракта 11 сентября 2001 г. показало, что ключевые должностные лица в американском руководстве проявили бездействие после того, как разведывательные структуры США доложили о существовании угрозы теракта и даже определили время его совершения. Но президент США и его советник по национальной безопасности не квалифицировали предоставленную информацию как важную и, более того, правдоподобную.

Что касается сферы информационно-сетевых противоборств, то оно охватывает следующие пространства:

- географическое – установление контроля над территорией посредством глобальных (в том числе и космических) информационных и разведывательных систем, поощрение сепаратистских движений и террористической активности в различных формах на территории противника, вовлечения противника в конфликты малой интенсивности, а также организация волнений народных масс и «цветных» революций;

- экономическое – навязывание противнику кабальных кредитов, введение эмбарго, организация экономических санкций и провокаций;

- идеологическое – использование клеветы, искажения информации, подмена понятий, внесение ментальных вирусов и мифологем в сознание населения противника;

- сетевое – организация хакерских атак и внесение компьютерных вирусов различного рода в вычислительные и коммуникационные системы и базы данных.

Какова бы ни была конечная цель информационно-сетевой борьбы, ближайшей задачей всегда является затруднение доступа людей к достоверной информации. Важность этого момента объясняется тем, что оперативность и качество принимаемых решений на всех уровнях общественной структуры непосредственно зависит от полноты и достоверности представляемой информации. Методы, используемые сторонами в информационном противоборстве, могут быть следующие.

1. Соккрытие критически важной информации о положении дел в данной области.

2. Погружение ценной информации в массив так называемого «информационного мусора» в соответствии с принципом «спрятать лист в лесу».

3. Подмена понятий или искажение их смысла.

4. Отвлечение внимания на малозначимые события.

5. Применение понятий, которые на слуху у публики, но которые не имеют не только определения, но и значимости.

6. Подача негативной информации, которая лучше воспринимается аудиторией по сравнению с позитивными новостями.

7. Ссылка на факторы, которые не имеют реального смысла, а также на некорректно проведенные социологические и маркетинговые исследования.

8. Введение табу на определенные виды информации и новостей, несмотря на их общеизвестность. Делается это с целью недопущения широкого обсуждения критичных для определенных структур вопросов и тем.

9. Откровенная ложь с целью недопущения негативной реакции населения и зарубежной общественности.

10. В арсенале информационных войн есть такие средства, как «информационная бомба» и «информационная мина». Первая служит детонатором лавинообразного нарастания процесса в обществе, в то время как вторая закладывается заранее и срабатывает в определенный момент, в ходе процесса доведения его до логического конца. Примерами «информационных мин» являются утечки из официальных органов государства или из таких сайтов, как «Викиликс».

Типичным примером применения технологии информационно-сетевой войны являются восстания народных масс в странах Ближнего Востока. И если в случае Туниса и Египта эти технологии не были достаточно проявлены, то в Ливии состоялся «генеральный прогон» войн седьмого поколения. Ливийская «револю-

ция» предстала на экранах мировых СМИ как некий симулякр, отфотошопленная «копия без оригинала», ход которой был подан глобальными массмедиа без всякого соотнесения с действительностью, зато в точном соответствии со сценарием, написанным западными политтехнологами.

Спровоцированные на «революционные» выступления информационными атаками из социальных сетей Facebook и Twitter, арабские общества привели в движение революционное цунами на Ближнем Востоке. Взрыв на «арабской улице» показал, что социальные сети стали своего рода «запалом» для беспокойной атмосферы Ближнего Востока. Практически во всех странах, вовлеченных в этот водоворот событий, революционный «флэш-моб» был организован посредством рассылки сообщений о намечающихся митингах и протестных акциях через социальные сети, электронную почту и мобильные телефоны. При этом следует учитывать тот факт, что управляющие серверы глобальных электронных сетей Facebook, Twitter, Hotmail, Yahoo и Gmail находятся в США и контролируются американскими спецслужбами, имеющими доступ ко всей циркулирующей в них информации. Это позволяет организовать рассылку сообщений заранее подобранной «клиентуре» – своим агентам влияния в странах Арабского Востока, которые по сигналу извне собирают в нужное время и в нужном месте критическую массу людей, используя для этого так называемое «сарафанное радио».

Люди «арабской улицы», в большинстве своем ничего не знающие об Интернете, социальных сетях, а зачастую и не имеющие компьютеров и сотовых телефонов, готовы бить витрины, жечь автомашины и бросать камни в полицию, потому что почувствовали возможность расквитаться с властью предрержащими за ту бедность, на которую их обрекли правящие режимы.

Службы безопасности подвергшихся информационному вторжению государств оказались бессильны противостоять насилию в новой для них форме организации протестного движения, которое сразу же приобрело лавинообразный, неуправляемый характер. Оказалось, что невозможно было предвидеть начало уличных беспорядков, как и источники рассылки подстрекательских сообщений, а после начала беспорядков отключение доступа в Интернет и мобильной связи уже ничего не дало, так как процесс приобрел характер лесного пожара.

Бессильной здесь оказалась и мировая политическая прогностика, задачей которой является отслеживание и прогнозирование

общественных тенденций. Фактически события на Ближнем Востоке высветили несостоятельность современной футурологии как науки о будущем. Причиной этому является опора на классический детерминизм развития исторических процессов и линейная аппроксимация общественных тенденций. Однако все возрастающая сложность и динамизм современных обществ, появление многочисленных, неявно выраженных связей между общественными структурами, повышение роли субъектов общественного процесса привело к торжеству хаоса на улицах и площадях арабских городов.

Динамика современного мира стала настолько велика, что пока аналитики занимаются анализом ситуации и разработкой прогноза, сам объект исследования изменяет свою структуру и направление развития. Существующие в нем тенденции меняют свои траектории движения. Появляется «веер сценариев» будущего, которые оказываются полезными только с академической точки зрения.

Однако жизнь ставит перед политическими аналитиками другие задачи. От одних требуется выявить тенденции, угрожающие стабильности общества. Другим экспертам поставлена задача определения путей и подходящих моментов времени для «открытия» заданной общественной системы с целью ее разрушения или деформации. Примером этому является политика гласности Горбачёва, которая открыла каналы для подрыва основ советского общества, что идеологически обезоружило людей и привело к геополитической катастрофе – развалу СССР. Другим примером является самосожжение Буазизи в Тунисе, которое стало бикфордовым шнуром, взорвавшим Ближний Восток.

Поэтому следует иметь в виду, что современный мир взрывоопасно насыщен людьми с крайне негармонизированным мотивационным внутренним миром. «Молодые люмпены», как их называют социологи, – деклассированная масса с непроявленными социальными корнями, без четких нравственных понятий и политических ориентиров. Активность таких элементов социума в повседневной жизни простирается от обычной коммерческой лихорадки до спекуляций на фондовом и валютном рынках. А при нарастании революционной ситуации у них нарастает антисистемный протестный заряд. Он разбивается на фоне нереализованных амбиций, как это было в случае самосожжения Буазизи – молодого человека с высшим образованием, вынужденного торговать овощами. Эти люди, находясь в постоянном поиске своего места в

жизни, по существу, становятся марионетками, попадая под влияние социальных сетей, настроений уличной толпы или идеологии радикальных движений. И если у таких людей отсутствует внутренний моральный стержень, то невозможно представить, какие мотивы возобладают у них в следующий момент времени.

Это наполняет современную прогностику психологическими и конфессиональными веяниями и придает ей оттенок загадочности и мистицизма, что пытаются использовать некоторые аналитики для поднятия своего имиджа, чему благоприятствует театрализованность событий на улицах городов, приобретающая форму политической драмы с элементами насилия, противостоянием сторон и жертвами участников этого псевдореволюционного действия.

Освещающие эти события СМИ и информация в социальных сетях еще более накаляют обстановку массового психоза. Этому способствуют прямые репортажи, снятые на камеры сотовых телефонов неизвестно кем и неизвестно где, сообщения о многочисленных жертвах, павших от рук правительственных сил, но не показанных из якобы гуманных соображений, репортажи из якобы захваченных повстанцами городов, беспорядочная стрельба из зенитных пулеметов для демонстрации обстановки боевых действий, обломки якобы сбитых самолетов правительственной авиации, бомбившей повстанцев, «переход» на сторону народа сына Каддафи, бегство ливийских дипломатов в США и Францию.

Однако если внимательно присмотреться, то видно, что в СМИ разыгрывается виртуальная война, смонтированная и отрепушированная на компьютерах и вброшенная в виртуальное пространство в качестве информационной жвачки для обоснования санкций Совета Безопасности ООН.

Если Тунис и Египет были первыми пробами заокеанских режиссеров этого псевдореволюционного спектакля, то Ливия – это первая реальная боевая операция мировой информационно-сетевой войны Запада против неугодных режимов.

Если на Балканах, в Афганистане и Ираке Вашингтон использует все средства и методы глобального передела мира, имеющего целью смену лидеров в тех странах, которые представляют стратегический интерес для США, то сейчас Запад инициирует приведение к власти в странах Ближнего Востока лидеров нового поколения, идущих на смену тем, кто получил образование, воспитание в СССР, – технократов западной формации и западного менталитета, которые призваны упрочить позиции Соединенных Штатов при одновременном вытеснении Китая, ЕС и России

из региона Большого Ближнего Востока. Это пример попытки реализации информационно-сетевой стратегии «управляемого хаоса», которая оказалась новым средством сохранения американского глобального лидерства с минимальными финансовыми затратами, если не считать расходы на выдвижение авианосцев к берегам Ливии и издержки мировой экономики от повышения цены на нефть.

*«Информационные войны»,
Юбилейный, 2011 г., № 3(19), с. 2–7.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2012 – 1 (235)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректоры О.В. Шамова, М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 19/І-2012 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,75 Уч.-изд. л. 10,1
Тираж 500 экз. Заказ № 10

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)